Боевые ребята

Вып. 2 (28)

МД1958

СБ
675

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
СБОРНИК ДЛЯ ДЕТЕЙ

БОЕВЫЕ РЕБЯТА

113292

ВЫПУСК ВТОРОЙ (28)

Детская Центральная Библиотека
г. Свердловск

СВЕРДЛОВСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1958

Редактор *И. Круглик*

Художественно-технический редактор
Ю. Сакнынь
Корректор *Г. Кожевникова*

*

Подписано к печати 24/XII 1957 г.
Уч.-изд. л. 10,05 Бумага 84×108$^{1}/_{16}$=
5,25 + 1 вклейка
бумажного — 17,22 печатного листа.
НС 27409 Тираж 35000. Заказ 267.
Цена 5 р. 20 к.

*

Типография издательства
«Уральский рабочий»,
Свердловск, ул. имени Ленина, 49.

ТОРЖЕСТВЕННАЯ ДАТА

ЕФИМ РУЖАНСКИЙ

Огнём горит листок календаря.
Великая,
торжественная дата.
Мы знаем:
в бой за счастье
шли не зря
Рабочие,
матросы
и солдаты.
Им поначалу было нелегко,
Отцы и деды
трудной шли дорогой.
Но наше знамя
взвилось высоко,
Под ним
Народов выстроилось много.
И мы растём
свободными людьми
В любимой нашей
родине Советов.
Мы любим строить,
мы стоим за мир,
Провозглашённый
Ленинским декретом.

Страна родная
строит нам дворцы.
Свобода
нам досталась по наследству:
Завоевали нам в боях отцы
Счастливое и радостное детство.
И вот Отчизны нашей юбилей!
Ей от души мы,
взрослые и дети,
Желаем в день её сорокалетья
Ещё красивей стать,
ещё сильней!
Пусть знамя полыхает, как заря.
Колонны.
Песни.
Музыка.
Плакаты.
Огнём горит листок календаря...
Великая, торжественная дата!

НАШ ПУТЬ

ОЛЕГ КОРЯКОВ

Он величав и светел, наш путь к коммунизму. Идти по нему нелегко: он ведёт к высочайшим вершинам, но всё же он светел и праздничен, наш гордый путь.

И, как вехи на этом пути, мы отмечаем годовщины Великой Октябрьской социалистической революции.

Сорок лет прошло с тех пор, как прозвучали потрясшие весь мир слова, произнесённые Лениным 25 октября (7 ноября) 1917 года: «Товарищи! Рабочая и крестьянская революция, о необходимости которой всё время говорили большевики, совершилась».

Мир сразу раскололся надвое; миров стало два: старый — капиталистический и новый — социалистический. Впервые за всю историю человечества трудящийся народ сверг эксплуататоров и взял власть в свои мозолистые руки.

Первые годовщины революции, первые вехи на пути народа к коммунизму окутаны горьким дымом пожарищ, пороховой гарью, залиты кровью и слезами. Старый мир яростно сопротивлялся. Народ, измученный многолетней войной, голодный, полураздетый, но полный веры в счастливое грядущее под знамёнами партии большевиков сражался за свою рабоче-крестьянскую власть.

Не только русские капиталисты и помещики с их пособниками, с остатками царской армии, но империалисты Америки, Англии, Франции, Японии и других стран изо всех сил старались задушить молодую Советскую республику. Но тысячи

Павлов Корчагиных отважно шли в бой, и вели их под ленинским знаменем Ворошилов, Фрунзе, Будённый, Чапаев,— выдвинутые из гущи народа талантливые, преданные революции героические полководцы.

Озверевшим бандам империалистического мира не удалось поставить на колени народ, скинувший с себя иго эксплуатации. Гражданская война принесла победу Советской, народной власти.

Тогда новая страшная угроза нависла над страной: угроза гибели от голода, холода и болезней. Страна была разрушена. Не работали заводы, фабрики и шахты. Потухли топки паровозов и пароходов. Запустели непаханые нивы. Разбрелись и погибли стада.

И снова народ, руководимый великой партией большевиков-коммунистов, совершил подвиг. Это был подвиг труда. Народ восстановил, поставил на ноги упавшее хозяйство страны. И хотя зарубежные империалисты грозили новой войной, хотя всячески вредили и мешали недобитые враги внутри страны, хотя всё ещё недоставало хлеба и мяса, масла и круп, — партия решительно повела народ дальше, вперёд.

Нелёгким, но славным был путь.

В лесах и степи возникали палаточные городки и бараки-времянки. Падали деревья, перезвон металла заглушал песню вьюги. В землю ложились бетон и кирпич, росли стены, поднимались заводские корпуса. Армии советских тружеников шли в в наступление — за металл, уголь, нефть, машины.

Стране была нужна своя мощная промышленность, своя индустрия, чтобы стать сильной, чтобы самой производить всё, что нужно для народного хозяйства.

Уральский машиностроительный завод, Магнитогорский металлургический комбинат, Кузнецкий металлургический, Соликамский химический, Горьковский автомобильный заводы, Сталинградский тракторный, Красноуральский медеплавильный, Днепрогэс... Детища трудового народа и партии, один за другим вступали в строй эти гиганты индустрии.

Наступление шло и на полях страны. В деревнях и сёлах проводилась коллективизация. Мелкие крестьянские хозяйства объединялись в колхозы. Первые советские тракторы вздымали межевые полоски, веками дробившие землю на жалкие

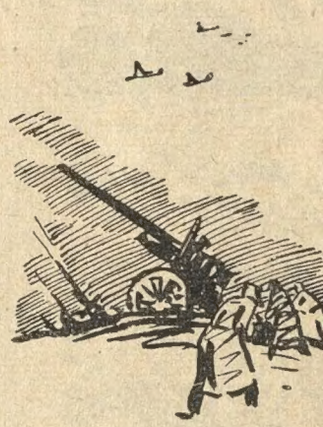
клочки. Но в победный рёв моторов врывались звуки выстрелов: кулачьё отчаянно сопротивлялось.

Шло великое трудовое наступление советского народа. Революция продолжалась, она сметала всё старое, прогнившее, грязное и подлое, воздвигая новое светлое здание социалистического общества. И снова, как в годы гражданской войны, в первых рядах наступающих была молодёжь. Краснозвёздные будённовки и винтовки она сменила на замасленные кепчонки и на молотки, лопаты, слесарные ключи и учебники. И в ногу с героическим комсомолом шагала звонкоголосая пионерия.

То были годы первых советских пятилеток, годы невиданных усилий народа-созидателя, годы трудовых побед. Страна росла, богатела и становилась всё сильней. Она становилась могучей социалистической державой.

Росла мощь страны — росла её культура. Из отсталой, когда-то полуграмотной страна превращалась в самую культурную. Тысячи школ, сотни и сотни вузов, научно-исследовательских институтов и лабораторий, дворцов культуры, библиотек, санаториев, больниц построит для себя народ. Богатела страна — богатели и люди.

Большое счастье разумной и созидательной жизни пришло к народу.



С восхищением и надеждой рабочие и крестьяне всего мира—наши друзья—взирали на великий Советский Союз—оплот мира и счастья народов. Со злобой, с яростью смотрели на успехи социалистической державы наши враги — империалисты. И самый лютый из врагов — германский фашизм — развязал против Советского Союза войну.

Четыре года продолжалась Великая Отечественная война против фашистских оккупантов. Это были годы величайших испытаний и бед, легендарного героизма и напряжения всех могучих сил советского народа. Священные идеалы коммунизма, мудрое слово партии и её железная воля, несгибаемое мужество советских людей привели нас к победе. Враг был разбит и раздавлен. Наше непобедимое алое знамя взвилось над логовом фашистского зверя.

Эта величайшая из всех войн отколола от капиталистического мира ещё несколько стран Европы и Азии. В социалистический лагерь пришёл великий Народный Китай. Лагерь социализма стал могучим как никогда.

От ратного подвига советский народ пошёл на подвиг трудовой. Нужно было залечить страшные, казавшиеся непоправимыми, раны, которые нанесла война. И нужно было шагать вперёд, ещё дальше, к коммунизму.

«Этих дней не смолкнет слава, не померкнет никогда...» — поётся в песне о гражданской войне. Эти слова так же относятся ко всякому периоду жизни и борьбы советского народа. Дни революции и дни ликвидации разрухи, дни первых пятилеток индустриализации и коллективизации, дни Великой Отечественной войны и дни мирного созидания, — слава о них не сможет померкнуть никогда!

Уже отстроены разрушенные города и сёла, и стали они лучше, краше, чем были. Уже работают ликвидированные войной предприятия, а рядом построены новые, сотни новых заводов, рудников, фабрик. Одна за другой одеваются в железобетон могучие непокорные реки, и самые мощные в мире гидроэлектростанции дают живительный электрический ток.

Величайшее в истории человечества мирное наступление народа-созидателя продолжается.

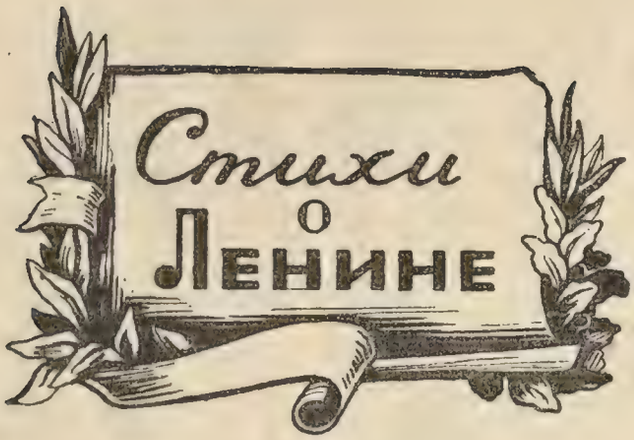
Вдохновлённый программой, которую начертал XX съезд Коммунистической партии Советского Союза, наш народ творит дела, подобных которым земля ещё не знала.

Миллионы гектаров целины, веками дремавшей без пользы, ныне несут советским людям зерно, хлеб, изобилие. На просторах Сибири и Дальнего Востока закипает новое гигантское сражение: люди наступают на природу, чтобы взять те неисчислимые богатства, которыми так щедро одарена сибирская и дальневосточная земля. Атом, который в руках империалистов служит символом и орудием смерти и разрушения, в нашей стране взят на вооружение мирное, созидательное.

Прекрасные, величественные горизонты открываются перед мирным советским народом и дружественными народами социалистического лагеря.

Наш гордый и светлый путь идёт вперёд. Советский народ движется по нему к сверкающим высотам коммунизма под знамёнами Коммунистической партии. Это славный, победный путь!

★



ПОСЛЕДНЯЯ ЁЛКА

ЛЕВ СОРОКИН

Всё быстрей проходит утомленье,
Всё сильнее давит тишина.
Отложив бумаги,
смотрит Ленин,
Как снежинки пляшут у окна.
За окном гудит холодный ветер,
В дом ребят играющих гоня.
Приподнялся Ленин:
— Надо детям
Ёлку бы устроить у меня!
...Ёлка!
Ёлка!
Если б знать,
что стала
Ты последней ёлкой Ильича!
Детвора смеялась и плясала,
Валенками лихо топоча.
Врач был против с самого начала:
— Болен вождь,
а дети так шумят!
Ильичу же словно полегчало
От весёлых песенок ребят.
Он смотрел с улыбкой восхищенья
На твоё грядущее,
Земля!
И мечтал устроить ёлку Ленин
Во дворцах
московского Кремля!

Валенки

ЛЕВ СОРОКИН

За стеною, может, час иль сутки
надоевший тянется скандал:
— Валенки подшитые? Ну, дудки!
Не надену! Я же вам сказал!
...Не могу!
Сейчас вскочу и грохну
В тоненькую стенку кулаком,
Так, что стёкла в рамах громко охнут,
Звякнет абажур под потолком.
Не успевший даже опериться,
Сам не заработавший рубля,
Валенок подшитых он стыдится!..
В памяти встают дворы Кремля.
Никакими стенами не скрытый,
Там шагал через глубокий снег
В валенках, поношенных,
подшитых,
Самый величайший человек.
Разгоралась в солнечном сияньи
Куполов затейливая вязь.
Шёл Ильич
в Цека на заседанье,
Валенок подшитых не стыдясь.

Искры

ЛЕВ СОРОКИН

Кто не знает Каменных Палаток?
Здесь звучало огненное слово,
Дым костров был горьковато-сладок,
Был негромким голос у Свердлова.
Давние подпольные собранья,
Словно предисловия восстанья!
Не забыть народу эти были!..
Тут мы сборы проводить любили.
И, представив, как здесь в грозном
Пятом
У костров подпольщики сидели,
Разжигали костерки ребята
И на них без устали глядели.
Искры словно кожу прожигали
И в сердца ребятам попадали.
Ведь не зря,
заданья нам давая,
Говорят,
что юность —
огневая!

Имени героев

Улица Малышева... Улица Хохрякова... Антона Валека... Вайнера... Синяева... Колмогорова...

Кто из вас, ребята, не проходил по этим улицам Свердловска? А многие ли знают о замечательных людях, чьими именами они названы?

Мы печатаем сегодня воспоминания старого большевика Александра Ивановича Медведева о героях гражданской войны Иване Михайловиче Малышеве и Павле Даниловиче Хохрякове. В следующих выпусках сборника «Боевые ребята» будет рассказано о других наших земляках-героях.

Улица Малышева

Я помню пыльную, ухабистую улицу, которая называлась Покровским проспектом. Теперь это — широкая магистраль со стройными рядами деревьев, по которой проходят удобные вагоны троллейбусов, десятки автомашин. И носит она имя Ивана Михайловича Малышева.

Я расскажу о нём то, что сам помню и что слышал от его ближайших соратников.

В 1912 году после упорной борьбы с владельцами заводов на Верх-Исетском заводе удалось открыть свою больничную страховую кассу.

Эта касса оказывала денежную помощь заболевшим рабочим.

Секретарём больничной кассы стал Иван Михайлович Малышев. Его хорошо знали и любили рабочие, но лишь очень немногим из них было известно, что Малышев одновременно руководил заводской подпольной организацией большевиков.

И часто в небольшом двухэтажном доме по Матрёнинской улице (теперь улица Синяева) далеко за полночь засиживался совет больничной кассы. Но решал этот совет часто далеко не больнично-страховые дела. Так, в июле 1914 года была проведена по его почину и под его руководством забастовка, которая заставила дирекцию завода пойти на некоторые уступки рабочим.

В первые же дни Февральской революции 1917 года был организован профессиональный союз рабочих-металлистов, в работе которого самое активное участие принимал товарищ Малышев.

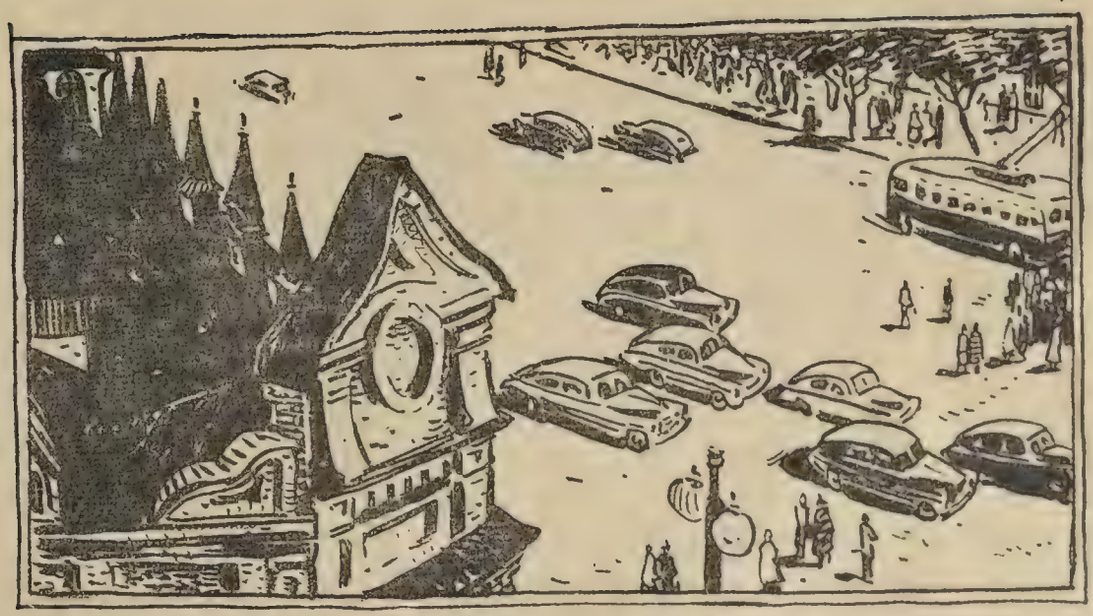
После победы Октябрьской социалистической революции Иван Михайлович Малышев стал комиссаром труда в Совете Народных Комиссаров Урала.

А когда настали тяжелые для молодого социалистического Отечества дни гражданской войны, Иван Михайлович Малышев пошёл на фронт против мятежного атамана Дутова. Он был военным комиссаром 2-й Уральской боевой дружины. В боях с белобандитами Иван Михайлович был всегда для нас примером боевой доблести и железной непоколебимости...

Погиб он 22 июня 1918 года на станции Тундуш от руки озверевшего кулачья деревни Куваши.

За беспримерную стойкость, доблесть и мужество в боях с белогвардейцами Уральскому отряду, а впоследствии батальону коммунистов, было присвоено имя Ивана Михайловича Малышева.

С этим именем коммунисты-уральцы прошли славный боевой путь от вятских лесов до Забайкалья, увековечив память бесстрашного комиссара-большевика.



Улица Хохрякова

В конце октября памятного 1917 года, по сигналу боевой тревоги, мы, красногвардейцы, собрались на Сенную площадь, где теперь парк имени Павлика Морозова.

Было нас немного, пожалуй, около тысячи человек, но уже поднимались повсюду уральцы, вставали на защиту завоеваний Октябрьской революции.

На площади вдоль наших рядов прошёл голубоглазый, светловолосый моряк среднего роста, лет 26—28, одетый в чёрный бушлат.

Это был Павел Данилович Хохряков, посланный к нам из Смольного с поручением от ЦК нашей партии — быть организатором и начальником Уральской Красной гвардии.

Он призвал нас, собравшихся, защищать родную власть рабочих и крестьян.

Воодушевлённые призывом товарища Хохрякова, мы с песнями разошлись с площади и с того дня с головой окунулись в непривычные для рабочих боевые дела.

Недели две спустя, дежурившая при Центральном штабе группа верхисетских красногвардейцев, в которой я был за старшего, успешно ликвидировала на окраине города банду вооружённых налётчиков. Был захвачен главарь и его подручные.

Товарищ Хохряков был очень доволен результатами этой операции. Но когда один из верхисетцев при допросе главаря бандитов уда-

рил его, Павел Данилович даже в лице изменился.

— Это позор! — сказал он.— Это нарушение революционного правопорядка! И нарушителей этого порядка мы будем строго наказывать, как пособников контрреволюции, — учтите это, товарищи...

Он распорядился передать бандитов в трибунал.

— Пусть с ними там разберутся, а самосудом заниматься нам не положено...

Ещё раза два-три, по делам красногвардейским, пришлось мне встречаться с товарищем Хохряковым, и каждый раз я не мог не залюбоваться его жизнерадостностью, подтянутостью, чёткостью в работе.

Популярность Хохрякова росла с каждым днём.

Многие пареньки-красногвардейцы полосатыми тельняшками обзавелись, якорей на руках понакалывали, чтобы хоть чем-нибудь, да быть похожими на матроса Хохрякова.

А когда образовался западносибирский фронт по борьбе с белочехами, куда должен был быть направлен отряд Хохрякова, от добровольцев отбоя не было. И крепко обижались ребята, не взятые «в моряки».

С упорными, жаркими боями вёл свой отряд моряк-большевик Хохряков.

В конце августа 1918 года во время наступления на занятый белогвардейцами Екатеринбург, под станцией Крутиха, при захвате вражеского бронепоезда погиб смертью героя наш боевой организатор Павел Данилович Хохряков — моряк отважной Балтики.

Ровесник Октября

АЛЬБЕРТ ЯКОВЛЕВ

Редкий школьник знает, что в крупном промышленном центре нашей области — Нижнем Тагиле — населения больше, чем в портовом Владивостоке, краевой столице Хабаровске, в областных центрах Чкалове и Тамбове. Это очень большой и важный город — город металла и руды, машин и строительных материалов.

Давно ли стал таким Нижний Тагил? Нет, недавно. Этому городу — сорок лет. Он — ровесник Великого Октября. Сорок лет назад его впервые назвали городом...

Впрочем, место, где расположен сейчас новый город, известно уже давно. Еще при Петре Первом тульский оружейник Никита Демидов построил на этом месте завод. Сотни лет завод поставлял российскому государству добротное железо. Везли железо и за границу, иноземные купцы расхваливали его. Сотни лет тагильские «работные люди», обливаясь солёным потом, ворочали многотонные глыбы металла, добывали руду. Всё зарабатываемое ими шло хозяину — сначала Никите Демидову, потом его сыновьям, внукам, правнукам. Последний Демидов — Елим, считавшийся владельцем Тагильского завода, ни разу даже не был на нём, жил за границей.

Настоящую жизнь тагильскому заводу, будущему городу, дала Октябрьская революция. 26 октября 1917 года Екатеринбургский областной Совет предложил местным Советам взять власть в свои руки, и в январе 1918 года хозяевами тагильского завода стали сами рабочие.

Кстати, бывший «хозяин» предприятия Елим Демидов, совершенно оторванный от России, не сразу и узнал об этом. Забеспокоился он только тогда, когда ему в Грецию перестали присылать деньги.

Много сил пришлось положить тагильским рабочим, чтобы сделать свой город таким, какой он сейчас. Борьба с разру-

хой... Старые рабочие рассказывают, как трудно было им в то время. Закончат работу в цехах и — на станцию: грузить уголь. А тут ещё контрреволюционный мятеж в Невьянске, Колчак... Своими руками отбивали врагов. Отбили. Своими же руками и начали строить новый Тагил.

Новый Тагил должен быть крупным промышленным центром Урала — так решила Коммунистическая партия. Шестнадцатый партийный съезд постановил: построить в Нижнем Тагиле второй металлургический завод. Завод был построен. На Федоринои горе, где раньше били глухарей, раскинулись могучие цехи нового предприятия. Этот завод не сравнить с демидовским, который, впрочем, реконструирован и сейчас тоже работает. Стоит зайти в один только рельсобалочный цех нового завода и убедишься, как великолепен металлургический гигант. Рука человека почти не прикасается к металлу, всё делается автоматически. Раскалённые, пышущие жаром стальные полосы самостоятельно передвигаются по рольгангам, прокатный стан придаёт им нужную форму. Разные балки, железнодорожные рельсы, листовое железо, вагонные колёса и многое другое даёт предприятиям страны новый завод.

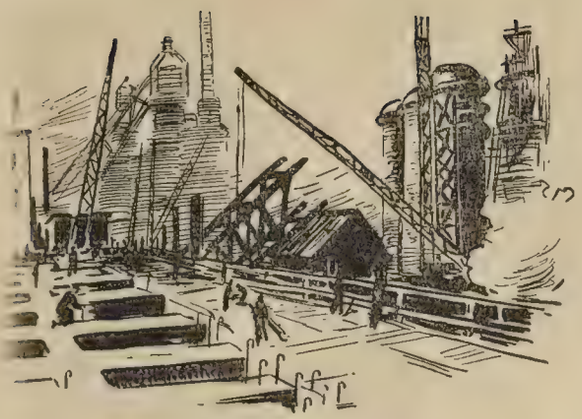
По воле партии на окраине разросшегося Тагила сооружено ещё одно громадное предприятие — Уралвагонзавод. Тысячи удобных, прочных вагонов дали стране люди этого завода. Выпускается сейчас и такая чудесная новинка, как универсальный вагон. Крыша этого вагона автоматически раздвигается, и в него можно загружать самые разнообразные грузы.

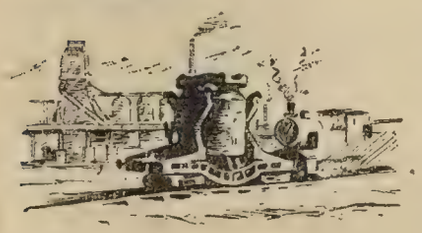
В Нижнем Тагиле появилось ещё несколько крупных заводов — коксохимический, огнеупорный, пластмасс. Высокогорский и Лебяжинский рудники продолжают увеличивать добычу железной руды, рудник имени III Интернационала — медной. Широко развитая промышленность Тагила позволила в нынешнем году объединить металлургические предприятия в мощный Ново-Тагильский комбинат.

Вместе с промышленностью Нижнего Тагила рос и хорошел город. Он тянется теперь на многие километры. Светлые многоэтажные дома сменяют подслеповатые избы демидовских рабочих, застраиваются пустыри. Пройдите по нынешней центральной улице города — улице Ленина и увидите прекрасную картину. Высокие здания выстроились в ровную шеренгу. Поблескивают на солнце зеркальные стёкла магазинных витрин, весело перезваниваются трамваи. Вот Театральная площадь. Здесь когда-то стояло трухлявое здание

13398

Свердловск





«цифирной школы». Теперь же здесь — великолепный драматический театр, перед ним — памятник известным изобретателям Черепановым — гордости тагильчан.

Неподалёку от Театральной площади ещё год-полтора назад лепились покосившиеся хатёнки, возвышалась голубятня. Сейчас здесь — новые дома с водопроводом, центральным отоплением, канализацией.

Это в центре. А как изменились окраины большого города! Похорошел посёлок Уралвагонзавода. Правда, он ещё продолжает строиться, как, впрочем, и весь город: всюду, куда ни взглянешь, тянутся к синему небу ажурные стрелы башенных кранов...

В новом посёлке с поэтическим названием Красный Камень живёт сейчас примерно половина дореволюционного населения Тагила. А ведь не так давно сюда ходили за ягодами...

В городе десятки клубов и кинотеатров, прекрасный Дворец культуры металлургов. И взрослые, и дети отлично проводят в нём свободное время.

А сколько у тагильчан есть сейчас возможностей учиться! Чтобы ясно представить эти возможности, снова обратимся к прошлому.

В демидовском Тагиле училось всего 3112 человек. Образование давалось только низшее. Известен, например, такой факт. В 1720 году учитель школы Мосценков получил от Демидова выговор за то, что увеличил число учеников с 40 до 60 и ввел преподавание «господской» науки — алгебры. Интересны ещё и такие цифры. В 1896 году Демидов израсходовал на содержание школ 8327 рублей, на содержание церквей — 18 949 рублей, а на воспитание своего сына 25 тысяч рублей...

Так было. Теперь же в Нижнем Тагиле учатся десятки тысяч человек. Учатся в дневных и вечерних школах, в техникумах, в педагогическом институте.

Новую прекрасную жизнь дала Советская власть тагильчанам, как и всему нашему народу. За это они сердечно благодарят Коммунистическую партию и ещё более напряжённо и вдохновенно трудятся на благо Родины.

Васька-мазут

ЮРИЙ ХАЗАНОВИЧ

Его привезли в палату на длинной высокой коляске, похожей на стол. Он лежал на спине, до подбородка покрытый белоснежной, в рыжих пятнах йода простыней с дегтярно-чёрным госпитальным клеймом.

Когда санитарки и врач, пожилой человек с усталыми глазами и одышкой, принялись снимать его, он попросил негромким, извиняющимся голосом:

— Постойте-ка, я сам...

Он опустил ногу, одной рукой ухватился за край железной коляски и, прикусив нижнюю губу, сделал отчаянное усилие приподняться. На свежевыбритых щеках его проступили кирпичные пятна румянца, белёсые брови сошлись над переносьем, и глубокая складка прорезалась между ними. Левая нога раненого, вытянутая, прямая, с жёлтыми, словно костяными пальцами, выглядывавшими из-под твёрдого гипсового чулка, даже не шелохнулась. Так же неподвижно осталась лежать на широкой груди и левая рука, согнутая в локте. От плеча до кисти рука была в толстой шершавой кожуре гипса. Она была неимоверно тяжёлой. Раненый, казалось, не мог преодолеть её страшной, мучительной тяжести: немного приподнявшись, он откинул голову и стал валиться на спину. Врач крепко взял его за плечи, потом положил тёплую ладонь на его холодный, в испарине, лоб.

— Не форсите, друг мой, и подчиняйтесь,— мягко сказал врач.

— Сколько мороки-то с одним калекой...— виновато вздохнул раненый.

— Ну-ну,— сказал врач, кивнул санитаркам, и они вчетвером осторожно подняли раненого и перенесли на койку. А он смотрел на них с таким видом, будто извинялся за то, что был таким большим, тяжёлым, неповоротливым...

У него были голубовато-серые

глаза, высокий, цвета слоновой кости лоб, на который крыльями падали прямые светлые волосы, широкий подбородок с ямкой и добродушно-пухлые губы. Всем в палате он в первые минуты показался настолько молодым, что староста, веснушчатый юноша с мальчишески худощавым лицом без единой морщинки, обратился к нему гулким баском:

— Ну, парень, давай знакомиться. Честь имею представить коллектив гвардейской палаты номер двадцать два...—И стал называть по очереди всех семерых, сопровождая каждую фамилию комментариями и отступлениями, от которых вся палата покатывалась со смеху.

Новенький, рассеянно улыбаясь, приложил к уху здоровую руку:

— Погромче бы, а то у меня перепонки полопались, слышу плохо.

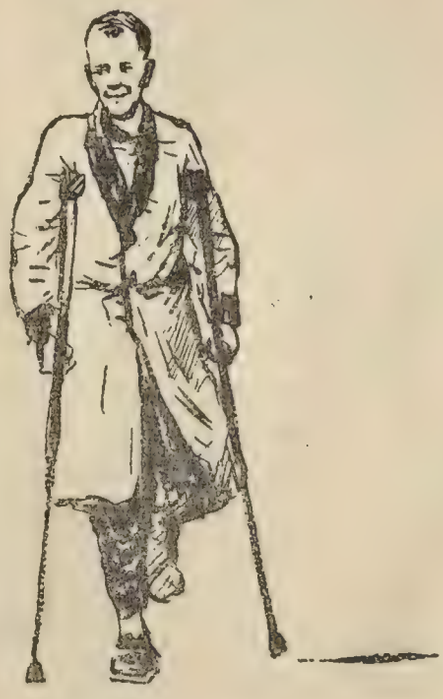
— Что ж, это можно,— бойко сказал староста, отрекомендовавшийся младшим лейтенантом Никитиным. Легко вскидывая костыли с чёрными резиновыми набалдашниками, он подошёл поближе.

И вдруг словно по-новому увидел лицо новенького. Это было лицо человека лет тридцати пяти, а может, и сорока. Староста увидел и частые длинные морщины, прочерчивавшие большой лоб, и тонкие лучики у глаз, и серебристо-холодноватые нити, поблескивавшие на висках, и две неглубокие, но чёткие складки по углам рта.

— Это можно,— растерянно повторил Никитин и, не сводя с него удивлённых глаз, добавил уважительно: — Товарищ...

О нём узнали немного: звать Василием Тимофеевичем, фамилия Баталов. Был машинистом бронепоезда. «Стукнуло» на Киевщине. Снаряд разорвался в паровозной будке. Сам из городка Чусового. Там до войны работал на паровозе, там и сейчас живёт семья — жена и двое ребят...

Хотя у Баталова мучительно разболелись раны, нестерпимо ныла спина и чудилось, будто он все ещё



покачивается, как в люльке, на подвесной мягкой койке санитарного вагона,— несмотря на это, он сразу почувствовал теплоту весёлой и непринуждённо-грубоватой мужской дружбы, царившей здесь. Он сразу понял, что все семеро лежат уже давно и что он попал в сложившийся, со своими обычаями и порядками, коллектив. Староста Никитин так и сказал: «Коллектив гвардейской палаты...» Это звучало смешно, но, должно быть, соответствовало действительности.

Их привезли три месяца назад с разных фронтов, в разных поездах. Три месяца они вместе, в четырёх стенах этой палаты, страдали от ран, терзались думами о судьбах своей страны, своей семьи, с упоением вспоминали свое недавнее благополучное прошлое и старались представить себе завтрашний день.

За это время они привязались друг к другу той особенной, нешумной и простой, но глубоко сердечной привязанностью, что не уступает дружбе, родившейся в пламени и копоти сражений. В госпитальной палате люди сходятся так же быстро, как в окопе или фронтовой землянке.

На койке, которую занимал Баталов, все эти три месяца пролежал лейтенант Сергей Хоменко, разведчик, умный, спокойный парень, чудесный, неутомимый рассказчик. В тихие вечерние часы, когда, кажется, обо всём уже переговорено за долгий госпитальный день и в голову лезут всякие сумрачные мысли, кто-нибудь обращался к лейтенанту:

— Серёжа, а, Серёжа! Рассказал бы, что ли, какую историю...

Хоменко вскидывал к потолку глаза поразительной синевы и задумывался на минуту.

— Было это, братцы, под Витебском, на речке Лучесе... — И начинался рассказ, неторопливый и неизменно такой увлекательный, что за ним забывались все печали. И неудивительно, что лейтенант-разведчик, с тонким, девичьи красивым лицом и певучим полтавским говорком, стал любимцем палаты.

Когда Хоменко выписали, все невольно заскучали. Не могли развеселить палату ни щедрый на шутку староста Никитин, ни Потапов, черноглазый пехотный капитан, балагур и весельчак, которого прозвали «мешок с анекдотами».

— Хотя бы стоющего человека поместили, — говорил староста, имея в виду кандидата на освободившуюся восьмую койку.

— Лучше б уж никого не помещали. Такой паренёк всё равно не попадётся,— отвечал пожилой сапёр с мужественным, строгим лицом.

И вот через три дня привезли Баталова.

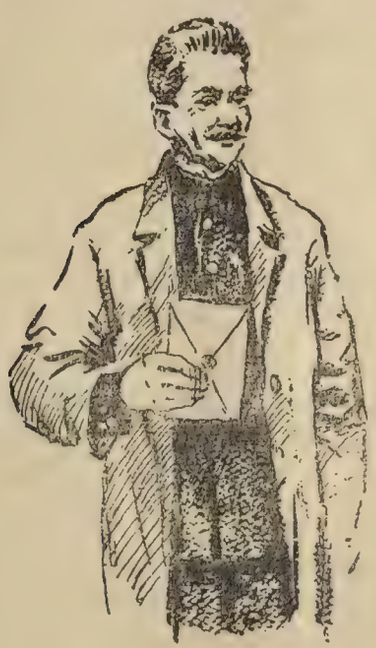
— Курящий? — громко пробасил Никитин после того, как Баталов коротко рассказал о себе.

Василий Тимофеевич утвердительно кивнул головой. Тогда Никитин показал рукой на небольшой столик между дверью и крайней койкой. На столике, покрытом марлей, стопкой лежало несколько нераспечатанных пачек папирос и коробка из-под гильз, до половины наполненная солнечно-жёлтыми крупинками махорки.

— Наш общий котёл,— радушно сказал староста.— Что больше уважаете — махорочку или папироски? Ежели махорочку, то могу скрутить.

— Благодарствую,— качнул головой Баталов. — Сейчас ничего не идёт...

Целыми днями он читал или просто лежал с открытыми глазами. Как и у всех глухих, у него было несколько растерянное и насторожённое лицо. Казалось, он всё время напряжённо прислушивается к чему-то. В разговоры он вступал редко, и то лишь в тех случаях, когда к нему обращались. В палате его считали человеком молчаливым, замкнутым и хмурым. А когда вспоминали Серёжу Хоменко, то Василий Тимофеевич представлялся им даже нелюдимым и мрачным.



Однажды, когда Баталова увезли в перевязочную, в палату пришёл комиссар госпиталя. Это был человек лет пятидесяти, с ввалившимися щеками и невысоким пепельным бобриком, в халате поверх поношенной военной формы. В руках комиссар держал раскрытый конверт.

Войдя в палату и увидев пустую койку Баталова, он испугался:

— Где Василий Тимофеевич?

Ему сказали.

— Скоро, должно быть, привезут, — вставил Никитин. — Давно уехал.

Комиссар вздохнул с облегчением, отвернув длинный рукав халата, посмотрел на часы и присел на стул.

— Очень хорошее письмо пришло. Баталов награжден орденом Красного Знамени. Геройски выполнил важное задание. Рейд на бронепоезде в тыл врага. Командование армии сообщило его семье и в депо. А это,— комиссар поднял конверт,— от рабочих депо. Нам и Баталову...

— Вот тебе и тихоня! — удивлённо раскинул руки Никитин, когда комиссар кончил читать письмо.

— Тихоня,— беззлобно передразнил Никитина сапёр.— Молчаливый человек почти завсегда упорнее. Он на слова не расходуется, весь в деле...

— Во всяком случае, к Баталову это подходит,— с улыбкой согласился комиссар.

Вскоре из перевязочной привезли Баталова. Лицо его было полотняно-бледным. На лбу блестели капельки пота.

— Крепко помучили? — сочувственно спросил комиссар, когда санитарки выкатили из палаты коляску. Он снял со спинки кровати вафельное полотенце, приложил его, точно промокашку, ко лбу Василия Тимофеевича и присел на краешек его койки.

— Спасибо, товарищ комиссар,— виновато улыбнулся Баталов и не без удивления посмотрел на загадочные и радостные лица своих соседей: все «ходячие» из двадцать второй палаты столпились возле его койки.

Комиссар неторопливо извлёк из конверта письмо и жестом, полным торжественности, протянул его раненому. Баталов теперь уже испуганно и недоверчиво взглянул на комиссара, на товарищей и левой рукой схватил письмо.

Голубовато-серые глаза машиниста быстро побежали по строчкам, белёсые брови полезли вверх; бумага слегка трепетала в его руке. Баталов сел и, снова прочитав письмо, повернул к товарищам растерянное, беспомощное лицо.

— Как же это? — прошептал он.

— А вот так, Василий Тимофеевич, вам виднее,— весело сказал комиссар и осторожно, чтобы не задеть больную руку, обнял Баталова.— От всей души поздравляю...

Остановившимися влажными глазами Баталов долго смотрел перед собой. Можно было подумать, что он забыл обо всех, кто находился рядом с ним. Потом он устало лёг и опустил свою руку на руку комиссара.

— Понимаете, ведь это мне вроде аванса,— проговорил он доверительно, задумчиво.— А как я верну его? — И он пошевелил тяжёлой рукой в толстой гипсовой коре.

— Ну вот ещё! — искренне засмеялся комиссар, сжимая его прохладные пальцы.— Тут ясно сказано: заслуженная награда...

— Мало повоевал,— сказал Баталов после молчания.— У меня с ними давний счет...

— С фашистами?

— С беляками, колчаковцами. Нешто есть разница, какой цвет у врага,— белый, зелёный или коричневый? Всё равно уничтожать надо.— Он помолчал недолго, и в тишине все слышали его взволнованное дыхание.— Вот друзья пишут: поскорее, мол, поправляйся и становись к реверсу паровоза. Да я только об этом и думаю. И боюсь: вдруг калекой останусь? Паровозная служба здоровых любит... А доктор сейчас сказал,— нога неправильно срастается. Завтра будут распиливать кость и наново складывать.

Комиссар нахмурился, не в силах скрыть огорчения и тревоги. А Никитин стукнул костылями в пол и воскликнул гулким баском:

— Прошу полюбоваться, Василий Тимофеевич,— он протянул вперёд забинтованную ногу.— Не один, а целых два раза ломали кость и комбинировали. И ничего. Надеюсь с её помощью до самого Берлина дойти...

Баталов рассеянно и благодарно усмехнулся.

На другой день Никитин и капи-

тан Потапов, оба на костылях, в синих коротких фланелевых халатах поверх нижнего белья, полтора часа простояли возле операционной.

— Кто-кто, а я имею понятие, что это такое. Испробовал,— с печальным сочувствием тихо говорил Никитин, глядя на белую, плотно закрытую дверь.— Как вспомню, меня в жар кидает.

Потапов, привалясь к двери, прислушался.

— Ни звука,— сказал он, пожав плечами.— Как будто ни души...

— А я,— признался Никитин,— сначала губы себе до крови искусал, потом орал, как резаный, без стеснения...

В это время дверь из операционной быстро отворилась, и в коридор почти выбежала медицинская сестра. Они тотчас узнали её: это была Надя, невысокая полная девушка лет семнадцати. Между низко повязанной белой косынкой с вышитым красными нитками крестиком и марлевой повязкой влажно мерцали испуганные зеленоватые глаза. Маленькие руки с побелевшими от тщательного мытья кончиками пальцев и розовыми пухлыми ладошками она держала перед собой. Вероятно, вот так же она стояла у операционного стола. Но там эти поднятые руки выражали готовность в любой момент выполнить приказание врача, а здесь было похоже, что сестра подняла их, не то собираясь обороняться, не то сдаваясь безоговорочно. Она хотела было убежать, но Потапов загородил ей дорогу:

— Случилось что-то, Надя?

Она всхлипнула.

— Беда? — весь дрожа, подступил Никитин и крепко взял её за руку.— Говори же...

Надя сорвала с воспалённого лица марлевую повязку и закрыла ею глаза.

— Всё хорошо,— совсем по-детски всхлипывала она.— Операция идёт хорошо. Он зубы сцепил и молчит. Только лицо белое и мокрое. А я не могу: так мучается человек. Я крепилась. И не выдержала. А Иван Родионович: «Выйдите вон!» Ничего из меня не получится...— Она безнадёжно заплакала навзрыд и, согнувшись, заплетая ногами, пошла по коридору...

Целую неделю у Баталова было тяжёлое состояние. Поднялась температура. Он ничего не ел, лишь часто просил пить. Палата примолкла. Ни анекдота, ни смешка. Разговаривали шёпотом, хотя знали: если говорить даже во весь голос, это не побеспокоит Баталова. Никитин заявил, что теперь он будет не только староста, но и связной между Баталовым и медициной...

На восьмой день, в воскресенье, Василий Тимофеевич впервые после операции съел завтрак, попил крепкого чаю из поильничка и захотел посидеть. Староста и сестра помогли ему приподняться.

— Василий Тимофеич, — спросил с соседней койки сапёр, погла-

живая широкий мужественный подбородок.— А покурить не имеешь охоты?

Баталов облизнул сухие обмётанные губы, улыбнулся:

— Пожалуй, закурил бы...

Никитин молниеносно свернул цигарку, оставил ровную кромочку, и поднёс цигарку к губам машиниста. Услужливо чиркнул спичкой. Баталов затянулся и блаженно зажмурился от наслаждения.

— Ну, теперь, Василий Тимофеич, всё, — убеждённо сказал сапёр.— Раз потянуло на курево,— дело на поправку пошло...

Перед вечером староста, отправившийся в красный уголок впервые за всю неделю погонять «козла», через минут пять вернулся в палату. Умышленно тихо, чтобы не услыхал Баталов, он сказал товарищам, что явились шефы — пионеры и что он не знает, пускать их сюда или нет; не будет ли это утомительно для Василия Тимофеевича — ребятня ведь, могут расшуметься, приставать с расспросами.

— Зови, зови,— так же тихо, но решительно сказал сапёр. — Это к лучшему: с детишками-то он скорей забудет про свои кости...

Шефы неслышно вошли в палату, поздоровались. Их было пятеро,— три девочки и два мальчика, судя по росту, ученики пятого или шестого класса.

— Чего же вы стоите, гости дорогие? — приветливо и неожиданно оживлённо сказал Баталов, садясь.— Проходите, присаживайтесь. Стульев не хватит, на койки можно...

Ребята, скованные предупреждением Никитина, осмелели. Девочка с чёрными, как гуталин, косичками подошла к Василию Тимофеевичу.

— А у вас сегодня лучше вид, чем когда мы в тот раз приходили,— сказала она, краснея.

— Правда? — серьёзно спросил Баталов.

— Честное пионерское!

— Тогда я был совсем плох...

Опершись на широко расставленные костыли, Никитин изумлённо смотрел на Баталова. Пожалуй, в первый раз за всё время, что Василий Тимофеевич находился в госпитале, на лице его появилась такая светлая, такая счастливая улыбка.

Девочка с косичками метнула выразительный взгляд на маленького худого мальчика с коротко остриженной жёсткой чёлкой над крутым упрямым лбом. Мальчик понял знак, одёрнул серый, с аккуратными латками на локтях пиджачок, в узком клинышке которого алел галстук, и деловитой походкой пересек палату. Он положил на стол тонкий прямоугольный пакет, завёрнутый в газету и накрест перехваченный белой ниткой.

— Вы поправитесь, уедете,— обводя палату смелыми чёрными глазами, сказала девочка.— И мы решили оставить по себе память.— Она разорвала нитку и быстро зашуршала газетой.—Подарки скромные, извините нас. Но всё-таки память...

В одну минуту шефы, сопя от смущения, раздали содержимое пакета. Никитину достался изображённый в красках годовалый пухло-

щёкий крепыш; запрокинув кудлатую головку, он так обворожительно улыбался, показывая два крохотных зуба, что вызывал ответную улыбку.

— По всему видать, скоро оженишься, брат,— смеялся от души пожилой сапёр. Он бережно, боясь помять, держал в руках только что вручённый ему вышитый носовой платок.

— А это вам, товарищ Баталов,— мальчик с чёлкой, бодливо наклонив голову, подал раненому машинисту рисунок на листе из альбома для рисования и отошёл к столу.

— Бронепоезд, — восторгался Баталов, вытянув руку и издали разглядывая рисунок.— Как есть — бронепоезд. Всё в точности. Кто ж у вас такой знатный художник?

— Это Алёша Быстров. У нас его Репиным называют. Правда, у него портреты ещё не получаются...— Девочка с чёрными косами покровительственно положила руку на щуплое мальчишеское плечо.

— А нам вот и нечего подарить вам, ребятки,— грустно сказал Баталов, отрываясь от рисунка.— Даже угостить нечем. Лежим, ровно младенцы...

— Что вы, совсем необязательно,— девочка снисходительно махнула рукой и подошла к Баталову.— Знаете, Василий Тимофеевич, мы сегодня читали про вас в стенной газете. И решили переписать эту заметку в свою газету. И ещё у нас просьба. Нам хотелось бы знать больше о вас, о вашем детстве...

— Правда, расскажите, товарищ Баталов,— порывисто проговорил Алёша, и шёки его запылали.

Баталов встретился взглядом с Никитиным. «Вот задача!» — как

бы сказали его голубовато-серые озабоченные глаза. Он откинул назад светлые прямые волосы, крыльями падавшие на лоб, задумался.

Ребята быстро и тихо расселись вокруг.

— Знаете что? Расскажу я вам лучше про своего дружка-приятеля. Это будет поинтересней...— Баталов сощурился, будто смотрел вдаль. В уголках его глаз, в тонких лучистых морщинах заиграла хитринка.— Так вот, звали моего дружка Василий, а мать кликала Васильком...

— Так же, как и вас? — перебила девочка с косами.

Баталов словно всполошился на миг, но потом заулыбался, закивал:

— Именно. Мой натуральный тёзка. А прозвище у него было — Мазут. Васька-Мазут. Так и величали его у нас в Чусовом. Не подумайте, что он сходство имел со смазочным материалом. Нет, был он белобрысый. За лето космы у него так выгорали, что он вовсе белый, как лунь, становился. А зимою малость темнел. Что же про характер его сказать? Отец Василька, паровозный машинист, печалился даже: чересчур уж тихий растёт парень, не больной ли? А он, конечно, не был больной. Просто характер такой. И хотя паренёк был при силе и росту хорошего, никогда в драки не ввязывался. Правда, в «войнах» участвовал. Но это были особые войны. После уроков ходил он с друзьями на паровозное кладбище. Забирались на мёртвые паровозы и начинали баталии. Паровозы эти, понятно, считались у них не железным ломом, а настоящими бронепоездами. Вот они там ручки всякие вертят, кричат, свистят, железом по железу бьют,— воюют, одним словом.

У «красных» машинистом бронепоезда был Васька. Отец его водил товарные поезда. Василёк раза два ездил с ним бог знает куда, наверно, вёрст за сто, и потому среди товарищей своих он считался специалистом по паровозному делу. Но никто не ведал, как достались Вильку эти поездки. Отец долго упирался, не хотел брать. Потом лазейку придумал: принесёшь, мол, достойные отметки, возьму. Василёк и без того ладно учился, а тут ещё приналёг, да и принёс. Тогда отец стал объяснять ему, дескать, на паровозе каждая минута высчитана, каждую работу, даже самую малую, надобно сделать в срок — где тут нянчиться с кем-то! Ещё, поди, продует или от скорости голова закружится, или обожжёшься, —мало ли что может приключиться на паровозе с посторонним человеком, да ещё если человеку всего-навсего тринадцатый год!

А человек этот возьми, да и скажи со слезой в голосе: «Ну, знаешь, папаня... Учишь меня честным быть, а сам? Разве ж это честно?..» Отец так и обомлел. Куда

денешься! И сдался, конечно. Но у него был расчёт: перепугается парень шума и огня, забьётся куда-нибудь в уголок, пересидит и уже больше никогда не попросится. А вышло наоборот. За всю поездку, можно сказать, не присел паренёк. Настырный — страх. От отца ни на шаг: объясняй ему, что к чему, почему так, а не этак, и всё такое прочее. Поначалу отец рассказывал, объяснял, а потом взмолился: «С тобою, сынок, под крушение попасть — пустяшное дело. Отвяжись маленько. Всего за один раз не ухватишь...»

С той поры охотнее брал он Василька. Брал в поездки не очень дальние, чтоб в занятиях не было ущерба. Присматривался к нему и диву давался. Тихий-тихий, а головёнка варит! Один раз растолкуешь ему,— второй раз не переспрашивает: память цепкая, ровно магнит. По всему видел отец, что паренёк прикипел к паровозному делу, и радовался. Очень приятно, если сынок по твоей жизненной тропке пошёл...

Но только до настоящей радости не дожил отец, несмотря, что был ещё совсем молодой. На Урал прорвалась тогда белая армия Колчака. Одно название, что армия,— бандит на бандите. Стали рушить всё советское, свои порядки наводить, непокорных людей стрелять и вешать. Но если у человека есть идея, разве его этим возьмёшь? Отец Василька не был коммунистом. Был он просто честный человек и не хотел служить Колчаку, против своего народа. Сначала хворым прикинулся. Не вышло. Беляки силком притащили на паровоз, посулили пулю в лоб.

Исправных паровозов было мало, считанные машины ходили,— разруха. А Васильков отец разжёг свой паровоз до последнего градуса, воду из котла выпустил вон до капли и — был таков. Паровоз, понятно, распаялся. Его в капитальный ремонт надо ставить на полгода. Кинулись беляки на квартиру к машинисту — замок! Попутно растащили всё, что трудом нажил человек, дом подпалили. А машиниста нет нигде. Он, видите, когда план свой обмозговал, жену и Василька проводил ночью в ближний посёлок, к своему другу, а сам — в другой посёлок, где был родительский дом.

Пять дней не унимались белые, искали машиниста. И никогда бы им не поймать его, если бы не кон-

торщик Савва Щупов. Был в депо такой человечек, невидный и неслышный, маленький, да тонкий, как червяк. Верой и правдой стал служить колчаковцам. «По бумагам значится, что у преступного машиниста родители живут-с в Лямино, — доложил Щупов.— Не мешало бы навестить-с это гнёздышко...» Там-то бандиты и взяли машиниста. Двое суток допрашивали, измывались. Потом на морозе раздели и повесили против депо на хоботе водоразборной колонки.

В посёлке, куда машинист привёл свою семью, стали говорить, мол, в Чусовой белые какого-то машиниста казнили. Мать Василька забеспокоилась, видно, сердце ей что-то подсказало. А друзья не отпускали её из дому. Но она всё-таки ночью, когда Василёк и хозяева заснули, тихонько вышла и побрела из посёлка. Воротилась она вечером другого дня, и никто её не узнал: уходила молодой женщиной, а воротилась старухой. Смотрит на людей, глаза стоят, ровно не узнаёт никого, и молчит, молчит. Даже страшно всем стало. Василёк спрашивает, где была, что узнала. А она молчит...

Тогда Василёк сам подался в город. Погода была холодная, вьюжило. Ветер хлестал по щекам. Согнулся паренёк, шубёнку запахнул и побежал. Возле депо столкнулся он со своим папаней. Кругом снегу намело — горы. Василёк не заметил колонки. Видит, стоит отец на снежном сугробе, босой, синий, в одном исподнем. Голова совсем белая от снегу, брови пушистые, тоже седые, глаза прищуренные. Стоит и вроде смеётся молча, язык показывает. А на языке тоже снег.

Василёк вскричал не своим голосом и что было духу,— в посёлок. Всю дорогу бежал, чуть не задохся. К матери бросился, плачет, а она — ни слова. У неё, значит, на почве великого горя помрачение мозгов получилось. Слегла она вскорости. А тут ещё голод ударил: колчаковцы очистили сёла и хутора до зёрнышка.

Летом померла мать. Прямо с кладбища Василёк — в город. Шёл ровно заведённый,— дороги не видел, мыслей в голове никаких. Даже

над сиротским своим положением думать не мог. Пришёл в Чусовую, а там суматоха: белые мечутся, как угорелые, кричат, ругаются, в общем,— дым коромыслом. Присмотрелся Василёк, прислушался и понял: сматываются. «Ага, дождались, гады!» Ходил и смело заглядывал им в глаза: «Не ты ли прикончил моего папаню?»

Наши части подходили к Чусовой с большим напором. Белые сильно торопились. Возле депо спешно грузили два эшелона. Чего только ни натолкали они в вагоны: хлеб, оружие, лошадей. Из депо повытаскали все станки, инструменты, и тоже — в вагоны, чтоб красным ничего не осталось. Ворота деповские настежь раскрыты, а там — как после пожара: стёкла повыбиты, рельсы вывернуты, верстаки поломаны. Воробьи перелетают с балки на балку и кричат. Посмотрел Василёк на эту картину, и сердце у него зашлось, мало не заревел. Да что реветь, разве этим поможешь?

Ночью первый эшелон отправился, а второй уже на изготовке стоит, — как только первый дойдёт до ближней станции, так второй тронется в путь. Отошёл благополучно эшелон, проехал все посты, простучал по мостку и в гору стал карабкаться... Места, надо вам сказать, у нас на Чусовой такие — просто загляденье. В нынешние времена туристы целое лето бродят по берегам Чусовой. На всём Урале поискать такую красоту: горы высоченные, ровно старинные крепости, с каменными башнями, со шпилями. А на горах сосны да кедры вековые — вроде дозора. Внизу Чусовая — горная красавица. Но только для нашего брата, железнодорожника, места эти весьма трудные: то подъём, то спуск, «верблюжий профиль», как у нас выражаются.

Стал подниматься в гору первый эшелон. Подъём там отчаянно крутой, и тянется он ни много, ни мало — восемь километров. Вдруг забуксовал паровоз. Видали, как это получается? Колёса крутятся во всю мочь, паровоз пыхтит, надсаживается, а с места ни вот столечко не двигается. Пустили в ход песочницу, под паровозные колёса песку насыпали — без толку. Сделалось белякам не по себе. Дорога ущельем идёт, глубоким да тесным, ночь тёмная, сзади — красные. Плохо дело. Вылезли колчаковцы из вагонов, зажгли факел, смотрят: на рельсах мазут блестит. Откуда мазут? Вот оказия! Не иначе, кто-то специально вымазал. Но, может, это только тут,

поблизости, а дальше всё в порядке? Послали разведку. Через час, наверно, воротились разведчики, доложили: на всём подъёме чистого кусочка рельса не нашли — всюду мазут.

А за Чусовой стрельба всё жарче, всё громче, всё ближе. Красные напирают. Пока беляки думали-гадали, как быть, а передовой отряд красных уже обстрелял хвост эшелона. Каждый выстрел, ровно зарница в ущелье. И пустились колчаковцы врассыпную, в ночь, кто куда. Но, понятно, уйти им не привелось...

А на другой день, когда красные окончательно заняли город, все узнали про Василька. Это он достал в депо бидон с мазутом и, когда стемнело, с двумя парнишками, с которыми в мирное время воевал на паровозном кладбище, вымазал рельсы на всём подъёме. С той вот поры и стали его звать Васька-Мазут...

Баталов замолчал, вытер лоб полотенцем. Ребята тоже молчали долго, потом заёрзали на стульях, закашляли. Наконец черноволосая девочка спросила негромко:

— А что же дальше было с Васильком?

— Дальше? — задумчиво переспросил Баталов.— Вырос парень. Был кочегаром на паровозе, на машиниста выучился, работал в депо...

— А сейчас он где?— блеснул глазами Алёша.

—Когда война началась,—ушёл на фронт. Не хотели его брать: паровозники и в тылу нужны. А он всё-таки уломал военкома: «Хочу своими руками бить врагов, старые счета хочу сквитать!» И пошёл вое-

вать. Понятно, по своей специальности — машинистом на бронепоезде. А где он сейчас, не знаю. Может, воюет, а может, и лежит на таком самом положении...

Баталов опустил голову, погладил шершавый гипс на руке, исподлобья взглянул на ребят. И они замерли, угадав в раненом машинисте бронепоезда Ваську-Мазута.

СТЕПАН СУХАЧЕВСКИЙ

Степан Степанович Сухачевский — автор повести «Коля Мяготин», герой которой, пионер Зауралья, повторил подвиг Павлика Морозова. Теперь писатель закончил новую книгу — повесть «У белого Яра», в которой описывает события гражданской войны в Зауралье и участие в этих событиях трудящейся молодёжи. Мы печатаем главу из этой повести.

По городу кружил «чёрный ворон» — тюремный закрытый автомобиль.

Тюрьма была переполнена, но каждую ночь всё везли и везли арестованных.

Четверо друзей: Аргентовский, Зайцев, Климов и Губанов попали в семнадцатую камеру. Легче было оттого, что находились они вместе.

Каждое утро кто-нибудь из заключённых заглядывал в окно, через которое был виден угол Станционного переулка. Вот и сегодня кто-то, примостившись на спинах товарищей, осторожно пристраивался к окну.

— Товарищи! — крикнул он.— Сигналы какие-то!

На живую пирамиду забрался Губанов. Он увидел гурьбу ребятишек, сидевших на тротуаре, перед

ними стоял Цыганок, одетый в форму корабельного юнги. В руках он держал синий флажок и матросскую бескозырку. Цыганок что-то крикнул, и мальчишки, вскочив, отбежали на середину мостовой; повернувшись к ним лицом, он начал взмахивать флажком и бескозыркой.

Губанов, читая морские знаки, беззвучно шевелил губами.

— Что там, говори!— нетерпеливо спрашивал Климов.

— Сейчас... сейчас...

Цыганок, ловко подражая детской игре, просигналил ещё раз всё сначала, позвал ребят, и они кинулись наперегонки.

Спрыгнув, Губанов тихо промолвил:

— Цыганок сообщает: «Пичугин расстрелян...»

Те, кто лежал, поднялись с нар; с минуту все стояли в полном молчании.

— Друзья!— сказал Зайцев.— Оповестим тюрьму о гибели нашего боевого товарища.

Он подошёл к стене, быстро и уверенно начал выстукивать: «Без суда и следствия расстрелян Пичугин... В знак протеста объявим бойкот представителям власти... В течение суток не отвечать на вопросы... Призываем держаться стойко!»

Прервав выстукивание, Зайцев внимательно посмотрел на спокойные и решительные лица друзей и уже без колебаний закончил: «Группа коммунистов».

Десятки людей передали эти слова печали и гнева из камеры в камеру, с одного этажа на другой. Не прошло и часа, как вся тюрьма узнала о кровавом злодеянии колчаковцев.

— Ох, Цыганок, Цыганок!— печально говорил Аргентовский.—Как он теперь без Пичугина... Помню, весной проводили мы облаву на спекулянтов. Пришли, значит, на вокзал. Народу — пушкой не пробить! Всю ночь возились, устали до чёртиков, но не зря: целую банду паразитов выловили. Выстроил я их, собрался вести, слышу, кричит кто-то: «Дяденька, и меня возьмите!» Гляжу, парнишка из толпы пробирается и прямиком ко мне: «Забирай, говорит, в милицию! Опостылела мне эта собачья жизнь на проклятом вокзале». Ну, прихватил и его за компанию. Пришли, значит, в милицию. Спекулянтов передал своему помощнику, а сам занялся парнишкой: уж больно любопытным показался он мне! Завёл в кабинет, усадил за стол, дал ломоть хлеба с маслом. Парнишка ест, давится, я глаз оторвать не могу. До чего грязный да измазанный, одни зубы сверкают. Ну, прямо твой цыган!

Наелся, глядит исподлобья. Ждёт, значит, что дальше с ним буду делать. Говорю: «Выкладывай всё без утайки, кто и откуда!» А он мне: «Сирота я — и всё».— «А где же твои родители?» Цыганок рассказал: матери не помнит совсем, она умерла,когда ему и года не было; вырос с вдовым отцом. Был он у него хворый, работал стрелочником под Москвой. Когда началась вся эта кутерьма, собрали они, значит, последнее барахлишко и поехали в Сибирь за хлебом. Больше месяца тащились в товарных теплушках, голодали, недосыпали. Отец не выдержал, слёг, сняли его в Кургане. Тут и помер. Парнишка остался на вокзале, милостыней побирался.

Как он рассказал мне эту историю, спрашиваю. «Что же дальше собираешься делать?»—«Зачну, говорит, воровать. Родных никого не осталось, податься мне некуда». От этих слов мне душу всю вывернуло... Пропадёт, думаю, парень ни за грош, ни за копейку. Надо помочь. Может, человеком станет.

— Вот что, Цыганок, сейчас тебя поведут в баню, ты уж постарайся отшвабриться хорошенько. Переночуешь в милиции, а к утру придумаю что-нибудь.

А сам тем часом пошёл к Пичугину посоветоваться. И мы порешили: оставить Цыганка при милиции, вроде посыльного будет.

Прихожу утром на службу и первым делом велю привести ко мне Цыганка. Гляжу, в кабинет входит незнакомый парнишка: тот, вчерашний, был чёрный, а этот — белобрысый. Волосы, что льняная кудель, брови словно выцвели, да и глаза вроде сбела... «Ты кого привёл?— спрашиваю дежурного.— Где же Цыганок?» Парнишка, улыбается во всё лицо. «Дяденька начальник, я ж самый Цыганок! Ей-богу...» Пригляделся, признал парнишку. «Вот, что, говорю, по начальству я доложил, что ты есть Цыганок, и хоть сменил ты свою масть, но и впредь зваться тебе этим именем!»

Цыганка все полюбили, а больше всего Пичугин. Может, потому, что детей у него своих не было... Вырядили мы парнишку в матросскую форму, и стал он казённые пакеты таскать по городу. Спал у меня. Сестрёнка Наташа привязалась к нему, как к брату, а мать души не чаяла.

Словом, прижился Цыганок. Ох, и бедовый парнишка! Бывало, соберёмся на ночную облаву, он ни за что не отстанет. «Нельзя, говорю, опасно», а он: «Не боюсь!» И по глазам вижу: не хвастает. Стал Цыганок просить у меня оружие: «Мировую гидру бить буду!» И что ж вы думаете, я так в нём уверился, что не выдержал и подарил браунинг. Шибко побаивался, что влетит мне от Пичугина, ежели узнает, а всё же обучил Цыганка владеть оружием. А вот Губанов преподал ему морскую науку... И сдаётся мне, братцы, что наука наша парню пошла впрок! Как только узнал он о гибели Пичугина?

А произошло это так.

Поздно вечером, когда окраины города погрузились в темноту, кто-то осторожно постучал в закрытые ставни домика Аргентовского. Встретила его Анна Ефимовна. Узнав, что незнакомец пришёл к Наташе, старушка ни о чём не стала расспрашивать, провела его через маленькую кухню, где стояла приземистая русская печь с лежанкой, задёрнутой занавеской, в просторную светлую комнату.

— Располагайтесь, Наташа скоро вернётся,— сказала она и оставила гостя.

Дед не без любопытства стал рассматривать квартиру горожан, к которым втайне относился с большим недоверием, считая их людьми недомовитыми. Но эта комната чем-то напоминала ему деревенскую горенку.

Стены и потолок были оклеены дешёвыми цветными обоями. В простенке между дверью и правым углом стоял покрытый чёрным лаком шкаф, через стеклянные двери которого виднелась чинно расставленная, яркого рисунка посуда. Соседний угол занимал высокий разросшийся фикус. В комнате находилась кровать, на которой пышной горкой вздымались подушки. Влево от двери блестела кафельной плиткой печь-голландка. На стенах — обилие семейных фотографий.

Наташа вернулась поздно. Она проговорила с дедом остаток ночи.

Утром дед ушёл отсыпаться на сеновал, а Наташа, не теряя времени, отправилась к старому приятелю отца большевику Репнину. Застав его дома, рассказала о приходе по-

сланца Пичугина. Скупой на слова рабочий сказал коротко: «Посоветуюсь с товарищами. Загляни под вечерок».

Вечером всегда хмурый Репнин встретил Наташу с сияющим лицом.

— Поможем партизанам оружием. Наши деповские и ребята с консервного обещали достать сотню винтовок. А вот с гранатами плоховато.

— Будут гранаты!— воскликнула Наташа и рассказала: в канун мятежа белочехов Лавр привёз большой тяжёлый ящик; закопал его во дворе. Уходя, Лавр сказал: «Смотри, сестрёнка, не проболтайся: здесь гранаты!»

Внимательно выслушав Наташу, Репнин забеспокоился:

— А если к вам нагрянут с обыском? Гранаты могут обнаружить!

— Не догадаются! — поспешила успокоить Наташа.— Ящик мы закопали в пригончике, а там лежит опоросившаяся свинья.

— Молодцы! Придумано неплохо!

Они долго обсуждали план передачи оружия партизанам, и, когда было продумано всё до мельчайших подробностей, Репнин спросил:

— Ну, а кого пошлём к Пичугину?

— Деда. Он знает дорогу!

— Нет, дед не годится!

Наташа удивлённо вскинула брови.

— Старые подпольщики учили нас когда-то,— наставительно сказал Репнин,— не повторять того, что удалось однажды. Можно провалить товарища... Запомни это хорошенько, Наташа!

Было решено связным к партизанам послать Цыганка.

Едва занимался рассвет, парнишка вышел из города, благополучно миновал пустынные улицы и стороной обошёл переезд, где виднелась застывшая фигура часового.

Вот Курган остался позади. Цыганок, свернув на Белозёрский тракт, смело вошёл в хвойный лес, окутанный дымкой утреннего тумана.

Здесь он почувствовал себя уверенно. В этот ранний утренний час вряд ли на лесной дороге встретится ему военный патруль. Ну, а если даже и случится такое — не беда; он облачился в лохмотья, перепачкал лицо и стал опять походить на того беспризорного паренька, которого увёл с вокзала Лавр. Попробуй узнать в этом оборванце парнишку-матроса, что, подражая старшим, важно вышагивал по улицам города с сумкой рассыльного.

И сейчас у Цыганка имеется сумка. Только прежняя, милицейская, была из настоящей кожи и с металлической застёжкой, а эта, что дал ему дед-бобыль, холстяная, вся в пёстрых заплатах. «Как встретишь кого на дороге,— строго наказал дед,— протягивай руку и проси милостыню». Цыганок несколько раз репетировал эту сцену с Наташей, и она смеялась, но когда они стали прощаться, вдруг стала грустной, обняла его и шепнула:

— Береги себя, Цыганок!..

Хорошо у Цыганка на душе! Значит, не такой уж он маленький, раз доверили ему опасное поручение. И он не подведёт. Дойдёт до Усть-Суерской и передаст Пичугину

всё, что наказала ему Наташа. Он знает — Пичугин похвалит, спросит, как всегда: «Ну, что хочешь, Цыганок?» На этот раз он знает, что ответить: «Хочу остаться с партизанами!»

К полдню солнце стало припекать, Цыганок решил немножко отдохнуть и поесть.

Он сошёл с дороги, углубился в бор, облюбовал неглубокий овражек, поросший по краям молодыми сосёнками, спустился в него и прилёг в тени. Сквозь тонкую холстину сумы, подложенной под голову, он ощущал маленький твёрдый предмет. Браунинг... Не сладко приходилось в эти дни, но он сберёг подарок Лавра!

Незаметно для себя Цыганок заснул. Разбудил его шум отдалённой стрельбы. Вскочил на ноги и тут же присел: на дороге толпились вооружённые всадники.

Надо поскорее выбраться из овражка и скрыться в лесу. А если увидят с дороги? Нет, не убежать от всадников, подстрелят. Лучше, пожалуй, остаться в овражке, так безопаснее будет.

Шум нарастал, приближался. Цыганок припал к пологому краю овражка, замер. Совсем близко прозвучала команда:

— Спешиться!

Затем всё стихло. Немного выждав, Цыганок приподнялся, выглянул и с трудом удержался, чтобы не вскрикнуть: шагах в двенадцати от себя, сквозь неплотную шеренгу кавалеристов, державших под уздцы лошадей, он различил запряжённую телегу и стоящего перед ней Пичугина.

Всё, что совершилось потом, было для Цыганка, как в дурном сне, когда хочется поскорее проснуться. Вцепившись руками в сосенку, скрывшую его худощавую фигуру,

он неотрывно смотрел туда, где стоял Пичугин.

...Конвой расступился, и к телеге торопливо прошли офицеры. Тот, что стоял впереди (Цыганок сразу узнал в нём капитана Корочкина), громко сказал:

— Арестованный!.. Вам предоставляется право высказать последнее желание.

— Развяжите руки!— послышался голос Пичугина.

Наступила пауза. Отойдя в сторонку, офицеры о чём-то стали вполголоса совещаться.

— Эту просьбу исполнить не можем!— крикнул Корочкин, подавая знак конвою.— Хотите повязку на глаза?

— Трусы! Боитесь одного безоружного человека!

Лес ожил, наполнился гулкими шумами; эхо донесло хлопки приближающихся выстрелов.

— Слышите? Нас много!.. Народ уничтожит вас!.. Да здравствует Лен... .

Залп оборвал голос Пичугина. Он упал ничком, мгновение лежал неподвижно, и вдруг сильная судорога потрясла его тело. Последним усилием воли Дмитрий, сердце которого ещё билось, согнул в локтях связанные руки и, напружинившись, стал медленно приподниматься на колени.

— Конвой!.. Залп!..— исступленно закричал Корочкин, но солдаты, поражённые мужеством человека, презревшего смерть, стояли в каком-то оцепенении. Корочкин выхватил из кобуры наган и, пятясь к телеге, разрядил в умирающего всю обойму.

...Цыганок очнулся от ночной прохлады на дне овражка, куда скатился в беспамятстве. Сознание возвращалось медленно, и вдруг он всё вспомнил...

Неслышно выбравшись из овражка, осторожно пополз в темноте. Лес стоял непроглядной стеной, но острые глаза различили смутные силуэты двух сосен. Вот они... Искать надо где-то здесь!

Нащупав распростёртое тело, Цыганок достал перочинный нож, разрезал ременный узел, стягивавший запястья Дмитрия, с трудом расправил их. Прикрыв платком лицо, засыпал труп мшистой боровой землей.

Только теперь почувствовал страх: колчаковцы могут вернуться, и тогда он погиб.

Цыганок наугад пошёл к дороге. Нога запнулась за что-то мягкое. Машинально нагнувшись, поднял фуражку... «Дмитрия»,— догадался он и с гордостью надел её на себя.

Русский мальчик

ЕЛЕНА ХОРИНСКАЯ

Русский мальчик... Встречали не раз
Вы таких. Со смешинкой глаза.
Тихой улицей в утренний час
Пробегал он с ребятами в класс
И шалил, и диктанты писал.
Широки родные поля,
А в полях цветут васильки.
По горячей дороге пыля,
Убегали ребята в поля,
Зажигали костры у реки.
Солнце в полдень печёт горячо,
Проплывают вдали облака.
Говорили... Мечтали... О чём?
Кем же стать — командиром, врачом?
В жизнь дорога была широка!

* * *

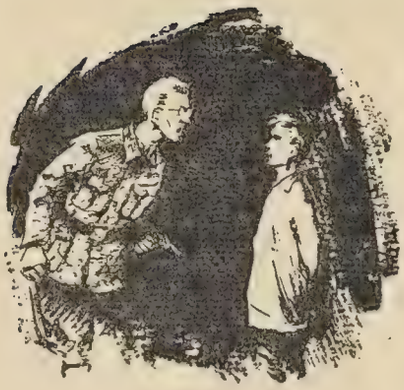
...Мальчугану шестнадцатый год..:
Не возьмут? Скажут маленький? Нет!
К командиру упрямо идёт
И впервые винтовку берёт
И выходит на вражеский след.
Он в разведке ползёт впереди,—
Не качнётся сухая трава.
Он пройдёт, где никто не ходил,
И гордился седой командир,
И орлёнком его называл.
...Он пробрался по топким снегам...
Не узнать родное село,—
Свирепеет к ночи пурга...
Поскорей бы следы замело!
И нарочно он путает след,—
То идёт, то бежит, то ползёт,
Он обходит фашистский пикет,
И, к груди прижимая пакет,
Пробирается снова вперёд.

Кто-то ждёт, притаясь у ворот.
Тихий оклик. Вручает пакет.
И в усы улыбается тот,
И, как взрослому, руку он жмёт,
И глядит озабоченно вслед.
Закружила парнишку сумять.
Возле школы чернеют столбы...
Нужно к лесу обратно бежать,—
Тусклый свет, и за прялкою мать...
Как пройдёшь мимо этой избы?

* * *

Пурга замести
не успела следы,
В тёмной избе
не ждали беды.
Поступью волчьей
подходят враги...
Орлёнок, спасайся!
Товарищ, беги!
Граната в руках.
Прыжок на крыльцо.

Ловко рванул
на бегу кольцо.
Секунда...
Другая...
Взрыва нет...
Двенадцать солдат
кидаются вслед.



* * *

В какой же стране
этот мальчик рос,
Если он вынес
фашистский допрос?!
...К утру
далёко умчалась пурга,
Солнце зажгло
голубые снега.
Тяжко прощаться
навеки с землёй...
Но сдавлено горло
фашистской петлёй...
И бросил в лицо он врагам
приговор,
И в гневе качнулся
широкий простор,
И песня рванулась
в простор голубой:
«Это есть наш последний
и решительный бой...»
Острою сталью
сверкнули лучи,
Как занесённые грозно
мечи...
...Он будет, как русская песня, живым.
Шапки снимите, друзья, перед ним!

ИМЯ НЕИЗВЕСТНО

ЭПИЗОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

БОРИС РЯБИНИН

Бой начался артиллерийской дуэлью. Сначала немцам помогал самолёт-корректировщик, и несколько снарядов легло рядом с батареей лейтенанта Пращина. Однако вскоре советский ястребок отогнал стервятника, и гитлеровцы потеряли цель. Зато наши артиллеристы, нащупав врага, били со всё возрастающей точностью.

Но тут произошло неожиданное.

Гром орудий стих, чуткая, настороженная тишина повисла над батареей, будто оборвалась и перестала звучать струна чудовищного контрабаса. Бойцы орудийных расчётов, застыв там, где остановил их приказ, с недоумением оглядывались на командный пункт. Что случилось? Только хорошо пристрелялись, одно накрытие — и от фашистской батареи осталось бы лишь воспоминание. И вдруг — «прекратить огонь!»

На наблюдательном пункте, укрытом в густом орешнике, двое — командир батареи и политрук — напряжённо разглядывали в полевые бинокли расположение противника, затем оба разом опустили

бинокли и с нескрываемой тревогой посмотрели друг на друга.

— Вот гады! Что придумали...— глухим от возмущения голосом произнёс политрук. Лейтенант был бледен и нервно теребил портупею.

— В чём дело?— послышался басок командира дивизиона. Майор прибыл лично выяснить, почему замолкли пушки.

— А вот взгляните сами...

— Так...— медленно процедил сквозь зубы майор, посмотрев туда, куда указывал молодой лейтенант.— Это у них называется «военная хитрость»...

— Зверство это, а не хитрость!— с горячностью воскликнул лейтенант.

В течение недолгого времени все трое молча рассматривали расположение противника. Там даже невооружённым глазом можно было заметить какое-то оживление. На тёмной зелени леса, в тени которого укрылась неприятельская батарея, мелькали разноцветные пятна — голубые, розовые, белые. В бинокле они превратились в рубашки деревенских ребятишек. Ребята гурьбой высыпали на опушку. Среди них двигались серовато-синие тужурки немецких солдат. Отбросив всякую осторожность, гитлеровцы выкатили орудия на открытые позиции, а впереди широким полукругом разместили ребят, подгоняя отстающих ударами и руганью. Это был дьявольский план — заставить замолчать советские пушки.

— Вот гады, вот гады!.. —повторял политрук. Лейтенант не находил слов, чтобы выразить своё негодование перед такой низостью

врага,— да и не слова нужны были сейчас. Бойцы, задымлённые, ещё с горячими от жаркой работы руками, узнав о случившемся, глухо волновались.

Офицеры прислушались — ветер донёс далёкий детский плач.

— Надо решать,— сказал майор.— Приказ командования должен быть выполнен...

— Но мы не можем стрелять в детей!— почти закричал лейтенант.

— Конечно,— подтвердил майор.— Но мы не можем и ждать, пока противник нас опередит.

Лейтенант с отчаянием оглянулся по сторонам. Тишина на батарее была зловещей. Чуть слышо пел в кустах ветер, шелестела листва. В воздухе ещё носился крепкий запах пороха. От нагретых жерл орудий восходили тёплые потоки воздуха.

Именно по таким струйкам лейтенант Пращин обнаружил замаскированную у леса вражескую батарею, засек её и уже был близок к тому, чтобы уничтожить.

В то время как гитлеровцы, лишившись воздушного наблюдателя, били вслепую по площади, он, лейтенант Пращин, сидел высоко в дупле старого дуба и наносил на карту точки врага, а после корректировал наводку своих орудий. Вот тогда-то, отчаявшись добиться победы в честном бою, враги и придумали этот живой щит из детей...

В эту минуту на батарее появилось новое лицо — маленький мальчик в крестьянской свитке, из-под которой виднелась разорванная рубашка, и широких, подвёрнутых снизу штанах. Он возник так внезапно, будто вырос из земли. В сопровождении красноармейца, он проследовал на командный пункт.

— Вот, товарищ командир, малый прибёг. Говорит, дело до вас имеет,— доложил боец.

— Разрешите обратиться!— явно копируя взрослых, звонко отчеканил мальчик. Глаза у него были испуганные и нижняя губа прыгала, но держался он твёрдо и с достоинством.

— Что скажешь?— спросил его майор.

— Да вот,— быстро заговорил мальчик,— я, значит, насчёт фашистов. Они там ребят с деревни пригнали, чтобы вы, значит, не стреляли, а я уполз. Да рубаху вот порвал... Хочу вам помочь!— вдруг выпалил он.

— Нам помочь?— удивлённо поднял брови лейтенант.

— Ага. Канава там...

— Канава?

— Ага.

— Какая канава?

— Осушительная. Вот, значит...

— Значит, значит!— нетерпеливо перебил мальчугана лейтенант.— Что-то ничего я не пойму. При чём тут канава?

— Погодите, я, кажется, начинаю понимать,— сказал майор.— И куда эта канава идёт?

— Туда и туда...— показал рукой мальчик.

— Во фланг немцам, стало быть,— уточнил майор.— Так... А ведь малый-то не промах!— с улыбкой обернулся он к лейтенанту.— Прикажите пулемётчикам быть наготове. А мы сейчас разработаем план операции...

Через несколько минут группа бойцов пулемётной команды с политруком во главе, укрываясь в зарослях орешника, незаметно покинула батарею и направилась во фланг немцам. Широкая безлесная низина разделяла позиции противника. Она полого возвышалась к краям и вся заросла густой высокой травой. Вероятно, раньше здесь было болото или, может быть, даже озеро, пока цепкие водолюбивые растения не затянули его, высосав влагу.

Трава хорошо укрывала людей, и уже в полусотне шагов нельзя было заметить никакого движения. Мальчик в крестьянской свитке проворно полз впереди, раздвигая руками колючую шуршащую осоку и поддёргивая сползающие штаны.

— Вот туточки, дядя...—тихо прошептал он и в ту же секунду

исчез, словно сырая тонкая почва вдруг поглотила его.

Это была канава. Она скрывала людей с головой. Под ногами хлюпала вода, негромко тарахтела телефонная катушка на спине одного из бойцов. Тонкий кабель тянулся за ним. Сзади время от времени громыхали одиночные орудийные выстрелы. Это лейтенант Пращин отвлекал на себя внимание противника. После каждого выстрела орудие меняло позицию, чтобы сбить врага с толку.

Канава напоминала заброшенный окоп. Прямая, как линейка, она пересекала низину, теряясь дальним концом в орешнике.

Отряд остановился. По расчётам они уже зашли во фланг немцам. Прислушались. Совсем близко слышалась нерусская речь. Навзрыд заплакал ребёнок. Послышались ругательства, грянул выстрел, и голоса смолкли.

Кто-то из бойцов сделал порывистое движение, точно собираясь выпрыгнуть из канавы, кто-то громко скрипнул зубами...

— Тихо!—Политрук обвёл строгим взглядом людей.— Слушать мою команду. Связь?

— В порядке, товарищ политрук.

— Следить за местностью. Пулемётчики, ко мне!

Указав место пулемётчикам, политрук осторожно приподнял голову над краем канавы. Прямо перед собой он увидел фашистскую батарею. До неё было не больше сотни метров. У орудий застыли расчёты. Два солдата согнулись в напряжённой позе у пулемёта. Чёрный смертоносный глазок смотрел на сбившихся в кучу ребятишек. Рядом с пулемётом стоял офицер в длинном плаще и разглядывал через бинокль противоположную сторону низины, стараясь определить местонахождение неуловимой «красной» батареи. Политрук отчётливо видел его бледное лицо и короткие подстриженные усики.

Гитлеровцы чувствовали себя настолько неуязвимыми, что даже не считали нужным маскироваться. Они, видимо, ждали указаний наблюдателя и потому не открывали огня. Ветер медленно развевал длинные полы офицерского плаща.

И вдруг тонкий мальчишеский голос взорвал эту зловещую тишину:

— Ребята, падай в траву! Падай! Ползи сюда!

Дружно застрекотали ручные пулемёты. Два солдата у немецкого пулемёта беззвучно ткнулись в землю. Остальные заметались, ища, куда скрыться от пуль. Ребятишки зашевелились, поползли, как муравьи. Офицер выхватил парабеллум, но в ту же секунду скрючился, выронил револьвер и медленно осел наземь.

Ребята быстро уползали. А пулемёты всё продолжали строчить по фашистской батарее. Пули щёлкали о лафеты орудий, рикошетом ранили лежащих гитлеровцев, не давая им поднять головы.

— Ползи! Ползи сюда!— надрывался мальчик в свитке, стараясь перекричать треск пулемётов.

Скоро канава наполнилась дрожащими, испуганными ребятами.

— Огонь!— крикнул политрук.

— Огонь!— повторил связной в трубку.

— Огонь!— обрадованно закричал на батарее лейтенант Пращин.

Загрохотали орудия. Столб огня и дыма закрутился над передним краем врага.

— Огонь! Огонь!— кричал лейтенант, и каждый залп отдавался в его сердце радостной музыкой.

Через минуту всё было кончено. Фашистская батарея перестала существовать. А ещё через несколько минут все спасённые ребята были посажены на машины и отправлены в тыл, и вместе со всеми — мальчик в свитке.

И тут оказалось, что никто не знает имени маленького проводника, явившегося так кстати. В спешке забыли его спросить об этом. А когда попытались узнать по телефону, выяснилось, что ребят из ближнего тыла уже увезли дальше, где им больше не могла грозить никакая опасность. И в журнале боевых действий энской артиллерийской части в этот день было записано, что успеху операции содействовал смелый крестьянский мальчик в белой свитке, фамилию которого установить не удалось.

Однако, сделав эту запись, майор долго задумчиво смотрел перед собой, словно озарённый мыслью, которая наполнила его чувством

горделивой радости, сознанием собственной силы.

Он знал имя босоногого помощника. Он знал имя союзника, который всегда был со своей армией в трудные для неё часы, помогал ей одерживать победы даже над самым грозным противником.

Это имя — народ.

Названый брат

АНАТОЛИЙ ТРОФИМОВ

Когда к деревне подошли немцы, Пётр Никитович Бельский собрал самые необходимые пожитки и ушёл в лес. Федя, которому летом исполнилось десять лет, остался на попечении старушки, приходившейся Бельским дальней родственницей. Никакие просьбы Феди взять его в партизаны не помогли. Отец ещё сам толком не знал, где он найдёт лесных мстителей.

Жить было тяжело. Запас зерна и картофеля выгребли немцы. От недоедания старушка слегла и больше не поднялась. Перед смертью она долго смотрела на мальчика стекленеющими глазами и шептала:

— Остаёшься ты совсем один, сиротинушка.

Похоронили старую Прасковью на том же кладбище, где покоилась рано умершая мать Феди. Мальчик до темноты оставался у отдающего сыростью холмика. Слёз уже не было. Федя бродил около могил, собирал камешки, обкладывал ими глиняную грядку, под которой покоилось тело бабушки Паши.

С наступлением сумерек он убежал в лес. Ночь проспал под деревом, а утром, голодный, испуганный, отправился искать отца.

Трое суток он блуждал по густым гомельским лесам, пока од-

нажды утром не услышал шум боя. Трещали пулемёты, били скорострельные пушки.

Федя вскочил и, задыхаясь, побежал в сторону выстрелов.

Лес неожиданно кончился. Впереди лежало поле, а ещё дальше виднелись кирпичные постройки железнодорожной станции. Стрельба доносилась оттуда. В небе, делая круг за кругом, проходили самолёты с красными звёздами. То и дело они пикировали на станцию, бомбили и обстреливали её. Мальчик онемел от радости.

Кха-кха-кха-кха, — захлёбывались скорострельные фашистские зенитки.

Федя, забыв обо всём, гневно топал ногами.

Зато когда, изрыгая огонь, пикировал советский штурмовик, Федя восторженно кричал:

— Так их, так!..

И вдруг одна машина накренилась, стала падать. Мальчика охватил ужас. Сейчас она врежется в землю, разобьётся! Но самолёт выправился и пошёл на посадку. Федя замер. Самолёт всё ближе к лесу, вот он коснулся земли, побежал, казалось, навстречу мальчику, затем с хода влетел в кусты, вздрогнул и остановился. Из кабины показался лётчик. Он тяжело вывалился на крыло, потом соскользнул на землю, сел.

Не раздумывая, Федя помчался к лётчику.

— Дяденька, немцы близко, бежим скорее!

Но лётчик и сам понимал опасность. Он спросил:

— Ты здешний, малец?

— Нет, я папаньку искал, заблудился.

— Давай-ка тикай отсюда и как можно быстрее. А я...—Лётчик вынул пистолет.

Мальчик посмотрел на небо и испуганно вскрикнул:

— Ещё один падает!

Лётчик отрицательно покачал головой:

— Нет, парень, это Борька Черезов друга выручать думает. Да он что, с ума сошёл! Фрицы рядом...

Самолёт Черезова сделал круг и спустился на поляне.

— Шевелись, чёрт, да жги скорее машину!— крикнул выскочивший из него лётчик.

Мальчик помог своему новому знакомому подняться, разыскал в кармане его реглана спички. «Ильюшин» вспыхнул. Черезов подхватил подковылявшего лётчика, приказал:

— Становись на крыло, держись за упор кабины,— Черезов только теперь обратил внимание на оборванного, грязного малыша.— Откуда ты? Прибьёт же тебя. А ну, лезь...

Черезов едва втиснул Федю позади себя, дал газ, штурмовик помчался навстречу уже бежавшим от станции немцам, взмыл вверх и пошёл на свой аэродром.

Так Федя Бельский перелетел фронт и оказался в полку советских штурмовиков. Черезов долго раздумывал, как поступить с ним.

— В отцы, Федька, не гожусь. Тебе десять, мне двадцать два. Не мог же я папой в двенадцать лет стать,— усмехнулся он.

— А в братья, дядя Боря... годитесь?

Комок подступил к горлу лейтенанта.

— В братья, говоришь? — прошептал он.

— Ага, в братья...

...Федя Бельский остался в полку. Он помогал механикам чистить самолёты, выполнял мелкие поручения. Когда Черезов находился на аэродроме, мальчик ни на шаг не отходил от него.

Если «Ильюшины» уходили на задание, Федя оставался у ангара и ждал своего названого брата. Он приберегал для него шоколад, который дарили лётчики, добывал хороших папирос. Лейтенант Черезов от папирос не отказывался, а шоколад заставлял съедать самого Федю.

— Ешь, братуха,—говорил он,— набирайся сил.

Федя заметно поправлялся. Вот только подходящей одежды для него так и не могли справить. Мальчик ходил в стареньком реглане с подвёрнутыми рукавами, в своих же заплатанных штанишках.

Борис Черезов обещал:

— Отгоним фашистов от Днепра, придумаем что-нибудь.

В один из тяжёлых, наполненных полётами дней лётчики стояли около своих только что приземлившихся самолётов и торопливо жевали бутерброды, принесённые из офицерской столовой. Механики и мотористы спешно заправляли машины горючим, пополняли боеприпасами.

Лейтенант Черезов был не в духе: восемь вылетов сделано,

а результатов никаких! Гитлеровцы крепко защищали переправу, окружили её плотным кольцом огня.

К Черезову, запыхавшись, подбежал Федя. В руках мальчика был стакан холодного кофе и хлеб с толстым куском сала. Почти плачущим голосом он упрашивал:

— Дядя Боря, с утра ничего не ел ведь.

Офицер молчал, как будто не слышал.

— Братик, ну...

— Отстань, Фёдор,— грубовато ответил Черезов.

Мальчик сел на ящик с инструментом. Губы его обиженно задёргались.

— Целый день ведь летаешь — и не евши,— всхлипнул он.— Ну, что стоит! Вон другие же...

Черезов присел рядом с мальчиком, обнял его за плечи.

— Неважные дела, братуха. Стоит фашистская переправа. И поделать ничего не можем. На каждую нашу пару самолётов выходит по четырнадцать-шестнадцать фашистских «Мессершмиттов». Одиннадцать мы вогнали в землю, но, Федя, и своих четырёх товарищей не досчитываемся.

Мальчик представил, как через Днепр колонна за колонной движется вражеская пехота, идут грузовики со снарядами, тарахтят танки с паучьей свастикой.

— Вот так, братуха!

Черезов внезапно встал, взобрался на плоскость самолёта и начал возиться с пулемётом, ещё и ещё раз проверяя его исправность.

— Тёзка, приземлись ко мне!

Лейтенант оглянулся. Внизу стоял приятель Черезова — Борис Россохин. Он летал с ним в паре.

— Слазь, глотай бутерброд. Не обижай парня.

Федя благодарно улыбнулся Россохину.

— Нет, Боря, не могу.— Лётчик спрыгнул на землю.— Ничего не лезет в горло. Стоит передо мной эта чёртова переправа.

Бутерброд Черезов всё же взял, но сунул его в карман реглана.

— Вернусь — съем,— пообещал он.

Посмотрев на паренька, лейтенант Черезов вздохнул, взял из его рук стакан с кофе, выпил.

К лётному полю, молодо вышагивая, спешил командир дивизии. Штурман полка построил лётчиков. Стоя рядом с Россохиным, Черезов успел шепнуть:

— Ну, разнос будет...

Разговаривая с лётчиками, генерал смотрел куда-то в сторону.

— Мы ещё утром получили приказ — разрушить переправу. Он до сих пор не выполнен. Не выполнен...

И вдруг генерал повернулся,

пристально посмотрел на каждого и твёрдо, но в то же время с отцовской теплотой в голосе произнёс:

— Гвардейцы, мы должны его выполнить...

Когда расходились по самолётам, Черезов вдруг обнял Россохина, поцеловал.

— Ты чего, Борька?

— Так, на всякий случай... Знай, тёзка, что я не опущусь на аэродром, пока не взорву переправу...

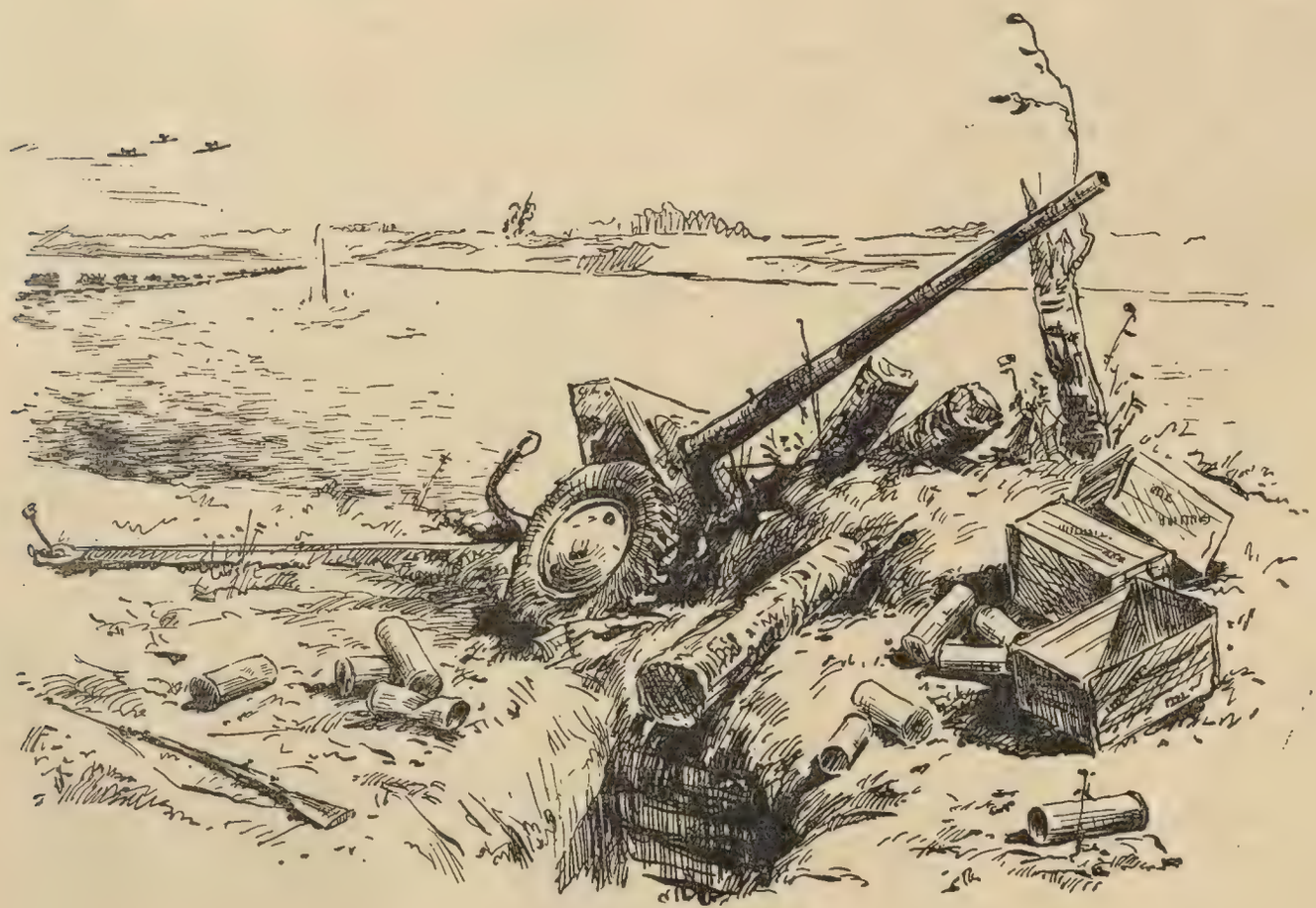
Мальчика Черезов взял на руки и крепко прижал к груди.

Самолёты один за другим поднимались и парами исчезали в синеве неба. Россохин шёл следом за Черезовым — ведомым. Внизу расстилались обширные зелёные массивы гомельских лесов. Дымом пожарищ обрисовывалась линия фронта. Блеснул Днепр.

— Боря, «Мессеры» впереди справа,— услышал он по радио голос Черезова.— Прикрой хвост, атакую.

Шесть фашистских истребителей шли наперерез нашим штурмовикам. Черезов и Россохин стали набирать высоту, чтобы сверху ринуться на врага. Но их опередили наши истребители — завязался бой. Штурмовики получили возможность бомбить переправу.

Один заход следовал за другим. Вот, чуть повалившись на крыло, пошёл в пике самолёт Черезова. Куда-то вниз, под правую плоскость скользнула земля, метнулись в сто-



рону белёсые облака. Когда прямо перед «Ильюшиным» появилась переправа, лейтенант Черезов сбросил бомбы.

На выходящего из пике Черезова бросилось сразу два «Мессершмитта». Не теряя времени, лейтенант Россохин пошёл им наперерез, чтобы отвлечь врага на себя.

— Тёзка, ты меня слышишь?— раздался в шлемофоне Россохина голос ведущего.— Придержи «жёлтоносых», иду ещё на один заход.

— Действуй, Боря!— отозвался Россохин и ринулся на машину фашиста. «Мессершмитт» вспыхнул. Россохин крутнул «бочку», чтобы выйти из-под огня второго истребителя.

Но не помогла Россохину ловкая увёртка. Страшным ударом сотрясло машину. Лейтенант Россохин прибавил газ и взмыл вверх. Но машине осталось жить считанные минуты: заглох мотор.

— Черезов, Черезов!— пытался вызвать Россохин по радио своего друга. Рация не работала.

— Поганое дело,— выругался Россохин.

Тыльной стороной руки он вытер набегающие на глаза струйки крови и оглядел небо, отыскивая машину товарища. Он тотчас же узнал самолёт Черезова. Жадное пламя лизало его плоскости.

А внизу, по переправе, по-прежнему катились машины, наполненные вражеской пехотой.

«Только бы дотянуть до аэродрома,— подумал Россохин,— а там снова пойдём в воздух».

На машине Бориса Черезова плескались языки пламени. Лётчик пытался сбить огонь, бросая самолёт из стороны в сторону.

— Дотяни, дотяни, Боря. Ну, слышишь? Ещё немного, за Днепр... мы ещё повоюем с тобой, дружище...—почти кричал Россохин и от этого меньше чувствовал боль от впившихся в тело осколков.

— Тёзка, тёзка, тяни. Ну... Ещё ещё...

И в это мгновение Россохин увидел, как самолёт друга в стремительном пике, оставляя за собой дымный след, ринулся на переправу.

— Борис!— сорвавшимся голосом выкрикнул Россохин.

Советская машина, как огненная комета, неслась вниз, туда, где по понтонному мосту шли и шли вражеские танки.

Нет, это была не комета, это был живой человек, с горячим сердцем патриота.

В треске и грохоте непрекращающегося боя раздался мощный гул взрыва. Самолёт лейтенанта Черезова врезался в переправу. Огромный столб огня, дыма, обломков и воды поднялся над тем местом, где только что двигалась вражеская колонна.

Как он перетянул через Днепр, как произвёл посадку, Россохин не помнил. Очнулся лишь под вечер, когда наши войска добивали успевшие переправиться на левый берег Днепра гитлеровские части.

В комнате медпункта стояла тишина, в окна пробивались солнечные лучи...

У постели сидел Федя Бельский, осунувшийся и похудевший. Россохин вспомнил всё сразу, захотелось рассказать мальчику подробно, как

геройски погиб его фронтовой брат, найти согревающие сердце слова, но Федя кивнул в сторону приближающегося генерала.

— Ничего не надо рассказывать, гвардеец. Всё видели сами,— тихо произнёс генерал, присаживаясь рядом с Россохиным.

Берёзка

ВАСИЛИЙ ЕЛОВСКИХ

В музыкальной команде нашего полка был воспитанник Коля Озеров, мальчик лет тринадцати, тихий и застенчивый. Как и все солдаты, он носил военную форму, но сидела она на нём мешковато.

В оркестре Коля играл на альте. Выполнял он свои немудрые обязанности хорошо, но говорили в полку, что не родился мальчик ни солдатом, ни музыкантом.

Полк стоял тогда в Латвии, дело было вскоре после окончания Отечественной войны, в лесу скрывалось много фашистов.

А Коля любил бродить по лесу, часто забирался далеко, и это беспокоило его друзей. Однажды собирал он цветы и вышел на небольшую поляну. Осмотрелся: место незнакомое, далеко зашёл. Хотел обратно повернуть, но его внимание привлекла берёзка. Она росла на краю поляны. Листья на ней были почему-то поблёкшими, сморщенными и свисали вниз, а некоторые начали желтеть. И ещё подметил мальчик, что листья гуще растут не на южной стороне, а на северной. Он потрогал деревцо, потом дёрнул его. И чудо! Деревцо подалось вместе с куском дёрна. У Колиных ног образовалась яма. Глаза мальчика расширились от удивления, в следующую секунду испуганно дрогнули его брови — из ямы послышался глуховатый, простуженный голос:

— Генрих?

Коля замер. Ясно, что здесь, в подземелье, прятались фашисты. Это была не простая яма, а замаскированная землянка. Вход в неё прикрывался берёзкой.

Из землянки высунулась большая лысая голова и сразу же исчезла.

И только тут Коля пришёл в себя. Он во весь мах побежал к кустам. Сзади раздался резкий окрик:

— Хальт!

Коля уже был в кустах, когда навстречу ему выскочил длинноногий человек,—видимо, тот, которого ждали в землянке. Направляя пистолет на мальчика, он крикнул:

— Стой!

Потом Колю несколько раз ударили, скрутили ему руки и затащили в землянку. Берёзку с дерниной водрузили на старое место.

На мальчика смотрели угрюмо три офицера. Все они, как на подбор, были тощими, их коричневые гимнастёрки выцвели, загрязнились, такими же землисто-серыми выглядели мутные глаза фашистов.

В землянке светила коптилка. Из огонька тянулась тоненькая колеблющаяся струйка чёрного дыма.

В углу стояла круглая железная печка, в ней горели и трещали дрова. На печке что-то варилось.

«А куда же дым выходит?» — с удивлением подумал Коля.

— Как тебя малшик сфать?— неожиданно ласковым голосом спросил длинноногий Генрих.

— Отпустите меня!— крикнул Коля в отчаянии и бросился к выходу.

— Туда не можно, не можно. Сиди, глюпый малшик.

Коля думал, что сейчас у него начнут допытываться, в каком он полку служит, что это за полк и где расположен. Конечно, Коля на такие вопросы отвечать не будет!..

Но бандиты его об этом не расспрашивали. Они громко разговаривали. Коля не знал немецкого языка, но догадывался, что говорили о нём.

Вот лысый офицер, видимо, старший, отдал какую-то команду и махнул волосатой рукой.

Коля и длинноногий Генрих вылезли наружу.

— Ити!— скомандовал бандит, указывая в глубь леса. Лицо его, морщинистое, узкое и кривое, как отражение плохого зеркала, ещё более сморщилось и искривилось.

Коля пошёл. На краю поляны в двух-трёх метрах от засохшей берёзки стояла ель. В ветвях её мальчик увидел клубы дыма. Значит, труба от печки выходит не прямо наружу, а к стволу ели, чтобы дым был незаметен со стороны. Хитро придумано, ничего не скажешь.

«Бежать, надо бежать! Но как?—думал с тревогой Коля.—Выбрать удобный момент и бежать!»

Не поворачивая головы, Коля посматривал по сторонам. Вот редкий сосняк, тут его могут быстро догнать. Рядом лужайка,— тоже не годится: здесь всё видно, как на ладони, и бегущего человека можно сбить первой пулей.

Они прошли с полкилометра. Длинноногий Генрих двигался молча, как немой, засунув руки в карманы брюк.

Сейчас кругом был густой кустарник, пересечённый кривыми, еле заметными тропками. Часто встречался колючий шиповник. Вся свободная от кустов земля поросла необыкновенно высокой, жёсткой болотной травой.

«Здесь убегу!» — решил Коля, вдохнул в себя побольше воздуху и юркнул в кусты. Упругие ветки хлестали его по лицу, он отстранял их руками, перепрыгивал через валежник и, пригибаясь, бежал и бежал...

Сзади слышался лающий голос: «Хальт, хальт!» Беспрерывно хлопали выстрелы из парабеллума. Колю сильно ударило в левую руку, через несколько секунд он почувствовал боль: его ранило.

Где-то уже вдали ругался фашист, безуспешно пробиравшийся через шиповник.

А Коля прибежал к речке и по топкому берегу направился в ту сторону, где находился их гарнизон. И хоть был он ранен, сразу же повёл солдат к логову врага...

Вечером старшина сказал солдатам о Коле:

— Вот молодец, так молодец. Можно сказать, первый мастер по лесному делу. Не знай он леса, расстреляли бы его, и банду бы мы сегодня не уничтожили...

За находчивость и смелость Колю наградили боевой медалью.

Вы, возможно, поинтересуетесь: а где же теперь Коля?

Он стал взрослым, уволился из армии и сейчас выращивает леса в просторных приволжских степях.

НИКОЛАЙ СЕМИН

Говорила гордо Майя:
— Родилась я в праздник Мая!
Этот праздник лучше всех:
Солнышко сияет,
Всюду песни,
Всюду смех,
Музыка играет!
Витя слово взял для спора:

— Лучший праздник — День шахтёра!
В этот день костюм свой синий
Надевает папа мой,
И по городу в машине
Он катается со мной!

Октябрина с места встала:
— В ноябре я родилась,
В день, когда весна настала,
Хоть и осень началась.
Люди верно говорят —
Ты запомни, Майя,—
Без Седьмого ноября
Не было бы Мая,
Не было бы Дня шахтёра
И других хороших дней.
Витя подтвердил:
— Нет спору!
— Правильно! — сказал Сергей.

В тылу

СЕРГЕЙ НАУМОВ

Тихим голосом Анна Степановна прочла первый абзац:

— «Серёжка молчал, когда его били, молчал, когда Фенбонг, скрутив ему руки назад, вздёрнул его на дыбу, молчал, несмотря на страшную боль в раненой руке. И только когда Фенбонг проткнул ему рану шомполом, Серёжка заскрипел зубами...»

Целый час, как завороженные, сидели мальчики и девочки в классе, кто наклонив голову и подперев её кулаком, кто откинувшись на спинку парты, так и не шевельнувшись до конца чтения.

Анна Степановна кончила читать, закрыла книгу и маленькой сухой рукой потёрла лоб, словно стараясь стереть набежавшие морщины. Казалось, она забыла о ребятах и вспомнила что-то мучительное и близкое, может быть, то, от чего так рано поседели её пышные тёмные волосы. В школе знали, что её единственный сын Юрий погиб смертью храбрых в первые дни войны.

Тихо в классе. Алёша сидит у окна и глядит на набухшее тучами тоскливое небо. А может быть, небо за окном вовсе не такое пасмурное, может быть, просто тоскливо Алёше, потому что ему жаль смелых ребят из Краснодона. Он на минуту представил себе, что лежит связанным в сырой одиночной камере и на его исполосованном железными прутьями теле запеклась кровь. Алёша пытается подняться, но без сил падает лицом вниз на холодный цементный пол. Пусть горят его жгучие раны, он не выдал товарищей, не сказал ни слова, он был стойким до конца, как и подобает советскому пионеру!

В коридоре послышались чьи-то торопливые шаги. Вошла вожатая Лида. Она наклонилась к Анне Степановне и что-то негромко сказала. Учительница встала:

— Ребята, идите по домам, буран начинается.

Алёша и Серёжка вышли из школы последними. На улице было тихо и даже тепло. Ни ветерка. Только с запада, закрывая собой солнце, надвигалось несколько тёмных больших облаков.

— Вот был человек Сергей Тюленин,— первый прервал молчание Серёжка и для чего-то расстегнул полушубок.— Подвиги какие совершал: биржу поджёг, пленных освободил!

Алёша шёл молча. Перед его взором, как живой, встал образ отца: в солдатской шапке-ушанке, в сапогах, в серой шинели, туго перепоясанной ремнём — таким Алёша видел его перед отправкой на фронт. Пришло на память последнее письмо. Отец писал, что держит оборону на Мамаевом кургане. Посмотреть бы на этот курган. Там, наверно, и траншей теперь не осталось. Найти братскую могилу, прочитать на большой гранитной глыбе дорогое имя, посадить цветы,— отец любил незабудки...

Алёшу вывел из задумчивости голос Серёжи.

— Значит, до вечера!

Алёша кивнул, и друзья разошлись. Лёгкий ветерок ласково гладил лицо. С каждой минутой он усиливался. Тёмные облака превращались в громадную иссиня-чёрную тучу. Мальчик ускорил шаги.

Дом Алёши стоял на краю села, недалеко от фермы. Алёша любил вечером, возвращаясь из школы, заходить к матери. Тихо и пусто на ферме в эти часы. Слышно, как в дальней комнатушке сторож Потапыч стучит молотком, словно дятел в лесу на заре. Алёша обходил всю ферму и, подражая матери, поглаживал то одну, то другую корову, называл их ласковыми именами, поправлял соломенные подстилки. После обхода он неизменно заходил к Рыжику. Ероша его огненно-золотистую шерсть, доставал из кармана заранее приготовленный кусок подсолнечного жмыха и давал телёнку. Тот доверчиво тыкался замшей носа в руку Алёши и признательно помахивал хвостом.

Вот и сейчас мальчик нащупал в кармане кусок жмыха и улыбнулся: Рыжик будет рад. Алёшу не удивила тишина в помещении. Его удивило другое — матери не было на ферме. Не слышно было и размеренного постукивания молотка в комнате Потапыча. Мальчик пошёл в самый конец длинного коридора, к стайке Рыжика. Стайка была пуста.

Неожиданно заскрипела дверь, и Алёша увидел входящего Потапыча. Сторож поднял на мальчика слезя-

щиеся глаза и развёл руками. Этот жест кольнул Алёшу в самое сердце.

— Ушёл,— стряхивая с шапки снег, сказал Потапыч.— Подшефный твой в степь ушёл,— снова повторил он, не глядя на Алёшу,— моя вина, не доглядел.

Алёша проглотил подступивший к горлу комок и хрипло спросил:

— Когда?

— Час назад. С водопоя пришли, пересчитали — Рыжика нет. Евдокия Ивановна с двумя девчатами в степь побегли, да буран идёт, где уж найдёшь,— сгинет скотина. Председателю ходили звонить, обещал людей собрать.— Старик помолчал.— Не верит он, председатель-то, что в этакий буран телёнка можно найти,— договорил Потапыч и сплюнул.

«Как не верит?»— хотел сказать Алёша, но вместо этого растерянно заморгал ресницами, на которых готовы были выступить слёзы. Отчаяние охватило мальчика. Буран угонит телёнка далеко в степь, и когда у Рыжика не станет силы, он упадёт и его заметёт снегом.

Размышления мальчика прервало глухое бормотание Потапыча. Алёша прислушался.

— Супротив ветра он, конечно, не пойдёт, буран погонит его к старой мельнице,— разговаривал сам с собой сторож,— зря не послушали старика. Эх, птицы-лебеди, кабы не ревматизма,— нашел бы скотину.

Теперь Алёша знал, где искать телёнка.

Он выскочил на улицу и чуть не задохнулся от тугого встречного ветра.

«Найду»,— упрямо подумал мальчик, доставая из кармана рукавицы. Как бы в ответ на его мысль над головой дико просвистел ветер, рванул поднятый воротник, обдал лицо колючим сухим снегом. Алёша согнулся и, разрезая ветер плечом, пошёл в степь.

Буран то усиливался, поднимая с оголённой земли тучи снега, то неожиданно успокаивался и с тихим шорохом гнал позёмку.

Нащупывая ногами твёрдый наст дороги, Алёша медленно двигался навстречу вьюге, зорко поглядывая во все стороны. Порывистый ветер оглушал, сбивал с ног.

«Где его найдёшь в такой буран?» — Алёше вдруг стало страшно. Он уже без прежней уверенности, почти машинально двигался вперёд.

«Вернусь! Пройду ещё десять шагов и вернусь!»

«А как же Рыжик? — прошелестел в самые уши ветер.— Замёрзнет?»

Мальчику от одной этой мысли стало жарко.

«Трус несчастный»,— выругал он себя.

Вдруг до мальчика донеслось слабое, приглушенное ветром, мычание. Он сорвал с головы шапку и прислушался. И снова ветер принёс жалобные протяжные звуки. Алёша наклонился, ища твёрдый наст дороги, и увидел на снегу маленькие полузанесённые ямочки.

Следы! Они уходили в сторону, в степь. Не спуская со следов глаз, Алёша пошёл дальше.

Вскоре следы стали менее отчётливыми, ещё несколько десятков шагов, и они вовсе пропали. Мальчик брёл теперь наугад. Он часто останавливался и подолгу прислушивался, но, кроме гикающего посвиста ветра, ничего не было слышно.

«Может быть, показалось»,— начинал думать мальчик и вдруг сквозь снежное месиво увидел чёрное пятно.

— Рыжик!— воскликнул он и бросился вперёд. Рыжик стоял, опустив морду, словно что-то вынюхивая на снегу.

Алёша обнял его холодную, обледеневшую морду, радостно повторяя одно слово:

— Нашёл! Нашёл!

Обратно Алёша пошёл по своим следам, надеясь выйти на дорогу. Телёнок послушно плёлся за ним. Его тонкие дрожащие ноги то и дело проваливались глубоко в снег. Тогда он беспомощно валился на бок, тихо и просительно мычал.

Мальчик упрямо шёл вперёд. Вокруг расстилалась ровная пустыня, дикая и мрачная под низким пасмурным небом. Где-то впереди должны были замелькать огни села, но сколько ни вглядывался мальчик, только комья перекати-поля неслись мимо и пропадали в снежной пелене. Алёша закусил губу, чтобы не расплакаться.

Неожиданно сквозь крутящиеся вихри он увидел холм. Холм этот оказался большим бугром выброшенной земли. На миг перед мальчиком, как во сне, встали погожие летние дни и колхозные подводы с глиной для обмазки строений. Он находился у вырытого колхозниками котлована, из которого брали глину. Спуститься на дно котлована было нетрудно. Круглая, широкая, но неглубокая яма имела в диаметре метров тридцать. Обвалившиеся края позволили мальчику легко свести в неё телёнка.

Скорчившись на дне котлована, Алёша засунул замёрзшие руки в широкие рукава пальто и ощутил приятную теплоту, разлившуюся по всему телу. Ветер здесь не бушевал,

слышен был только его неистовый вой. Телёнок стоял спокойно, изредка вздрагивая и поводя ушами. Большие глаза смотрели на спасителя доверчиво и грустно. Алёша долго боролся с одолевавшей его сонливостью, щипал себя за щёки, пробовал вполголоса петь, но отяжелевшие веки то и дело смыкались.

В проблеске сознания Алёша успел подумать: «Замёрзну!», и тотчас, прорвав пелену неумолкающего шума, в ушах зазвенел голос Анны Степановны. Алёша видит её доброе, спокойное лицо с чуть поджатыми губами, слышит её задушевный голос.

Учительница вызывает Алёшу к доске. Нужно рассказать о краснодонцах. Алёша знает, он хочет ответить, но какой-то шум, похожий на шелест крыльев огромной птицы, мешает ему говорить, чем-то холодным свело губы.

Очнулся Алёша от осторожного тёплого прикосновения, испуганно открыл глаза и увидел прямо перед собой окутанную облачком пара морду Рыжика. Неприятный холодок пополз по спине мальчика — «чуть не замёрз». Алёша вскочил и начал энергично ходить. Набрав в лёгкие побольше воздуха, он сложил руки рупором, поднялся до края котлована и крикнул:

— Эге-ге-ге-гей! Э-э-эй!

С минуту мальчик прислушивался, потом неохотно спустился вниз. «Главное — не заснуть,— подумал он,— нужно дождаться утра, к утру буран стихнет. Сколько же сейчас времени?» И хотя ноги гудели от усталости, Алёша не решился присесть, боясь снова задремать. Как хочется спать! Мальчик изо всех сил боролся с дремотой и, не выдержав, сел к стенке прямо на снег.

«Нет, я не буду спать, я только на минутку закрою глаза и отдохну,— убеждал он себя,— только на минутку». Сознание заволокло густым непроницаемым туманом.

Что-то влажное начинает тыкаться в щёки, обдавая лицо приятным теплом.

«Убери»,— хочет сказать мальчик и с трудом открывает глаза.

Над ним стоит Рыжик. Он снова настойчиво будит Алёшу своим горячим шершавым языком. Подняв-

шись на ноги, Алёша растёр замёрзшие колени и решительно стал карабкаться из котлована. Буран заметно стихал. Ветер ещё бесился, озлобленный и недовольный, но уже не было у него прежней силы.

Алёша выбрался наверх. Далеко впереди тускло мерцали три небольших огонька.

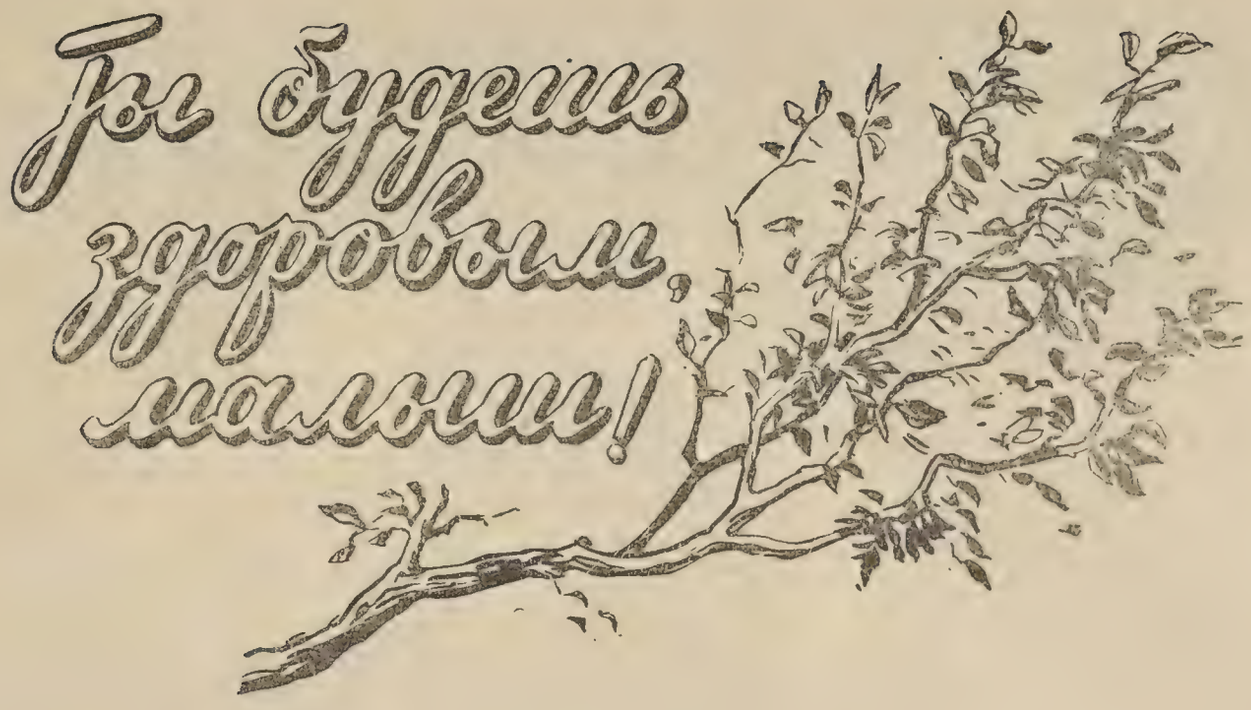
— Эге-ге-гей! — что было силы закричал мальчик и, оступившись, скатился в котлован, больно ударившись лицом о замерзшую глыбу глины.

Когда он снова вскарабкался наверх, три огонька сошлись вместе и медленно двигались к нему.

Через полчаса Алёша сидел в большой колхозной кошёвке, укутанный в тулуп, и прижимался щекой к вздрагивающей материнской руке. Серёжа, сидевший рядом, совал другу свои тёплые мохнатые рукавицы, а сторож Потапыч, сердито понукая лошадей, часто оглядывался на мальчика, хмурил свои косматые брови, качал головой и что-то бормотал себе под нос.

В передней части кошёвки, укутанный тулупом, лежал Рыжик.

Вскоре показались огни села.



МАРК ГРОССМАН

Лёшка сидит на полу, маленький, несчастный мальчишка, и рисует в тощей ученической тетрадке пёстрых хвостатых павлинов, длинноногих сутулых кенгуру и ещё каких-то зверей, которых он сам сочинил.

У этих зверей красивые голубиные головки, львиная грива, а на спине большой гребной винт, как у вертолёта.

Лёшка убил массу труда на своё художество и теперь соображает, кому бы это показать рисунок, потому что все творцы скроены на один лад и жаждут одобрения.

Но дома никого нет, мать на работе, и мальчик, не поворачивая головы, тихонько свистит.

В ту же секунду раздаётся шум крыльев, и на плечо хозяину садится лёгкая белая голубка.

— Вот посмотри, Ватка,— обращается к ней Лёшка,— правда, хорошо нарисовано?

Голубка косит жемчужным глазом, мелко перебирает пёрышки в крыле.

В углу открытой веранды, между постелью и полочкой, на которой горкой сложены Лёшкины книжки, стоит голубиный дом. Это большой фанерный ящик, весь перекрещённый перегородками. Леток у него всегда настежь, дверца тоже. Поэтому шесть голубей, составляющих главный Лёшкин капитал, вольны поступать, как хотят. Они могут клевать пшеницу и коноплю из кормушки или летать во дворе, или даже прогуляться над городом.

Сейчас птицы проголодались и все в сборе.

Дед Михаил входит во двор тихонько, не зная, спит больной или нет.

Мальчик сидит спиной к вошедшему и негромко говорит:

— Иди уж. Я-то вижу, что пришёл.

— Как узнал?— удивлённо басит старик.

— Ну, нетрудно! — снисходительно поясняет мальчик.— Голуби, погляди,— волнуются.

Птицы, и верно, вытягивают шеи и тревожно озираются.

— Ты загони голубей,— просит Лёшка,— а то совсем заленились.

Дед Михаил неохотно берёт палку с тряпкой, машет ею, свистит, поднимая птиц на крыло.

Лёшка задумчиво следит за полётом и думает вслух:

— Знаешь, голуби — как детишки. Смотри: запинаются в воздухе, похлопывают ручишками, планируют.

Потом он кидает взгляд на старика и любопытствует:

— А ты можешь загадку отгадать? Кто два раза родится, а? Не знаешь? Эх ты! Птица это. Один раз, когда яичко снеслось, а потом, когда птенчонок из яйца выбился.

Дед Михаил уже привык к Лёшкиным разговорам. Болезнь приковала мальчишку к постели, он много читает и думает. Конечно, ему очень нужно поделиться с кем-нибудь своими размышлениями. Когда приходят люди, Лёшка торопится высказать всё, что у него скопилось, и от этого разговор кажется отрывочным и малосвязным.

— Ты всегда весёлый должен быть,— замечает он.— А у меня вот тут и вот тут саднит, даже терпеть нельзя.

У Лёшки — множественный туберкулёз. Два года его лечили в детском костно-туберкулёзном санатории возле Ташкента. Вначале бедняга совсем умирал. Он трудно шевелил пальцами опухших рук, сильно болели ноги, позвоночник и даже кожа лица.

Тогда за Лёшку взялся доктор Борис Яковлевич. Это был очень весёлый, очень усатый и очень безжалостный доктор.

— Вот что, парень,— сказал он, свирепо дёргая себя за усы,— пока лежи колодой. Но ты не думай — мне не нужны лежебоки. Я из тебя потом душу-то повытрясу...

Сперва, как и во всякой больнице, Лёшку кормили разными вита-

минами, пичкали мёдом и настоем шиповника. И ещё держали в гипсовой кровати, чтоб не шевелился.

Но главное было не в этом. Главное было — солнце, ветер и даже снег.

— Ты, Лёшка,— не сахарный,— уверял Борис Яковлевич,— и не растаешь, если тебя немножко попрыскает дождичком. Глотай, сколько влезет воздуха, жарься на солнце, нечего тебе лежать в этих противных палатах, где воздухом вашего брата кормят только из форточки. На земле — тьма кислорода, и ужасно глупо не попользоваться этой даровой благодатью. Понял?

Лёшка, конечно, понял, но ничего не ответил — всё у него болело, и отвечать было лень.

Почти весь год мальчик пролежал в саду, и, когда первые снежинки упали ему на лицо, стало хорошо видно, что Лёшка загорел.

Борис Яковлевич приносил к нему лису Таисию и голубей и, раздувая усы, говорил:

— Главное, парень, что-нибудь очень хотеть. Человек, который ничего не хочет,— тьфу! а не человек. Желаешь голубей гонять?

— А то нет! — поражался Лёшка наивности врача.

— Отлично! — подхватывал доктор.— Только ведь для этого руки и ноги нужны. Здоровые. Значит, уговор: ты обещаешь выполнять мои приказы, и я тоже обещаю тебе — ты будешь здоровым, малыш!

Лёшка поздно спохватился, что попал в ловушку. Приказы у доктора были очень строгие и скучные. Мальчишка хотел забрать своё обещание обратно, но доктор обозлился и задвигал усами:

— Закон суров, но это — закон, Ерохин.

И Лёшка Ерохин безропотно стал пить рыбий жир и съедать четыре с половиной тысячи калорий, то есть пять раз в день набивать себе живот котлетами, яблоками и мёдом.

Через год Лёшка уже мог сидеть в кровати.

Однажды Борис Яковлевич пришёл к Лёшке и очень сердито опустился на скамеечку рядом. Мальчишка никак сначала не мог понять, чего он топорщит усы, а потом оказалось: пришло время вытрясать из Лёшки душу.

— Работай! — приказал доктор и стал сгибать и выпрямлять ноги, поднимать руки и надувать щёки воздухом, показывая, как надо работать.

Лёшка попробовал, но получалось плохо и болела спина. Сразу задышал рыбой и откинулся на подушку.

Но Борис Яковлевич был беспощадный доктор, это всем известно. Усы у него поднялись торчком, глаза стали круглые, и мальчик скорей задвигал руками и ногами,— бог с ней — со спиной.

Всё шло очень хорошо,— но как-то врач прибежал страшно не в духе, размахивал руками, будто ему тоже надо было лечиться, и заявил:

— Женщины сведут меня с ума, Лёшка! Что я с ними буду делать?

Ерохину даже стало жалко доктора, и он поинтересовался, о каких женщинах идёт речь?

— О каких?— обозлился врач и ткнул пальцем куда-то в угол сада.

Лёшка посмотрел туда и вздрогнул от радости. Там стояла мама, вытянув худую шею, и пыталась издалека разглядеть сына.

— Ладно, идите уж! — крикнул Борис Яковлевич.

Мама тискала Лёшку, плакала и, как девчонка, сбиваясь и путаясь, благодарила доктора за спасение сына.

— Какое спасение? — злился доктор. — Мы его через год на ноги поставим, а вы увозите.

Из всего этого Лёшка понял, что мама очень соскучилась по нём и теперь везёт домой. Она обещает Борису Яковлевичу делать всё, как он прикажет, только пусть отдаст сына.

— Вы мне ответите, если что случится! — грозился доктор. — Я вас в суд закатаю!

Потом поцеловал Лёшку, пожал руку маме, и голубой автобус потащил их к станции.

Через пять дней они были уже у себя на Урале. Мама вынула все стёкла из веранды, сколотила фанерную голубятню и велела сыну работать вовсю.

Но за дорогу руки и ноги стали очень тяжёлые, и хотелось лежать и ничего не делать.

Тогда мама сказала, что голуби — Лёшкины, и она не намерена за ними ухаживать. И ещё прибавила, что когда люди обещают, то надо выполнять слово. И она не хочет, чтобы доктор «закатал её в суд».

О суде доктор сказал в шутку,— это Ерохин понимал,— но с голубями дело было серьёзное. Не нанимать же няньку для птиц!

Одним словом,— Ерохину приходится теперь очень туго. И птиц корми, и голубятню чисти, и рисунки рисуй. И всё — один!

Выслушав в десятый раз Лёшкину историю, дед Михаил сурово крутит усы и говорит, совсем как доктор:

— Вполплеча работа тяжела, Лёшка. Оба подставишь — легче справишь.

Ерохин вздыхает и, хмурясь, показывает старику свой рисунок:

— Можно лучше нарисовать, только руки у меня деревянные. Ты поменяй, что ли, воду в поилке...

Этот неожиданный переход — мальчишечья хитрость. До миски с водой — руку протянуть, но Лёшке трудно.

— Ты мне голову не морочь! — сердится старик. — Я за тебя выздоравливать не буду!

Тяжко вздыхая и сопя, Лёшка ползёт по мягкому половичку. Сменив воду в поилке, садится около голубятни и говорит, утирая пот:

— Скоро у Ватки голубята выбьются. Яички уже потемнели. Я тебе одного подарю. Хочешь?

— Знамо! От Ватки каждому голубёнка охота.

Лёшка явно польщён. Он хорошо знает, что взрослые не часто хвалят птиц у мальчишек.

— Только я не возьму,— вдруг заявляет дед Михаил.

— Это почему? — настораживается мальчик.

—У Ватки породистые голубята, их крепко обгонять надо. А у меня времени нет. Испортятся они у меня.

Лёшка иронически улыбается:

— А как я гонять буду? Вот на этих палках?

Он тыкает пальцем в ногу и отворачивается.

— Отчего же — палки? Это хорошие ноги. Только они у тебя немного подпортились. Не будешь лентяем — через месяц пойдёшь.

— Это сказка о белой вороне.

— Не сказка. И белые вороны есть.

— Ну?! — удивляется Лёшка,

сразу забыв о споре.— Расскажи! Какие это белые вороны?

— Ладно, расскажу. Иди в постель.

Наблюдая, как мальчик, пыхтя, взбирается на кровать, старик думает: «Ничего, ты будешь здоровым, малыш! Только не вешай носа!».

— Давай белую ворону! — требует Лёшка, откинувшись на подушку.

Дед Михаил рассказывает о белых воробьях и галках и даже о белой фазанихе, о которой он вычитал в журнале «Природа».

— Конечно,— говорит он мальчику,— это редко бывает, как всё равно снег летом, а случается.

— Ворону, ворону белую давай!— ёжится от нетерпения Лёшка.

Дед Михаил садится на краешек кровати, поджигает табак в трубке и согласно кивает головой:

— Лет, видно, сто пятьдесят назад в Переяславле-Рязанском,— так тогда называли Рязань,— поймали мальчишки чудо-птицу. И башка воронья, и тулово, и лапы — все до последней запятой воронье. Одно только навыворот: цвет. Белая была ворона, как молоко. Пошла по земле быстрая молва о птице, достигла царского дворца. А Пётр Великий,— знать надо,— был отчаянный охотник до редкостей.

И вот уже поскакал в Переяславль солдат Преображенского полка, в шапке — указ царя: доставить ему небыль эту.

Получил военный начальник в Переяславле, полковник Кривцовский, указ Петра и перепугался: «А ну, как не устережёт солдат в обратной дороге белую ворону?» И дал

в помощь тому солдату ещё солдата своего.

— Вот вам, ребята, клетка, вот — подвода, а вот — мясо баранье. Не вам мясо — птице. Езжайте с богом!

Едут солдаты и трясутся, путь неблизкий — двести вёрст. Пока один спит, другой караулит, чтоб вороне в пути какой гибели не учинилось.

— И довезли? — торопится Лёшка.

— Довезли. С тех пор она всегда над столом царя на палочке сидела. И даже — слух был — говорить научилась...

Дед Михаил испытующе смотрит на мальчишку.

Лёшка вздыхает:

— Вот бы мне хоть раз такую ворону увидеть. Только — нет. Ничего я не увижу.

Старик сердится:

— Ты про Павлика Морозова читал?

— Ага.

— Хороший человек?

— Ага. Крепкий.

— А ты — нытик, Лёшка.

— Это почему же я — нытик? — хмурится мальчик, не ожидавший подвоха.

Дед Михаил молча курит трубку.

— Нет, ты скажи!

— Я тебе хоть раз врал? — не отвечая, говорит старик.— Нет? Ну, вот. И сейчас не вру. Ты ещё много чего в жизни увидишь. Только хотеть надо. А ты не хочешь.

— Не хочу-у!—иронически морщится мальчик.

— Хотеть — значит, делать. Вот что я тебе скажу, парень. Маши руками и ногами. Вот тогда...

Дед Михаил умолкает и снова принимается за трубку.

— Что ж — тогда?

— В лес вместе пойдём — грибы брать, на ворон глядеть. Может, и белая попадётся.

Лёшка не отвечает.

— Отчего не спросишь: как это — грибы брать?

— А как? — вяло справляется мальчик.

— Ох, интересно, Лёшка! — зажигается старик.— В лесах и местечка такого нет, где бы гриб не работал. Он и деревьям помогает расти, и цветам, и травам. Вот какой работяга!

Мальчик немного оживляется:

— Грибной суп — вкусный. Я люблю.

— Ну, вот и добре. Как полиюня минет, мы с тобой — в лес. И белых наберём, и осиновиков, и лисичек, и паутинников. И на земле будем брать, и на деревьях...

Лёшку не очень увлекают грибы. Он никогда не видел леса, и слова старика не вызывают в его памяти ничего живого.

Дед Михаил меняет разговор.

— Ты заметил, что птицы поразному летают?

— А то нет! — быстро откликается Лёшка.— У каждой птицы своя взмашка.

— Это как?

— Крылья у птиц разные,— поясняет мальчик,— и летают неодинаково. Это ты и сам знаешь. А ещё бывает: одна и та же птица, а летает то так, то так.

Заметив во дворе кошку, во все ноги улепётывающую от собаки, Лёшка поясняет свою мысль:

— Вот видишь, и кошка неодинаково ходит. То шажком, то бегом, а то и вприпрыжку. И сидеть может. Так и птицы. В гости летит — бежит, гуляет — чуть крылом машет, а то и совсем отдыхает в воздухе.

У Лёшки — острый глаз. И мыслям своим он находит необычные слова и фразы. Этому его, может быть, научила болезнь, и оттого он кажется старше своих восьми лет.

Трясун взлетел на кровать больного и спокойно ходит в Лёшкиных ногах. Мальчик любовно оглядывает птицу и говорит:

— Надулся пузырём, да так и ходит. А маленький был совсем заморыш. Я его вынянчил и выберёг. А то помер бы.

Забиячливый и встрёпанный Ёжик сейчас же ввязался в драку с трясуном.

— Эх ты, безобраза!— ругается Лёшка на Ёжика, пытаясь разогнать голубей.— У тебя скоро дети будут, а ты вон какой нечёса!

Наконец, голуби разлетаются в разные стороны, и Ёжик начинает вертеться около молодой голубки Катеньки.

— Влизался к ней в друзья,— усмехается Лёшка.— Это такой влаза, кого хочешь обовьёт!

— Разболтались они у тебя маленько, Алексей,— задумчиво говорит старик.— Порядку мало.

— Это верно, — соглашается больной.— Погоди, я скоро выздоровлю, тогда живо порядок наведу!

Дед Михаил весело хвалит Лёшку:

— Вот это верно, парень! Непременно выздоравливай!

Старик уходит.

Посидев немного без движений, Лёшка морщит лоб, нерешительно вытягивает руки, затем прижимает их к груди. Вытягивает и прижимает. Раз за разом. Много раз.

Потом ложится на спину, сгибает и выпрямляет ноги.

«Нытик,— обиженно думает он, стараясь глубже дышать.— Вот я вам всем покажу, какой нытик».

Увлечённый своими мыслями, Лёшка не замечает, как во двор входят ребята, или, как они себя называют,— юнги. Услышав голоса во дворе, мальчик мгновенно вытягивается на кровати, закрывает глаза и начинает похрапывать.

— Спит малыш, — говорит Витька Голендухин и подмигивает Пашке.

— Не малыш, — возражает Пашка.— Он человек с понятием. Вот посмотришь, Лёшка через месяц пойдёт. Это уж ты мне поверь.

— Это почему же он пойдёт?

— Волевой очень парень, — поясняет Пашка.— Мозговая голова у него.

Юнги принимаются за дело. Они подметают двор, подрезают ветки на яблоне, поливают грядку.

Лёшка, приоткрыв один глаз щёлкой, наблюдает за ними и злится.

«Никто их не просит возиться в моём дворе,— думает он.— Может, я сам скоро всё делать буду».

Но тут же он захлопывает глаз и начинает посапывать — рядом останавливается Вовка Карякин.

— Паш, а в голубятне прибирать?— справляется он.

— Экой ты недогада!— хмурится ватажный атаман.— У Лёшки свои руки и ноги есть. Сам справится.

— Верно,— соглашается Вовка.— Только не раскиселился бы. Всё же малыш, несмышлёный ещё.

Лёшка распахивает глаза и, красный от возмущения, говорит Карякину:

— Ты, Вовка, всегда языком вертишь. Не соображаешь, что говоришь.

Вовка почему-то не обижается.

— А мы на Ватку посмотреть пришли. Покажешь?— скалит он зубы.

Лёшка сразу меняет тон:

— А то нет? Покажу.

Юнги спешат к постели больного.

— Мы тебе поможем,— говорит Витька Голендухин, и друзья подхватывают больного с обеих сторон.

Заметив, что Лёшка хочет опуститься на четвереньки, Пашка советует:

— Попробуй-ка, Ерохин, пройтись маленько. Я же вижу: — ноги у тебя почти вовсе здоровые.

Лёшка, стараясь не морщиться, деревянно переставляет ноги. Ему кажется, что в пятках у него торчит битое стекло. Но он напрягает мускулы лица, чтобы не морщиться, и громко сообщает Киму:

— Голубям сейчас извёстка и камешки вот как нужны! Для яиц. Я много набрал. Вон погляди в коробочке.

Юнги останавливаются, чтоб больной отдохнул.

Пашка рассматривает содержимое железной коробочки и восклицает:

— Толково, Ерохин!

Пашка не часто хвалит своих юнг, и больной мгновенно решает использовать благоприятную обстановку.

— А вы меня в юнги примете?— сдерживая дыхание, спрашивает он.

Атаман переглядывается с мальчишками.

— Какое будет мнение?

Руки морских орлов, как по команде, тянутся к затылкам.

— Кто же его знает?— вслух соображает Голендухин.— Нездоров он пока.

— Ну так что ж, что нездоров! Ну так что ж!— чуть не плача, кричит Лёшка.— Я скоро выздоровлю, вот увидите!

— Можешь поклясться на крови?— сурово интересуется Вовка.

— Ну да, могу!— торопится больной.— А как это?

Карякин достаёт из фуражки булавку и протягивает её Лёшке:

— Уколи палец и говори: «Клянусь вам, Главный Совет, что буду здоровый».

Лёшка делает всё, как велят.

— Считай, что ты — уже юнга, — торжественно сообщает Пашка.

Юнги доводят Лёшку до голубятни. Карякин достаёт яйца из-под Ватки и рассматривает их на свет.

— Эх, и голубята будут!— восклицает он с неподдельным восторгом.— Хоть бы одного мне такого!

— А я тебе подарю,— великодушно сообщает Лёшка.

— Таки выегозил гостинец! — сердится Пашка. — Ведь он голубёнка деду Михаилу обещал.

— А ты откуда знаешь?— подозрительно взглядывает на него Лёшка.

— Баста!— не отвечая на вопрос, командует тот.— Всё надо в меру делать. Лежи.

Юнги прощаются и исчезают со двора.

Идут дни, и Лёшка прямо измучился от своей тяжёлой работы. А что сделаешь? Голубята у Ватки уже пером покрылись. Скоро гонять надо. Дед Михаил говорил — без обгонки испортится птица. И ещё юнгам разведчик нужен. Вовка Карякин ногу вывихнул, теперь без Лёшки не обойтись. И ещё — июнь близко. В лес с дедом Михаилом идти обещался.

«Доктору тоже обещался и клятву на крови давал,— вспоминает Лёшка.— Трудно, а надо слово держать. Павлику Морозову потруднее было, да и то не струсил...»

Голубята растут не по дням, а по часам. Белопёрые, кругленькие, они очень похожи на Ватку и Ёжика, и Лёшка ждёт не дождётся, когда они выйдут из гнезда.

Кончилось пролетье, наступил июнь. Наконец голубята впервые поднимаются на крыло. Они делают два кривых круга над двором и плюхаются на земле.

Лёшка жаркими глазами наблюдает за белоснежными птицами и, вспомнив советы деда Михаила, решает как следует обгонять голубей.

Он сползает с кровати, становится на четвереньки и семенит на середину двора.

Сегодня воскресенье, и мать дома. Волнуясь, она наблюдает из комнаты за сыном, руки у неё дрожат.

Сопя, и упрямо сдвинув брови, Лёшка ползёт по траве туда, где сидят взлётки. Он шипит, потом кричит на них, но глупые пичуги только отходят подальше и не хотят подниматься в воздух.

Тогда возбуждённый Лёшка отрывает руки от земли, резко встаёт на ноги и, покачиваясь, трудно шагает вперёд. Жилы у него на висках бьются быстро-быстро, сразу пересыхает в горле.

Вспугнув голубят, он тут же садится на землю и, обливаясь потом, весело смеётся.

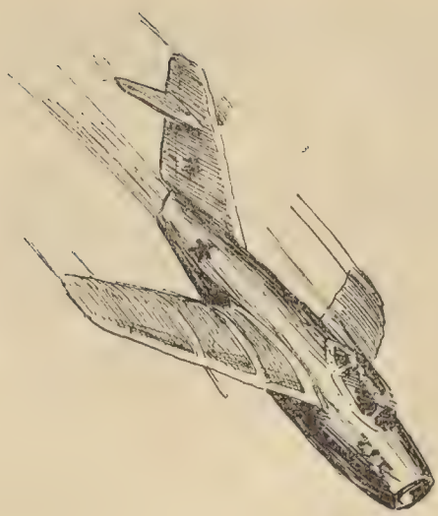
Мать, прижав пылающее лицо к окну, стирает слёзы со щёк и тоже смеётся.

Отдохнув, Лёшка встаёт и снова делает несколько шагов.

А на улице, прижав носы к щёлкам ворот, теснятся юнги, весело перекидываются междометиями и тихонько улыбаются.

К ним подходит дед Михаил, тоже прилипает носом к щёлке и молча наблюдает за Лёшкой.

— Ну, вот и хорошо, внучек,— бормочет он, покусывая свои усы точь-в-точь, как это делал беспощадный доктор Борис Яковлевич.— Я же говорил — ты будешь здоровым, малыш!



Змей

САМУИЛ ГЕРШУНИ

Я умею
Делать змея,
Тут секрет, ребята, прост...
Вперекрест
Приладить планки,
Из мочала сделать хвост,
Прикрепить к бумаге клеем —
И гордиться можно змеем!

Я стою в кругу ребят,
И в моей руке шпагат.
Натянулся он струной,
Аж звенит...
А надо мной,
Выше школы трехэтажной
Мой двухвостый змей бумажный,
То качнётся,
То плывёт,
Словно в небе вертолёт.

Я умею
Делать змея!
Кончу школу, день придёт,—
Вместо змея,
Я сумею
Сделать чудо-самолёт!

НА ПОСТУ

ОЛЬГА МАРКОВА

Вовка Воронов и Димка Лебедев возвращались домой. Ночь была холодноватая, крепкая; знакомые дома чуть выделялись, огораживая дорогу, да новые строения белели свежими брёвнами.

У семенного склада тускло, как лампада, горел фонарь, привешенный к стене. Здесь ребята всегда задерживались, присаживались на завалину к сторожу — бывшему пастуху, Емельяну Тарасову, рассказывали ему о школе, об отряде, о лекциях в хате-лаборатории.

Емельян в свою очередь сообщал ребятам, каким хорошим пастухом он был всю жизнь, однако нынче людям всё требуется новое, никак не успокоятся, и каждый раз спрашивал о Пальке, старшем брате Вовки.

— Ведь молодой: чего пастухом остался? Молодым все дороги открыты, можно и инженером быть, а он — пастух... Инженером... лавуреатом... одним словом, чтобы и константировать и всё прочее...

— Это на каком наречии ты говоришь, дядя Емельян? — спросил Вовка.

— Рази упомнишь, на каком,— ухмылялся старик. — На всех балакаю. Я скрозь все языки прошел.

— А на немецком говоришь?

— Кто его знает... может, и говорю... С татарами говорил, с мордвой говорил, с хохлами, кажи, балакал... Попадись немец — и с немцем поговорим.

Болтал старик много и охотно.

То вдруг спросит:

— И почему это тыква на тонкой веточке растёт, а орехи — на большом дереве? Не знаете? Ах, вы! Да ведь с дерева-то тыква сорвётся, доходу колхозу не будет,— тут всё давно ещё предусмотрено.

И вдруг умолкал, прислушивался. Лицо его добрело, смягчалось, он сообщал таинственно:

— Гуси прокричали, значит, весна близко...

Дорога к складу, днём раскисшая, как тесто, развороченная множеством колёс и копыт, покрылась чёрной талой водой. Грязь к вечеру подёрнулась рябой изморозью и казалась под фонарём серебристой зыбью, под ногами хрустела, как битое стекло, но сторож на этот раз не услышал шагов ребят.

Завернувшись в овчинный тулуп, спрятав голову в огромный мохнатый воротник, Емельян сложил руки в широкие рукава и спал.

Ружьё его стояло рядом, у крыльца. Ребята остановились, окликнули сторожа. Тот не шевельнулся, дышал спокойно и глубоко, с удовольствием отдыхавшего человека.

Пошептавшись, мальчики взяли ружьё и, оглядываясь, направились к конторе правления колхоза. Ружьё несли поочередно, чтобы ни у кого не было обиды. Оба подтянулись, старались держать равнение, чеканили шаг.

— Интересно, заряжено оно или нет? — спросил Димка.

— В строю не разговаривать! — приказал Вовка и ещё шире расправил плечи, выше поднял голову. Им навстречу шёл обычный ночной шум: лаяла собака, скрипнула калитка, от клуба неслись песни девчат; видимо, только что кончилась картина.

Димка, вновь нарушая строй, произнёс:

— Весело у нас будет, когда новые дома заселят! Как в городе... А что ты думаешь? Обойди сейчас старый посёлок с новым, сколько времени потратишь? Богатеет наш колхоз...

На этот раз Вовка не оборвал товарища, хоть сам и шёл солдатским строевым шагом.

— Колхоз-то богатеет, да богатство не все умеют беречь. Вот дядя Емельян на карауле спит... А ведь в складе-то семена пшеницы лежат.

Илья Назарович уже собирался уходить, когда школьники чинно вошли в правление. Встав по стойке «смирно», вместе заговорили:

— Дяденька Илья, если солдат на фронте, на посту, уснёт...

— Он хороший солдат или нет?

Переведя усталый взгляд с одного лица на другое, Уваров медленно ответил:

— Плохой солдат...

— А для чего вы ружья даёте нашим сторожам?

— Мало ль что? — развёл руками председатель. — Вдруг пожар, они выстрелами людей поднимут... Может, и лихой человек подойдёт к нашему добру...

— Ага!— ребята переглянулись.

— Да вы что знаете? Откуда у вас ружьё?

Когда мальчики рассказали всё, Илья Назарович заволновался, быстро застегнул уже надетое пальто и, взяв ружьё, потребовал:— А ну, пошли до склада!..

И вновь ребята бежали тёмной улицей. Снова одни срубы белели, как груды всё ещё не растаявшего снега. В весеннем морозном воздухе пахло сосной. Председатель шагал крупно. Забежав несколько вперёд, Вовка попросил:

— Дяденька Илья, дайте мы ружьё понесём...

— А палить не будете?

— Не-ет, что вы!

— Без надобности разве можно,— в голос ответили школьники.

— Ну ладно,—строго, почти сурово согласился председатель,— берите ружьё, солдаты.

Ребята не видели в темноте, как широко и ласково он улыбнулся.

Сторожа они нашли в том же положении. Только теперь он слегка всхрапывал.

Уваров потряс его за плечо:

— Хорошие ли сны видишь, Емельян Петрович?

Тот вскочил и начал шарить у крыльца руками, отыскивая ружьё.

— Далеко ваши шаги слышны! Как весной воздух очищается, страсть далеко всё слышно...

— Неверно ты говоришь, дядя Емельян! Ты часа два спишь, даже ружьё проспал! — волнуясь от возмущения, возразил Вовка.

Хитренькие узкие щёлочки-глаза впились в лицо мальчика. Губы старика шевельнулись. Казалось, он хочет сказать что-то гневное, однако его перебил председатель:

— Ну, вот что, Емельян Петрович! С караула я тебя снимаю. Вы, ребятки, покараульте до сменки, я даже ружьё вам доверю. Молодцы, настоящие солдаты. Смотрите как

следует: здесь, в складе, знаете, какое богатство? Берегите его.

Взрослые ушли. Школьники долго слышали их шаги по гулкой подмёрзшей дороге — отчётливые и сильные — Ильи Назаровича и шаркающие, запинающиеся — Емельяна.

Вовка стоял, держа ружьё, вытянувшись, как на часах. Димка сидел, завернувшись в тулуп, оставленный Емельяном. Рука Вовки замёрзла от ружья, да и ноги, обутые в сапоги, начал пощипывать мороз. Однако он стоял, не меняя положения, оцепенев в строгой стойке часового.

«Дома, наверное, меня потеряли»,— беспокоила его мысль.

Тёмное небо было усеяно звёздами. Казалось, они все приближаются к земле, загораются ярче, дружелюбно подмигивают ребятам.

Димка спросил неожиданно:

— Ты замёрз, Вовка?

— Нет, что ты!— поспешно отозвался тот и поёжился.

— Теперь мой черёд с ружьём стоять,— потребовал Димка, освобождаясь от тулупа.

Скоро ребят сменила пионер-вожатая Фрося Горячева.

— Крепок ли караул?!— кричала она им ещё издалека.

Натягивая на себя тулуп, смеялась:

— Один с ружьём «ура» кричит, другой — «спасите!»

По пути к дому мальчики молчали. Обоим хотелось скорее попасть в тепло и лечь спать.

Вовку дома тепло не ждало. Взрослые находились на строительстве электростанции, на печи сидела

бабушка Таисья. Одно из окон было в этот день разбито младшей сестрёнкой Настей и заткнуто подушкой. В избе ходил ветер.

Бабушка ворчала:

— Мужиков полон дом, а стекло починить некому... Стекло есть в чулане, да ведь как его отрезать?— горевала она.— К утру всё тепло выйдет. Сходил бы ты, Вовка, к Емельяну Петровичу: один он в колхозе стекольщик. Может, придёт — вставит, не поздно ещё.

Вовка хмуро рассказал ей, что произошло.

— Не пойдёт дядя Емельян к нам...

— Как же не пойдёт?— удивилась старуха и повторила:— Один он стекольщик в колхозе...

С тяжёлым сердцем шёл Вовка той же дорогой к дому Емельяна. Около склада услышал весёлый окрик:

— Кто идёт?

— Свой!— солидно ответил он.

Но Фрося не пропустила его мимо без расспроса, куда он идёт и зачем. И когда Вовка доложил всё, рассмеялась.

— Иди, иди... Емельян Петрович тебя ласково встретит! В прошлом году ваш Палька ему удружил, со стадом разлучил, теперь ты... Он теперь вашему дому по гроб жизни друг!

Вовка, мрачно насупившись, зашагал дальше, понимая, что дядя Емельян, конечно, не пойдёт, только поднимет его на смех.

Почти так и случилось. Емельян Тарасов встретил его злобно. Усы его, порыжелые от куренья, топорщились, редкая седая борода вздрагивала, когда кричал:

— Доткнулся до меня? Вот как человека-то обижать! Мальчишка, а над стариком шутки шутить вздумал! Другой бы, умный человек, видит, что старик поспать хочет, прошёл бы тихонечко мимо, знаку бы не подал! Для чего у нас караулить? Кто украдёт? Нет таких дураков, чтобы из своего кармана воровали! И сегодня бы прошло всё тихо-гладко, если бы вас тут чёрт не носил... молокососы!

Вот тут бы и смолчать Вовке, не возражать расходившемуся старику, а потом вновь смиренно попросить пойти вставить в доме стекло. Но Вовка запальчиво возразил:

— Ты говоришь, что никто из своего кармана не украдёт, а завхоз Корпеев за что в тюрьму сел? За обман колхоза?.. А ты... Хоть я и молокосос, а знаю, что на посту спать нельзя! Трудодни, небось, за караул получаешь, дядя Емельян! А вдруг пожар или лихой человек?

Старик не дал ему договорить.

— Убирайся, откуда пришёл! Осрамил меня на весь район, да ко мне и идёт! Да ведь меня завтра из-за тебя в газетке пропечатают! Тебе с ружьём постоять захотелось, а мне — позор... Да я, может, больше всех на посту стою, всю жизнь на посту, да на том, что меня никто не обманет! Всё я вижу, всё знаю...

В обратный путь Вовка брёл медленно, раздумывая над тем, правильно ли он поступил с Емельяном Петровичем. Он не понимал, о ка-

ком посте говорил старик, однако почувствовал себя неуверенно и тревожно.

Вновь, не дойдя до склада, услышал он весёлый окрик Фроси:

— Кто идёт?

И так же, как недавно, мрачно ответил:

— Свои...

— Ну, что? Я знала — не пойдёт Тарасов... Теперь до утра стужу в избе карауль! А хорошие заморозки нынче, как в ноябре! Да окно-то лучше заткни, чтобы бабушка не простыла... Она как? Очень ругается?

— Нет. Говорит, мужиков полон дом, а по хозяйству надеяться не на кого...

— Ишь, ведь... Мужиков много... да ведь все, небось, на строительстве... Ну вот, сойду я с караула, всё сделаю... Потерпите...

— Ты сделай одно, Фрося...— горячо зашептал Вовка:— Ты уговори председателя, чтобы Емельяна Петровича не снимали... вот что надо сделать, и в газету бы не пропечатывали. Сделай так, Фрося!

В голосе мальчика послышались слёзы.

— Ну, хорошо, иди... Всё будет хорошо... Никто старика не обидит!— пообещала девушка.

— Твёрдое слово?

— Твёрдое...

Вовка направился дальше. Кое-где над домами заструился розовый дым из труб. Под тонким слоем льда в кольях застыли воздушные пузырьки. Крыши домов и тропки покрылись холодным матовым налётом.

Дома Вовка забился на печь под шубу. Старая Таисья тщательно заткнула разбитое стекло подушкой и улеглась на кровать. Однако ей было холодно: Вовка слышал, как она долго ворочалась и вздыхала.

Когда мальчик обогрелся и начал засыпать, в калитку дома постучали.

Бабка немедленно поднялась и вышла. Вернулась в избу не одна.

Весело приглашая кого-то пройти вперёд, она зажгла лампу.

Вовка, приподняв от глаз шубу, увидел у окна дядю Емельяна. Стекольщик доставал из пролома в стекле подушку.

Огонь в лампе вздрогнул, затрепыхался. Бабушка сказала:

— Уж когда электричество снова загорится?! Отвыкли мы от лампы.

Пока она выходила в чулан за стеклом, Емельян ножом снимал из пазов оставшуюся замазку. Так же молча разрезал потом разостланное на столе стекло, вставил его в раму, замазал свежей замазкой. Таисья, не переставая, говорила:

— Кипит у тебя дело в руках, Емельян Петрович. Так молодому не сработать, как ты. А ведь человек-то уж в годах.

— Кто знает смолоду, как заря встаёт, тот на старость жаловаться не будет.

— Спасибо, не оставил... А я знала, что придёшь!.. Вовка говорит, не придёт, а я думаю про себя: быть не может.

— Вот и пришёл...— глухо произнёс старик. — Не мог не прийти. А Палька-то у вас где?

— Всё на строительстве.

— Как он нынче — пастухом будет или как?

Таисья приосанилась:

— Да как? Начал поднимать дело, так отступать нельзя...

— Да-а-а... — протянул Емельян.— А я вот не верил ему. Сторожем напросился... А что сторож? Сиди и сиди. Сижу, вместо чучела, ворон пугаю, людей смешу. Тоска возьмёт. Буду у него обратно стучаться... Теперь станцию большую поставят, доить электричеством можно... Вот ведь как дело-то обернулось.

Взглянув на тёмные безликие иконы в углу, чуть заметно улыбнулся:

— Бог-то у тебя зажился... Он теперь у старух только и живёт... Ты вон тоже стала седая, как соль...

Он собрал обрезки стекла, отложив их в сторону на столе.

— Убери, чтобы ребята не поранились... Они, ребята-то...— старик вдруг добродушно улыбнулся, мельком взглянул на печь.— Они хорошо у нас растут в колхозе. Детство-то не как у нас теперь... Не снегом сыто... Ребята дельные. Что ты скажешь? Твой-то меньшой уголёк — и меня сегодня обжёг... Осердился я крепко. Сердцу, ровно, и укороту нет... Как же, неприятности большие, завтра на улицу не покажись, засмеют... Одна пионервожатая Фроська Горячева спасу не даст! Посмеяться у нас не пропустят... Да кабы зря... А то ведь заслужил... Ничего не скажешь: заслужил. Вот так они нас, молодые-то, жить и учат. С молоду — на посту. Глаза у них чистые, как у весны.

Уходя, он уже открыто посмотрел на печь. Увидев, что Вовка выглядывает из-под шубы, с усмешкой погрозил пальцем.

И долго ещё не мог уснуть в эту ночь Вовка, улыбался в темноте, словно только что пережил большую радость и не желал терять её во сне.

Саня и Шура

ОЛЬГА ЗАГАРСКАЯ

Шурка проснулся оттого, что хлопнула дверь. Он поднял голову. В комнате никого не было. Шурка мгновенно вскочил с дивана, на котором была его постель, и стал торопливо натягивать брюки. «Опоздал! — пронеслось в голове, но тут же вспомнил:— Ох, я болван! Да сегодня же первый день каникул!»

Он снял брюки, повесил их на спинку стула и забился под одеяло. Поворочался, удобно устроился на правом боку и закрыл глаза. Но спать уже расхотелось.

Вот так же бывало в воскресенье. Ждёшь его, чтобы утром подольше поспать, но привычка берёт верх — в семь часов сна как не бывало.

Сквозь промёрзшие стёкла окон пробился первый луч солнца. Он упёрся в стену около дивана, и на ней появился красноватый четырёхугольник. Постепенно он светлел и спускался ниже. Вот уже зазолотились ворсинки Шуркиного одеяла.

Пора вставать.

Натянув на босые ноги ботинки, Шурка подошёл к окну и отдёрнул занавески. Снег блестел так, что глазам больно.

— Ох и денёчек! Меня сегодня в дом не заманишь,— забывая, что он в комнате один, сообщил мальчик.

Потом он включил радио и наскоро «зарядился». Ухватив из оставленного матерью завтрака только кусок хлеба, Шурка поспешил на улицу.

Погода и на самом деле была чудесная. Мальчик стоял на крыльце, широко расставив ноги и заломив на затылок ушастую мохнатую шапку. На его широком курносом лице сияла улыбка.

— Кр-расота-а! — Хотелось выкинуть сейчас что-нибудь такое: прыгнуть с крыльца в сугроб или закричать «по-тарзаньему» громко, чтобы, слышно было на соседней улице, где живёт его дружок Петя Сомов.

Но Шурка не сделал ни того, ни другого. Вспомнив про Петю, он насупился и тихо сошёл с крыльца. Вчера они с Петькой поссорились на всю жизнь.

Да, именно так и сказал ему Шурка. И правильно сделал. А то что же получается? Оба кидались снежками, попал в окно Петя, а как выбежали хозяева, виновником оказался один Шурка. Пети и след простыл. Да ещё потом дразнился:

— Дуракам всегда достаётся...

Хорош товарищ! У Шурки вконец испортилось настроение и пропал всякий интерес к улице. «Пойду, почитаю». Он направился домой.

Но тут у ворот раздалось громкое «Тпр-у-у» и послышался разговор. Во двор въехали гружёные домашним скарбом сани, за ними ещё одни. Около первых шёл высокий, солидный мужчина. Он был в галошах, добротном пальто с серым каракулевым воротником и серой же папахе, и вожжи в его руках выглядели нелепо. Около вторых саней шёл человек поменьше в жёлтой борчатке и шапке-ушанке.

Высокий обернулся и крикнул:

— Беги, Сань, открывай квартиру!

Шурка чуть не подпрыгнул от радости. Он столько мечтал о том, чтобы во флигель, из которого недавно выехали Савины, поселилась семья с ребятами его возраста! А то двор был каким-то взрослым: пять семей, а детей — он один.

А теперь — Саня, тёзка... «Ему, наверное, столько же лет, сколько и мне»,— подумал Шурка, наблюдая, как человечек в борчатке возится с ключом.

В калитке показалась женщина с настольной лампой в руках. Мужчина, закрывая ворота, сказал ей:

— Саня не может дверь открыть, помоги ей.

„Ей? Она?“ — чуть было не вслух повторил разочарованный Шурка и хлопнул дверью сеней...

Проснувшись на следующее утро, Шурка подумал: «Теперь даже во двор не выйдешь,— торчит где-нибудь эта девчонка».

Встав, он подошёл к окну, поднял

уголок занавески и посмотрел во двор. Там никого не было. «И то хорошо! Пока её нет, пойду-ка я на улицу».

Он взял лопату, метлу (мать велела расчистить дорожку) и вышел на крыльцо. Девочка была на дворе. Просто Шурка не заметил её за большим сугробом. И делала она то же, что собирался делать он. За ночь белый и пышный, как вата, снег покрыл весь двор. Шура принялся за работу.

Орудуя лопатой, он нет-нет, да и поглядывал в сторону соседки, а та не обращала на него никакого внимания. Это раздражало. Шурка снял рукавицы, слепил большой и крепкий снежок и со всего размаху залепил ей в спину.

«Сейчас заревёт»,— со злорадством и некоторым испугом подумал он. Но девочка оглянулась в его сторону, быстро нагнулась, и метко пущенный ею снежок залепил Шурке глаза. Ах, так! И ответный снежок полетел в сторону девочки. Но она исчезла за сугробом. Шурка пополз, он решил застать врага врасплох. На одном из поворотов дорожки, выглянув из-за сугроба, он чуть не стукнулся лбом о голову Сани. В серых, опушённых коротенькими чёрными ресницами глазах девочки плясали искорки смеха.

Шурка мгновенно выпрямился. Саня — тоже. Молчаливо оглядели друг друга.

На ней был вчерашний полушубок, который так обманул Шурку. Такого же роста, как и он, смуглолицая, с мелкими завитками чёрных кудрявых волос, выбившихся из-под шапки, она с простодушным интересом рассматривала Шурку.

Он почему-то покраснел, но сей-

час же постарался скорчить презрительную гримасу и, повернувшись на одной ножке, двинулся к своему крыльцу.

Дома он взялся за книгу, но глядел в неё и ничего не видел: было уж очень любопытно, что делает эта девчонка?

А Саня успела сбегать за лыжами и теперь воображала себя, видимо, в горах, преодолевая кручи высоких сугробов. Но вот она скинула лыжи, взяла лопату, вырезала большой кусок крепкого, слежавшегося снега и понесла его в дальний угол двора. «Наверное, горку собирается делать,— подумал Шурка.— А может, крепость строит?» Он не утерпел и стал снова собираться на улицу.

На крыльце немного постоял в нерешительности. Саня, поглощённая работой, не заметила его. Тогда он сам подошёл к ней:

— Давай я лучше санки принесу. На них сразу по два куска можно возить.

— Вот хорошо! А то я свои оставила на старой квартире.

Шурка мигом слетал домой.

К обеду трёхметровая стена крепости с двумя бойницами была готова. Внутри её лежала груда крепких обкатанных снежков.

— Я, чур, буду комендантом крепости, — поторопилась заявить Саня.

— Почему это ты? — У Шурки ярче выступили веснушки на переносице.

— Я первая начала строить.

— Тебе бы без меня не построить.

— Вот ещё!

Они чуть не поссорились.

— Знаешь, что я придумала? Воевать вдвоём неинтересно. Давай лучше строить дом. А?

В это время раздалось:

— Шура! Обедать!

— Ладно. После обеда выходи,— на ходу бросил Шурка.

За столом мать ворчала:

— И куда ты спешишь — глотаешь целые куски. Подавишься, смотри.

Постройка снежного дома затянулась на несколько дней. Работа была увлекательной. Ребята находили всё новое и новое дело: внутри понастроили мебель и полили её водой — для прочности. Снаружи украсили ветками сосны (за ней специально ходили в лес на лыжах), а потом пришла мысль вылепить животных и людей.

Шурка очень удивился, когда мать в один из вечеров сказала:

— Собери портфель-то хоть. А то завтра утром заскачешь.

Он и не заметил, как пролетели каникулы...

Школа гудела, как улей. В пятом «В», где учился Шурка, было также шумно. Шурка сразу увидел Петю. Тот стоял в кругу товарищей и что-то оживлённо рассказывал. Заметив вошедшего, ребята толкнули Петю в бок и рассмеялись. «Надо мной. Петька видел меня с Саней»,— мелькнуло у Шурки.

Прозвенел звонок. Все сели на свои места. Петя, который всегда сидел за одной партой с Шуркой, оказался рядом с Севой Ивановым.

«Думает, заплачу».

В класс вошёл учитель. А с ним — Саня.

Учащиеся поднялись, приветствуя классного руководителя.

— Здравствуйте, — приглашая садиться, сказал учитель, затем кивнул в сторону Сани:— Это наша новая ученица Саша Сабурова. Садись, Сабурова, вот на это свободное место...

«Это свободное место» было за партой Шурки. Как только Саня села, сзади кто-то произнёс с ехидцей: «Подходяще», и в ответ раздался глухой смешок. Шурка узнал голос Пети, покраснел и потихоньку отодвинулся от Сани на край скамьи. А как только прозвенел звонок на перемену, он выскочил из класса. И потом вёл себя так, будто совершенно не был знаком с Саней.

После уроков на улице он первый начал пушить девочек снежками и метился главным образом в Саню.

«Ну, погоди ты... ну, погоди ж ты»,— с каким-то злорадством повторял он про себя, скатывая очередной снежок. Сейчас-то уж он попадёт... Ж-жить! — снежок расплющился о шапку проходящего мужчины.

Ребята бросились в рассыпную. Шурка как будто пристыл к месту. Рассерженный прохожий схватил мальчика за рукав.

— Ты что же это делаешь! Нашёл место, где кидаться, хулиган этакий! Вот сведу к милиционеру...

— Дядя, вы извините, пожалуйста, нас...— раздалось позади прохожего.— Мы ж невзначай. Наверное, и вы когда-нибудь так же...— Саня смущённо замолчала.

Прохожий сердито посмотрел на девочку и вдруг рассмеялся:

— А ведь было, дочка, было.— И он отпустил Шуркин рукав.— Только и нам попадало, так что вы не очень...

Что «не очень» — гражданин не договорил. Чему-то улыбаясь, он двинулся своей дорогой.

— Тебя кто просил соваться?— начал было Шурка, но сразу же смягчился.— А ребята-то сбежали. И Петька...— И тут же без всякой связи: — Я не знал, что ты в нашем классе будешь...

— И я не знала.

Мирно разговаривая, они направились к дому.

Из-за ближайшего угла вынырнули Петя и Сева Иванов.

— Ну что? Вот видишь... Я тебе говорил, что у Шурки появился товарищ в юбке,— громко сказал Петя.

Шурка остановился, удержал за рукав Саню и повернулся к Пете:

— Это ты правильно сказал,— твёрдо и раздельно произнёс он.— Она — мой товарищ. Не то что некоторые... в штанах.— И не взглянув больше на растерявшегося Петю, они продолжали путь — Саня и Шура.

Почтальон

АНАТОЛИЙ ПУДВАЛЬ

Много знакомых
У почтальона —
Всем он разносит
Приветы-поклоны.

Мама волнуется:
Брат на Камчатке!
Вдруг телеграмма:
«Всё в порядке».

Бабушка старая
Пишет внуку:
Как, мол, штурмуешь
Учёбу-науку?

И вот почтальон
Приходит с ответом:
«Сдаю на «пятёрки»,
приеду летом».

Только пройдёт
Почтальон по улице,
Ух, сколько сразу
народу взволнуется!

Нужен всем
Почтальон на свете:
Очень старым
И очень детям.
Радости дарит он всем,
не жалея.
Вот бы мне стать
Почтальоном скорее!

ИННА ПЕШКОВА

Петя одним духом поднялся на третий этаж и возле квартиры Витьки Титова начал отбивать кнопкой звонка футбольные позывные. Ему хотелось поскорее рассказать другу одну очень важную новость. Со второго урока Титова отпустили к зубному врачу, и он, конечно, ничего не знал.

За дверью щёлкнул замок.

— Ты чего копаешься?! — возмущенно закричал Петя, чуть не сбив с ног Клавдию Ивановну Сыроежкину, Витину соседку по квартире.

— Извините,—пробормотал Петя,— я неча...

— Вести себя не умеешь,— сердито отрезала Клавдия Ивановна.— Что это за дети нынче пошли, просто не понимаю!

Но в коридор уже выскочил Витя.

— Не обращай внимания,— виновато оглядываясь, зашептал Витя.— Это она из-за компота, я знаю.

Оказалось, что вчера вечером Клавдия Ивановна сварила компот и поставила его на пол в ванную. Витя не заметил кастрюли и нечаянно опрокинул её.

И так всегда. С ним обязательно случается что-нибудь неприятное.

В классе из-за Титова недавно пришлось выбросить шесть чернильниц, потому что во время дежурства он уронил ящик с чернильницами на пол. Когда на перемене играли в «ляпы», Витя схватился рукой за фикус, который стоял возле окошка. Олег Шилов «заляпал» его, и Витиной маме пришлось пла-

тить за поломанный цветок. Недавно он, не глядя, сел на хлеб с маслом, который кто-то оставил на парте. Вчера Витя опрокинул компот. Позавчера...

Вообще Витя считает, что его неудачи начались с самого рождения, потому что, как говорит мама, он немного похож на девочку. У него даже ресницы такие длинные и мохнатые, как у девчонок, а на подбородке, неизвестно для чего, ямочка.

Раньше Петя всегда сочувствовал Вите, но сейчас он только отмахнулся.

— Ну тебя с твоим компотом! У нас, пока ты ходил, знаешь кто был? Не знаешь? Ну, слушай.

Петя бросил портфель на стол и начал рассказывать.

Когда Витя ушёл к врачу, в школу приехали шефы-комсомольцы металлургического завода. Они выступали на линейке и просили всех собирать металлический лом. Теперь в школе объявили соревнование, кто соберёт больше.

Пете, как художнику, поручили выпускать «молнии», и он очень гордился этим.

— Понимаешь,— говорил Петя,— надо только узнать, кто первый. Тогда обязательно «молнию» повешу. Потом про лучший класс напишу. Потом...

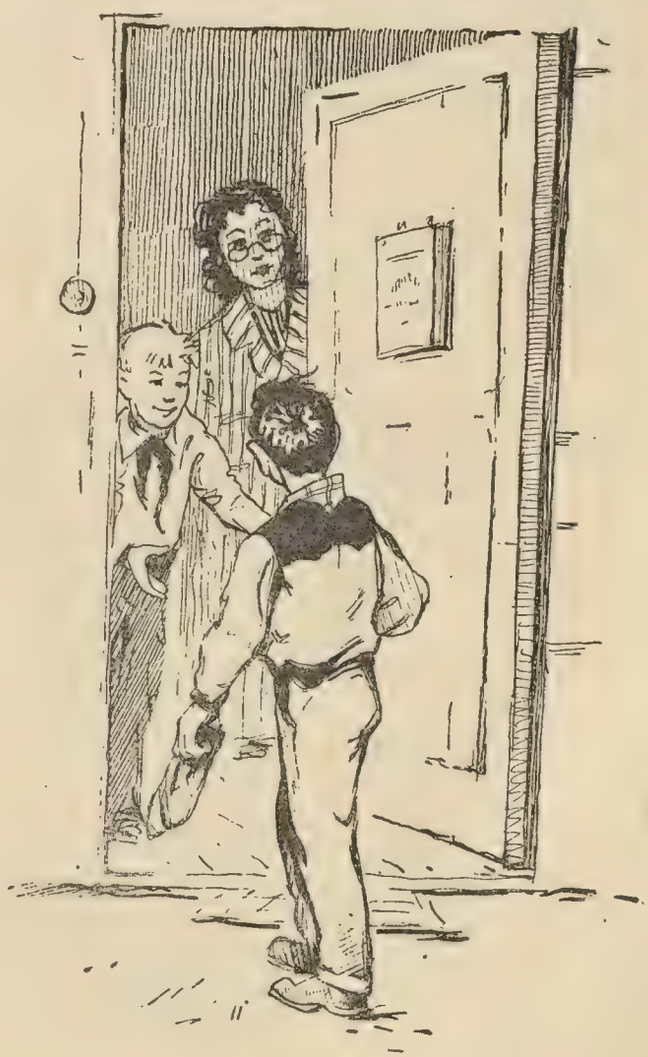
— А я бы, знаешь, что сделал?— перебил Витя.— Я бы с самого начала во всю стенку плакат повесил. Можно написать: «На лом выходите все!» или ещё как-нибудь. Я бы так написал, что...

— «Я бы, я бы!» — говорить всё можно, а ты попробуй сделай!

И Витя замолчал. Конечно, Петя лучше его знает, что делать. Недаром же его почти каждый год выбирают в редколлегию. А вот Вите, Вите никогда ещё ничего не поручали. Правда, один раз ребята просили переписать заметку для стенгазеты, но Лёля, вожатая, не согласилась.

— Ты, Титов, обязательно посадишь муху на заголовок,— с упрёком сказала она, и Витя не обиделся, хотя очень редко ставил в тетрадях кляксы.

Всё может быть, когда человеку не везёт в жизни!



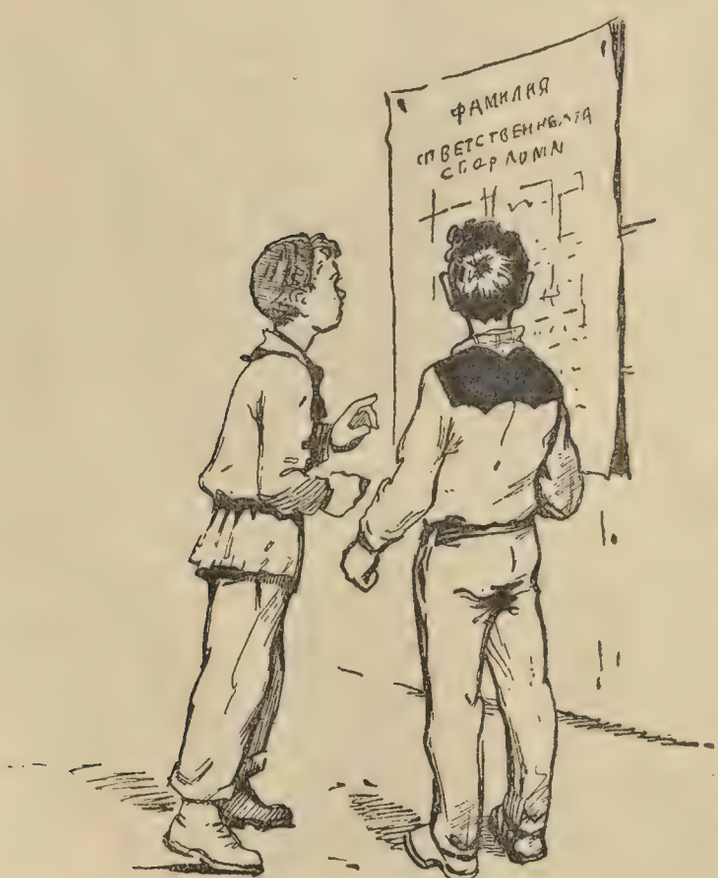
— Я, между прочим, к тебе ненадолго,— посмотрев на часы, неожиданно заявил Петька.— Я опять в школу пойду. В два часа придёт Вера Степановна, вожатая со второй смены, так мне у неё бумагу взять надо.

— И я в школу,— заявил Витя.— Мне в библиотеку надо.

Витя быстро собрался, и мальчики ушли.

* * *

В школе ребятам не повезло. Ни вожатая второй смены, ни библиотекарь Надежда Михайловна ещё не приходили. У Пети даже настроение испортилось из-за этого, потому что ожидать Веру Степановну ему было некогда. Сегодня мама попросила его заехать в садик за братом Алёшкой. Садик находился далеко, и Петя боялся опоздать.



Возле пионерской комнаты, на школьной доске объявлений, мальчики сразу заметили большой, аккуратно разлинованный лист бумаги, которого утром не было. На самой доске тоже было что-то написано. Ребята подошли ближе.

— «Фамилия ответственных за сбор лома»,— вслух прочитал Петя.— Это на Совете дружины утверждали, я тебе забыл сказать. А на листе, наверное, будут отмечать, кто сколько собрал.

Но Витя не слушал. Он остановился у доски и с любопытством читал аккуратно выведенные фамилии: 4 «А» — Тимофеева Светлана, 4 «Б» — Подорожников Дмитрий, 4 «В» — Гольдина Вера, 5 «А» — Титов Виктор...

Это было так удивительно, что он сразу ничего не понял. Правда, его собственная фамилия была написана не так, как другие, но она тоже стояла в списке, её читали и видели все!

— Петь, а Петь,— сказал он.— Посмотри!

Но Сидоркин и сам удивился не меньше.

— Вот здорово! — протянул Петя.— И кто это тебя сунул? Придумал тоже! Класс подведёшь, а потом — здрасьте-пожалуйста — мы на последнем месте.

Витя ничего не ответил, и Петя пожалел приятеля.

— Ну, вот что,— уже решительно сказал Сидоркин.— Ты не огорчайся. Что-нибудь придумаем. А сейчас я пойду. А то к Алёшке опоздаю.

Петя заторопился, крикнул:

— Ну — пока!— и уже на лестнице пообещал: — Витька! Я к тебе вечером приеду, часов в восемь, ладно?

* * *

Но вечером Петя никуда не пошёл. Папа с мамой ушли в филармонию на симфонический концерт и оставили с ним Алёшку. Алёшка ещё маленький, ему всего три года, но, несмотря на это, он ужасно любопытный.

— А почему наша Мурка конфеты не кушает? — спрашивает, например, Алёшка и доверчиво смотрит на брата большими синими глазами.— У нее глисты, да?

Хотя Петя привык к таким рассуждениям, сегодня Алёшкина болтовня действовала ему на нервы. Очень нужно отвечать на дурацкие вопросы, когда у него свои дела есть. Выручил телефонный звонок.

Звонил Женя Соколов, сосед по парте. Он только что пришёл из кино, и ему не терпелось передать свои впечатления.

Потом мальчики заговорили о школе.

— Ты знаешь,— кричал Женя (у него всегда была привычка говорить слишком громко),— у нас Лёньку Пирогова назначили ответственным, а он не хочет. Он вместо себя Титова на доске написал. Хорошо ещё, что никто не видел, а то...

Петя от неожиданности опустил руку и нечаянно нажал на рычаг. В ответ трубка торопливо и жалобно запищала...

Эх, если бы не Алёшка, Петя обязательно сбегал бы сейчас к Вите! Но о том, чтобы уйти из дому, не-

чего и думать. Алёшка разыгрался и ни за что не хотел спать. А оставить его так, конечно, нельзя. Петя вспоминает большой плакат: «Не позволяйте детям играть с огнём!», который недавно повесили возле их дома, и подозрительно смотрит на младшего брата. Представить в руках у Алёшки спички совсем не трудно, и Петя огорчённо вздыхает. Хочешь — не хочешь, а придётся всё-таки ожидать до завтра.

* * *

Утром, как назло, игривое настроение у Алёшки пропало. Петя пораньше отвёл его в садик, но уйти всё равно не смог. В садике Алёшка долго не хотел отпускать брата и капризно тянул:

— Петь, а Петь, ну посидим два раза.

Петька вздыхал и покорно ещё раз присаживался на стул.

— Петь, принеси мне баранку кру-у-у-углую,— тянул младший брат, и в уголках его глаз неустойчиво дрожали крупные капризные слёзы.

Петя боялся, что брат, чего до-

брого, разревётся, и не стал объяснять, что баранки круглые все без исключения. Как хорошо, что Алёшку, наконец, увела воспитательница!

Было ещё рано. Пятый «А» занимался со второй смены, и Витя, конечно, дома,— соображал Петя. И вдруг, несмотря на позывные, дверь открыла Клавдия Ивановна. Петя хотел извиниться, но она даже не рассердилась.

— Опоздал, Петенька, Витя уже ушёл. Вещи забрал тоже.

— Какие вещи, Клавдия Ивановна?

— Как какие? Мой тазик, кастрюли Пелагеи Петровны, примус из третьего подъезда...

Клавдию Ивановну даже рассердила Петькина недогадливость.

— Ну, как ты не понимаешь! Вам в школе поручили собрать лом. Витя рассказал об этом во всех квартирах и вот собрал...

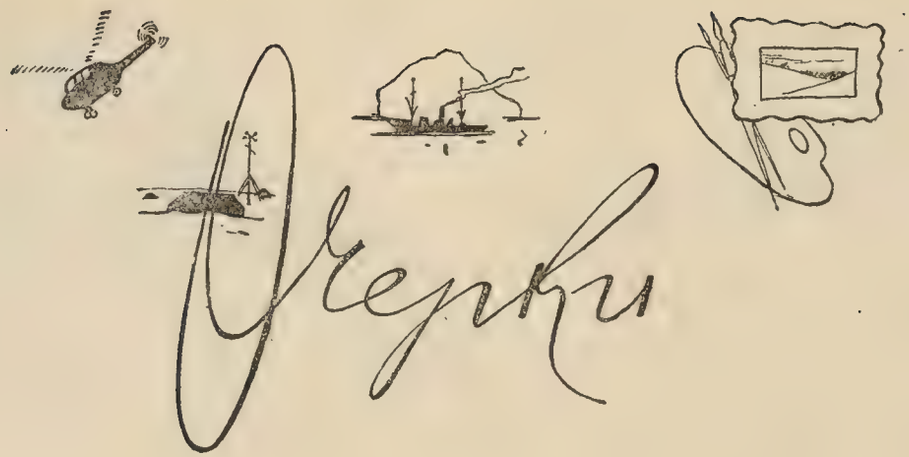
Должно быть, у Петьки был очень растерянный вид, потому что она вдруг испугалась:

— Случилось что-нибудь?.. Конечно! У этого мальчика обязательно что-нибудь...

К счастью, Пете не пришлось ничего объяснять. В комнате зазвонил телефон, и пока Клавдия Ивановна отвечала, он быстро исчез за дверью.

Через несколько минут Сидоркин был уже в школе. В конце двора, возле объявления «Лом принимается здесь», он сразу увидел доверху нагружённую двухколёсную тележку. Сбоку неуклюже торчала старая самоварная труба, а сверху выглядывал примус из третьего подъезда, о котором говорила Витина соседка. Возле тележки никого не было, но Петя не огорчился.

Он и так знал, о ком будет выпускать свою первую «молнию».



ПЕВЕЦ РОДНОГО КРАЯ

ЕВГЕНИЯ МЕДЯКОВА

В марте этого года в Москве, в Большом зале Кремлёвского дворца, проходил Первый Всесоюзный съезд советских художников.

На этом съезде советские художники и их гости — рабочие, учёные, партийные и советские работники, художники стран народной демократии — подвели итоги всему, что создано мастерами изобразительного искусства за сорок лет.

А создано очень многое.

Недаром на съезде говорилось, что если бы собрать в какую-нибудь грандиозную галерею всё лучшее, что создано советскими художниками за сорок лет и сейчас драгоценными россыпями распространилось по сотням картинных галерей, музеев, дворцов культуры, то получилась бы великолепная выставка, которую можно было бы назвать «Искусство новой жизни».

Многие художники, делегаты съезда, предлагали, чтобы выставки работ художников и скульпторов устраивались чаще и не только в Москве, но и во многих городах.

В Свердловске была открыта выставка работ старейшего уральского художника Ивана Кирилловича Слюсарева. Она была открыта в связи с семидесятилетием художника.

О том, как крестьянский мальчик стал певцом родного края, учителем многих молодых художников, рассказывает этот очерк.

Иван Кириллович Слюсарев родился в уральской деревушке Черноскутовой, в семье крестьянина Василия Яковлева. Зажиточные хозяева Черноскутовой отзывались об Яковлевых пренебрежительно: голытьба! И в самом деле: семья была большая, а достатков мало.

Рождению ребенка родители не обрадовались — прибавился лишний рот. Нелегко было Василию и его жене Дарье сводить концы с концами. Особенно трудно становилось к весне. Известно ведь — зима-прибериха. Кончался свой хлеб, а занимать — это значило потом, летом, в самую горячую пору, отрабатывать заёмное на чужом поле.

Маленькому Ване было всего полтора года, когда дедушка и бабушка, родители Дарьи, решили взять его на воспитание. Всплакнула Дарья, расставаясь с сыном, а перечить не стала: там, у ее отца и матери, будет Ване и теплее, и сытнее. Так и увезли мальчонку в деревню Байнову.

Изба дедушки была невелика, но во всём чувствовался порядок. Бабушка добела скоблила полы. К праздникам постилала домотканные половики. Дедушка был высокий, несмотря на лета́, держался прямо. Волосы — подстрижены в кружок, борода с сильной проседью. И хотя был он серьёзен и строг, Ваня по глазам его видел, что в душе дедушка добрый.

Бабушка Александра Яковлевна была строгой. Бывало, играет Ваня со сверстниками на улице, а сам нет-нет и посмотрит в сторону избы: знает, что «сумерничают». Бабушка прядёт, дед так сидит, разговаривает. А как станет совсем смеркаться — надо торопиться домой. Если лампу зажгут, а его ещё нет, не миновать колотушки по затылку.

Едва минуло Ване семь лет, дедушка стал приучать его к настоящей работе. Дед рубил на делянке дрова, а внук собирал сучья, складывал поленья. Когда дед Никита выезжал на весенний сев, Ваня уже не оставался, как прежде, с бабушкой. Он теперь тоже был работник— «борноволок». Дед помогал ему взобраться на лошадь. Первое время

легонько привязывал ноги мальчонки к подпруге, чтобы не упал.

Вставали утром рано, до солнышка. И до поздних сумерек длилась нелёгкая крестьянская работа.

Очень полюбил Ваня сенокос. Выезжали на него всей семьёй. В березняке ставили балаган из жердей, завешенных холщовым пологом. Сверху полог забрасывался толстым слоем сена. Сено спасало от дождя, да и теплее было внутри балагана.

Обед готовили на костре. Варили ушку из мелких сушёных пескарей, похлёбку. Из дому бабушка брала квас, кислое молоко, хлеба дня на три, на четыре.

С утра, ещё по росе выходили косить. Ване поручали работу полегче — ворошить сено, сгребать его в валки, смотреть за лошадьми.

Вечером надо было напоить лошадей и спутать их на ночь. Пока Ваня ехал полем, ему не было страшно. Стрекотали бессонные кузнечики, какая-то птица кричала в перелеске.

Но вот уже близко болотце, где поили лошадей. Всё гуще кусты, всё темнее кругом. Шелестит осока, а мальчику кажется, что кто-то ползёт из болота. Леший за кустом чудится, каждый шорох пугает. А когда лошади напоены и Ваня быстрой рысью едет обратно, на сердце опять становится легко, и всё радует: и крупные звёзды, высыпавшие на небе, и ветерок, приносящий тонкий аромат вянущей травы, и весёлый огонь костра около балагана.

Всего тяжелее было пасти коров.

Осенью, по утрам, ложился сильный иней. Ходит Ваня за коровами, зуб на зуб не попадает.

Однажды выгнал Ваня коров. Ноги в тонких обутках промёрзли, весь продрог. А как солнышко взошло, потеплело вокруг, он прилёг на бугорок, пригрелся и уснул. Проснулся — коров нет. Искал-искал — не нашёл. Вернулся домой один. Уже на второй день дед поехал на лошади в лес и нашёл коров.

Нередко природа была для маленького пастушонка злой мачехой, но выпадали и иные минуты.

Выедут они с дедушкой в поле. На глазах у Вани начинается восход солнца. Всё ярче алеет край неба. И, наконец, из-за горизонта поднимается большое красное солнце. Словно зачарованный стоит маль-

чик, и только сердитый окрик деда возвращает его к действительности.

Недалеко от деревни был березняк. Вся роща была светлой и весёлой. Красиво белели стволы берёз.

Мальчик ложился на землю и подолгу смотрел на небо. Какие причудливые формы принимали кучевые облака! Детская фантазия превращала их то в силуэт животного, то в чудовищную пасть, то искала в них очертания человека.

А как чудесно окрашивали облака первые и последние лучи солнца!

Весной мальчика радовала первая нежная зелень, а осенью — яркие краски увяданья: золото берёз и пламенные листья осин.

Когда Ване исполнилось восемь лет, в деревне открылась школа. Из города приехала молодая учительница — Серафима Евлампиевна.

Ваня поступил в первый класс. Школа помещалась в обыкновенной деревенской избе. Бумаги не было. Писали ученики на грифельных досках.

Ване очень хотелось рисовать. И частенько вместо задачки он выводил на грифельной доске избёнку, колодец с журавлём, лошадь.

Учительница рисовать не позволяла. И, обнаружив, что мальчишка опять «не делом занят», она отдавала приказ:

— А ну, в угол! Становись на колени!..

Когда Ваня окончил школу, в Байнову приехала вторая дочь дедушки, Серафима, со своим мужем Кириллом

Кирилл Никифорович был украинец, сын ссыльного. Его украинскую фамилию Слюсаренко на Урале переделали в Слюсарева.

Кирилл присмотрелся к Ване и однажды спросил его:

— Пойдёшь ко мне в сыновья? В городе будешь жить. Помогать мне станешь...

И Ваня согласился пойти в сыновья. Кирилл Никифорович по всем правилам усыновил его. Так Ваня получил новое отчество — Кириллович и фамилию Слюсарев.

Город Екатеринбург поразил мальчика. Он изумлялся каменным домам и церквям. Читал огромные

вывески на магазинах и лавках. Удивлялся, глядя на чудные пролётки извозчиков.

Летом над городом летали тучи пыли. Осенью и весной люди и лошади вязли в глубокой грязи. Ночью по улицам ходили сторожа с колотушками, отбивали часы.

И только рано утром, ещё в постели, Ваня слышал певучий рожок пастуха. Почти в каждом дворе держали тогда коров, и звук рожка, мычание коров живо напоминали мальчику о деревне.

Слюсаревы жили на берегу Исети. Но как не похожи были её захламлённые грязные берега на весёлые зелёные лужайки, среди которых она текла в родных местах!

У богатого домовладельца Слюсаревы сняли подвальное помещение. Комната была грязная, полутёмная, стены — в газетных обрывках. Хозяин положил плату за квартиру — пять рублей в месяц.

Серафима чисто-начисто вымыла потолки и окна. Знакомый маляр выкрасил комнату клеевой краской, навёл синькой узоры по углам.

Пришёл хозяин. Посмотрел и говорит:

— Хорошо теперь у вас. Так уж вы платите теперь шесть рублей в месяц...

Кирилл Никифорович Слюсарев работал приказчиком в лавке. Лавка называлась хлебной, но, кроме муки, в ней продавали соль, овёс, разную упряжь и даже дёготь. Чтобы заработать лишний рубль, мать Вани — Серафима Никитишна — варила летом прохладительный напиток. Его разливали в бутылки, и Ваня спускал их на лёд в погреб, который был устроен тут же, в лавке.

Ваня работал в лавке подручным: помогал отвешивать соль, пшеничную и ржаную муку, выполнял поручения приказчиков.

Летом, урвав свободную минуту, Ваня рисовал что-нибудь. Скопировал и увеличил портрет Петра Первого. Потом нарисовал рыночную столовку. Эти рисунки увидал хозяин столовки, куда в зимнее время бегал греться Ваня.

Хозяин взял эти рисунки и повесил на стену как украшение.

И вот наступил день, который стал решающим в жизни тринадцатилетнего Вани Слюсарева.

Зашёл в лавку один из рыночных завсегдатаев, знавший, что Ваня любит рисовать.

— Ваня! Там на рынке художник какой-то... Лошадей рисует...

Ваня, забыв обо всём, побежал на рынок. Скоро он увидел художника — молодого человека с тёмной бородкой и более светлыми усами.

В лёгком плаще и шляпе, он стоял перед этюдником и рисовал лошадей.

Мальчик заворожённо смотрел, как художник растирал чёрный, словно сажа, порошок замшевой палочкой, набрасывал на бумаге рисунок, подправлял особым карандашом.

Делал всё он быстро, и это изумляло Ваню.

Он дождался, когда художник кончил работы и стал складывать краски.

Робко заговорил Ваня, что он тоже рисует и хотел бы показать свои работы. Художник согласился зайти в столовку. Посмотрев на рисунки Вани, он посоветовал не копировать, а больше рисовать с натуры. И пригласил Ваню приехать к нему, в село Малый Исток. Назвал и свою фамилию — Туржанский.

Когда Ваня Слюсарев, отпросившись на три дня, приехал по железной дороге в Малый Исток, он нашёл Туржанского на постоялом дворе. Художник снимал там комнату.

Туржанский показал мальчику свои работы. На второй день он взял Ваню с собой на этюды.

— Пойдём, Ваня, я покажу тебе, как надо начинать работу...

С этого времени и началась учёба Слюсарева у Туржанского. Художник учил своего маленького товарища не словами, а примером. Ваня получал наглядные уроки, как класть мазки, каким способом передавать влажный блеск, закатное солнце, первую зелень.

Не раз говорил Туржанский Ване Слюсареву:

— Передавай правду! Пиши так, чтобы тебе верили. Чтобы говорили: «Вот так и в жизни бывает...»

Ване было тринадцать лет, когда для рабочих Верх-Исетского завода открылись вечерние курсы. Ваня стал просить отца, чтобы и ему разрешили поступить.

На этих курсах он начал учиться черчению и рисованию.

Ваня рисовал плоские орнаменты, геометрические тела, а потом и гипсовые бюсты. Он радовался, что всё вернее становится рука, точнее глазомер.

Учиться было нелегко — ведь он шёл на курсы после дня работы в лавке.

Курсы кончены, и уже новая мечта тревожит Ваню. Он просит отца и мать отпустить его в художественно-промышленную школу.

Преподавание специальных предметов в художественно-промышленной школе велось не особенно серьёзно. Но всё же там юноша изучал композицию, стилизацию. Три года работал акварельными красками. Кроме специальных предметов, преподавались география, химия и другие общеобразовательные предметы.

Каждый год участвовал теперь Ваня в школьных и городских выставках по изобразительному творчеству.

В 1907 году Слюсарев окончил художественно-промышленную школу, получив звание «учёного рисовальщика». Он имел теперь право преподавать рисование.

Но совсем не о преподавании думал юноша, хотя ещё в годы ученья он начал давать частные

уроки. Он мечтал о высшей школе. Отказывая себе во всём, он скопил около девяноста рублей и поздней осенью 1907 года отправился в Петербург.

После тихого уездного города, каким был в начале века Екатеринбург, столица изумила молодого художника.

С робостью смотрел он на огромные здания, роскошные магазины, на богатые экипажи, проезжавшие по Невскому проспекту. Но поселиться ему пришлось вместе со случайным знакомым, молодым переписчиком, на грязной окраине, в подвале.

С мечтой об ученье скоро пришлось расстаться. Поступить в школу прикладных искусств было уже поздно, попасть же в Академию не было ни малейшей надежды.

Одно радовало Ивана Слюсарева: он мог подолгу любоваться великолепным памятником Петру Первому, несколько раз побывал в сокровищнице искусства — Эрмитаже. Иногда он посещал открытые для обозрения залы Зимнего дворца. Видел замечательные статуи, зеркала и позолоту, хрустальные люстры, мебель, обитую парчой и бархатом.

А потом возвращался в свой подвал. Осенние дожди, туманы и слякоть, сырость, пронизывающая всё тело, стали сменяться заморозками. Ложась спать, Иван накрывался всем, что у него имелось: тонким одеялом, лёгким пальто, плащом.

В будни Иван и его товарищ питались хлебом с сахаром и маслом. Хозяйка ставила им утром и вечером самовар. И только по воскресеньям они обедали.

И всё же деньги таяли, и юноша понял, что если бы он и поступил учиться, ему пришлось бы бросить всё и возвратиться на Урал: жить было не на что. К тому же он был плохо одет и слабел от постоянного недоедания.

С тяжелым чувством, с невесёлыми мыслями покидал Слюсарев Петербург. Надежда продолжить своё образование рухнула.

С осени 1908 года Иван Кириллович Слюсарев стал преподавать рисование в Екатеринбургском начальном училище. Его заработок — двадцать семь рублей в месяц — казался родителям баснословным: ведь приказчик в то время зарабатывал не больше восьми рублей.

Через год его пригласили преподавать рисование в частной женской гимназии, а затем и на курсах для рабочих ВИЗа, где он сам учился несколько лет назад.

В свободное время он мог теперь заниматься любимым делом, имел возможность покупать кисти, краски, картон.

Летом он приезжал на родину. Рисовал огромные скалы, поднимающиеся над Исетью, в окрестностях Каменского завода, поля и перелески около деревень Байновой и Черноскутовой. Да ещё в Кауровку съездил, рисовал там речушку Утку.

Началась империалистическая война 1914 года. Сотни тысяч простых людей были одеты в серые шинели. В эти годы Слюсарев написал одну из немногих своих сюжетных картин — «Одиночество».

Картина показывает горе и отчаяние женщины, получившей горькую весть о гибели любимого человека.

Эта картина до сих пор волнует и захватывает зрителей.

Мечта художника объездить Урал, побывать в самых глухих его уголках исполнилась только после Великой Октябрьской социалистической революции.

На Южном Урале он видел пышную растительность, буйные травы в рост человека, озёра с чистейшей, как хрусталь, водой.

На Северном Урале трава была совсем низенькая. Взгляд радовал мох — зелёный, словно изумруд. Нога мягко тонула в нём. Горные речушки текли среди камней, затянутых этим мхом.

В глухой тайге яркий солнечный день казался лёгкими сумерками. Ветви елей и кедров, смыкаясь над головой, скрывали небо. Сырость и прохлада царили здесь.

Всё, что видел художник, дало жизнь десяткам новых картин, посвящённых родному краю.

Пришло к художнику и признание. В 1923 году, когда страна только начала залечивать тяжёлые раны, нанесённые гражданской войной и разрухой, была устроена первая персональная выставка работ Слюсарева. На ней художник выставил 160 этюдов и картин.

Доход от выставки был передан детскому дому имени Октябрьской революции.

Крупные произведения художника приобрели картинные галереи Свердловска, Перми, Нижнего Тагила, уральские краеведческие музеи, Государственный университет имени Горького.

В годы Великой Отечественной войны на художественной выставке «Урал — кузница оружия» первая премия была присуждена И. К. Слюсареву за большую картину «На Южном Урале весна».

В течение десятков лет Слюсарев преподавал рисование в школах, педагогическом техникуме, политехническом, лесотехническом и других институтах Свердловска.

Четыре зала было отведено под выставку, посвящённую семидесятилетию старейшего уральского художника.

С интересом рассматривали посетители первую сохранившуюся работу Ивана Кирилловича — «Изба отца». Нетвёрдой детской рукой нарисована избёнка на два окна, крытая тёсом, и две ребячьи фигурки на пороге.

А дальше идут графика, этюды и картины, написанные гуашью, темперой, масляными красками.

Триста работ, представленных на выставке, показывают путь

художника более чем за пятьдесят пять лет.

На многих картинах Слюсарева запечатлено то, что мы сами видели не однажды. Но как ярко изображает художник снег, крупными хлопьями падающий на землю, первые весенние проталины, бегущую по камням хрустально-прозрачную речушку, поле золотистой спелой ржи и яркие полевые цветы на меже, тяжёлые дождевые тучи, ползущие через горный хребет, и деревенскую улицу, с колеями, доверху налитыми только что прошедшим дождём.

Вот картина «С реки туман». На высоком косогоре стоит избушка. За ней — стройные ели. Глядишь на картину и видишь, как из низины, от невидимой реки, ползёт туман. Кажется, будто ощущаешь его сырое дыхание. Туман завола-кивает ближние ели, почти скрывая дальние.

Вот камни на Таганае — огромные, покрытые зеленоватыми мхами. Высокие султаны иван-чая украшают эти суровые скалы.

Десять лет тому назад художник написал большую картину «Лесной пожар». Взглянешь и вдруг окажешься среди гор Южного Урала. Лес горит... Уже оголённые верховым огнём, стоят великаны-ели. А пожар идёт низом, злые яркие языки огня пожирают всё на своём пути. Серый удушливый дым завесил дали...

Как страница волшебной книги, открывается картина, буднично названная художником — «Катав-Ивановский завод».

Мохнатая, остроконечная гора

словно упала в реку, полукружием опоясавшую её. Бледный месяц отражается в тихих водах.

В толстом красном альбоме, лежащем на столе в одном из залов выставки, с каждым днём прибавляются все новые и новые записи.

...«Замечательно передано неповторимое своеобразие уральской природы. Понравились картины, передающие весеннее пробуждение природы, летнее томление и сонливость старой уральской деревеньки. Типичны небольшие дворики, которые, кажется, не раз встречал вблизи Нижнего Тагила и Сысерти.

Слюсарева заслуженно можно назвать певцом уральской природы»,— пишет студентка консерватории.

Десятки посетителей выставки от души желают художнику новых творческих успехов.

И. К. Слюсареву — семьдесят лет. Но художник и сейчас полон творческими замыслами.

В светлой комнате, которая служит ему мастерской, на мольберте стоит большое загрунтованное полотно.

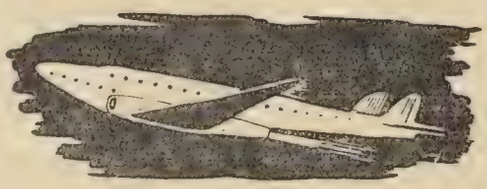
Ни одного мазка нет ещё на холсте. Но художник упорно думает, и в сердце его зреет облик новой картины.

Иногда он набрасывает на бумаге скупой эскиз.

И что бы ни появилось на этом холсте, мы знаем, что это будет ещё одна поэма о нашем крае, об Урале.

Металл будущего

БОРИС ЦЫВЬЯН



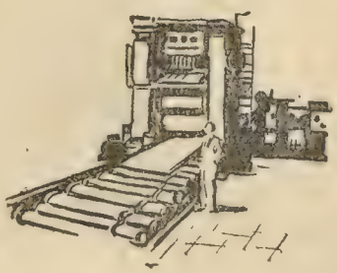
В чистом небе остаются две белые дорожки, отмечая путь серебристой птицы. Это на большой высоте летит реактивный самолёт. Много знаний и труда потребовалось от советских авиаконструкторов, чтобы создать такие замечательные машины.

Бурное развитие авиации стало возможным благодаря применению лёгкого металла—алюминия. Поэтому алюминий называется крылатым металлом.

Но при проектировании реактивных самолётов, летающих с колоссальной скоростью, конструкторы встали втупик.

Представьте себе, что реактивный самолёт летит на высоте десяти тысяч метров. Там очень холодно, температура воздуха 50 градусов мороза. Но самолёт летит с огромной скоростью, и его обшивка от трения воздуха сильно нагревается. Прикоснуться рукой нельзя — получится сильный ожог. Она нагревается до температуры 300 градусов. При такой температуре обшивка самолёта, сделанная из алюминиевого сплава, становится непрочной. Она может разорваться, как картон. Что же делать? Сделать обшивку из стали? Будет очень тяжело. Из какого материала выполнить обшивку?— стали думать конструкторы.

— Из металла, который называют титаном,— ответили металлурги.— Его называют металлом новой техники!



Ещё около ста лет тому назад металлурги встретились с интересным минералом — титаномагнетитом. Этот минерал содержит железо и титан. Титаномагнетит загрузили в доменную печь и стали плавить, чтобы получить чугун. Но все попытки оказались неудачными. Чёрная руда не плавилась. В чём же дело? Отчего у руды такая тугоплавкость? Оказывается, всему ви-

ной был титан. Поэтому в то время титан считали вредной примесью.

Только в советское время инженеры научились получать из упрямой руды чугун и извлекать титан. Больше того, теперь титан часто применяют в чёрной металлургии. Нужно получить твёрдую и прочную сталь — для этого в жидкую сталь добавляется немного титана. Так титан из вредной примеси превратился в доброго помощника.

Месторождения титана находятся на Украине, в Казахстане, на Урале. На Южном Урале открыто крупное Качканарское титаномагнетитовое месторождение. Разработка его намечена в шестой пятилетке. Титан содержат минералы: ильменит и рутил. Интересно, что ильменит впервые в мире найден был геологами у нас, на Урале. И название он получил в честь Ильменских гор — замечательного уголка нашей Родины.

Раньше титан считали редким элементом. Однако это не совсем верно. В земной коре его содержится в три раза больше, чем меди, марганца, никеля и цинка вместе взятых, но встречается он в природе в рассеянном состоянии.

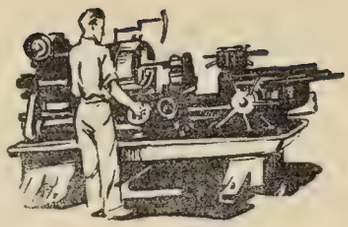
Титан — лёгкий, серебристо-белый металл, немного тяжелее алюминия, но в три раза прочнее его. Плавится титан при температуре тоже в три раза более высокой, чем алюминий.

Поэтому обшивку реактивного самолёта или ракеты для межпланетного путешествия делают из титана.

Морские суда и автомобили, тепловозы и железнодорожные вагоны будут строить не из стали, а тоже из титана. Они будут прочными и лёгкими и смогут перевозить в полтора раза больше груза. В настоящее время из титана получают хорошие краски, белила, эмали. Соединяясь с хлором, титан образует плотное дымовое облако. Садовники научились окутывать таким титановым облаком фруктовые сады для защиты от мороза.

Титан химически очень стойкий металл. Он не портится от кислот и щелочей, от морской воды. Из него хорошо изготовлять химическую аппаратуру и посуду. Титан с успехом применяют при изготовлении отдельных частей реактивных двигателей, где действуют высокая температура и большие нагрузки.

На заводе чугун плохо поддаётся обработке, и резцы токарного станка быстро тупятся. Тогда для резцов использовали титановольфрамовый сплав. Такие резцы быстро снимают стружку и долго остаются острыми.



Не так давно алюминий был редким металлом и стоил дороже золота. Теперь он широко применяется в промышленности и быту. Скоро и титан прочно войдёт в нашу жизнь.

Его ждёт новая техника, техника высоких скоростей, температур и давлений.

НЕОБЫКНОВЕННЫЙ ЭКЗАМЕН

БЕЛЛА ДИЖУР

Зелёный листок салата и кусочек мяса, горсточка соли, сухой белый гриб, куриное яйцо и стакан молока, румяное яблоко и ложка рыбьего жира — всё это и многое другое для учёного-исследователя всего лишь материал, которому задаются бесконечные вопросы: из чего ты состоишь? Каковы хранящиеся в тебе запасы энергии? Какую пользу ты можешь принести человеку? Достоин ли ты того, чтоб зачислить тебя в список необходимой для человека пищи?

«Экзамены», которые учёные устраивают нашей пище год за годом, становятся всё строже и строже.

Пройдя все эти испытания, зелень теряет свой изумрудный цвет, яблоко тускнеет, лишается аромата, а стакан молока превращается в порошок. Но зато выясняется строение и состав всех этих веществ. Определяется их значение для жизни человека. Благодаря этим «экзаменам» открыты тайны белков, выяснены запасы энергии, таящиеся в жирах, уточнена роль воды в жизни человека.

А за последние десятилетия учёным удалось ознакомиться с несколькими таинственными незнакомцами. Оказывается, они очень важны для нас. Они оберегают нас от тяжёлых болезней, помогают детям расти, влияют на работу нашей нервной системы, мозга.

Польский физик Казимир Функ назвал их витаминами. По-латински «вита» обозначает «жизнь». Видимо, огромное значение придавал учёный этим веществам, раз дал им такое ответственное название. Выходит, что от них зависит жизнь! Так ли это?

Ещё семьдесят лет тому назад никто и не подозревал о существовании витаминов, хотя отсутствие их в пище вызывало тяжёлые болезни.

Страшной цингой болели моряки, питавшиеся в течение длительных плаваний только солониной или копчёным мясом. Но уже давно было известно, что цинга излечивается зелёным луком, чесноком, лимоном, чёрной смородиной и даже настоем из хвои. Не правда ли, странные лекарства?

Каждый понимал, что это в сущности не лекарства, а обыкновенные продукты питания. Но никто не догадывался о тайне этих продуктов.

Теперь-то мы постигли эту тайну. Оказывается, в них содержится один из «незнакомцев»—витамин С. Стоит лишить человека продуктов, содержащих этот витамин (то есть не давать свежей зелени), как к нему подкрадывается свирепая цинга. Расшатываются зубы, а то и выпадать начнут, заболят ноги, появятся нарывы на теле. Прошли долгие годы, пока учёные разобрались в этом вопросе.

Точно так же долго не было понятно: почему в Японии, Китае и других местах, где едят преимущественно рис, возникает болезнь «бери-бери»? Люди, болеющие ею, очень слабеют, судорога сводит их руки, ноги. Они не могут ходить. Не редко болезнь эта оканчивается смертью.

Каково же было удивление учёных, когда они обнаружили, что вся беда в очищенном рисе. Чем он белее и чище, тем хуже. Вместе с отрубями его «очистили» от необходимейшего витамина, который условились обозначать буквой В.

Тот самый польский химик Казимир Функ, который нашёл загадочным веществам удачное название — витамины, первый занялся исследованием рисовых отрубей.

И ему, после настойчивых поисков, удалось извлечь из рисовых отрубей несколько жёлтых кристалликов. Горькие, маленькие, невзрачные, они чрезвычайно обрадовали учёного. Это был первый из таинственных незнакомцев, полученный в чистом виде. И это было только началом.

Одну за другой открывали учёные тайны витаминов. Их извлекали из различных продуктов питания и даже научились изготовлять искусственные.

Теперь каждый школьник знает о витаминах. Их можно купить в любой аптеке.

И вот именно теперь, когда эти недавние незнакомцы приобрели такую широкую популярность, справедливо вспомнить об одном учёном, работавшем в городе Юрьеве в восьмидесятых годах прошлого века.

Звали его Николай Иванович Лунин. В чём же его заслуги? Проделывая опыты над мышами, он обратил внимание на любопытный факт. Мыши, вскормленные натуральным молоком, росли и развивались. А другие мыши, питавшиеся смесью белков, жиров, углеводов, точно таких же, какие есть в молоке, погибали.

Много раз проверив свои наблюдения, молодой учёный сделал неожиданный для того времени вывод. Он заявил, что наша пища, кроме уже известных составных частей: белков, жиров, углеводов, солей, воды, содержит ещё нечто неизвестное, какие-то неведомые вещества, которые нужны в очень маленьких количествах, но без которых невозможна жизнь.

Это было первое слово о витаминах. «Неведомые вещества» были открыты в дальнейшем развитии науки. Они получили свои «имена», выяснилось точное местожительство каждого из них, характер и особенности поведения. Имена их кратки: A, B, C, D, PP... Но за каждой из букв этой чудесной витаминной азбуки — здоровье, трудоспособность, бодрость, жизнедеятельность...

А строгие экзаменаторы-учёные продолжают своё благородное дело. Они с тем же упорством допрашивают природу, стремясь вырвать у неё ещё не открытые тайны ещё не известных нам витаминов.

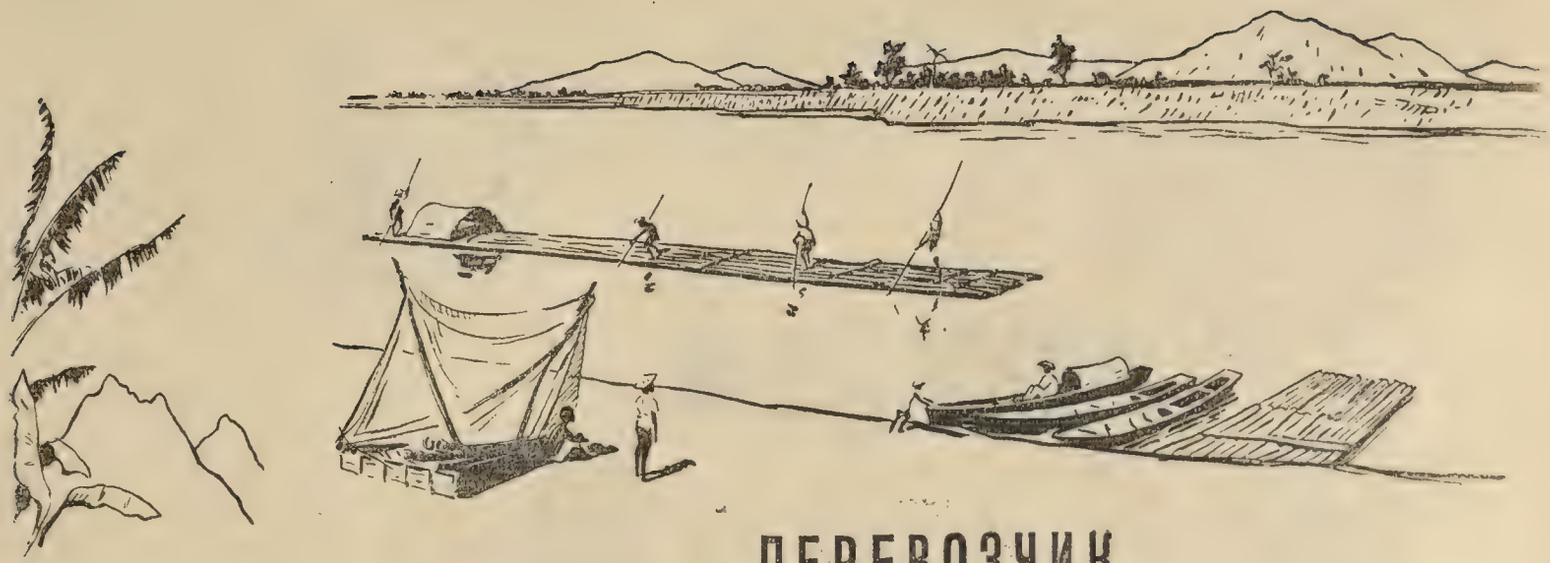
ДЕТИ „СТРАНЫ ЮГА“

РУДОЛЬФ СЛАВСКИЙ

В кровопролитной восьмилетней борьбе с французскими оккупантами народ Демократической Республики Вьетнам отстоял свою свободу и независимость, завоевал для себя и своих детей право быть хозяевами на родной земле.

С каждым днём всё более и более крепнут связи между народами Советского Союза и мирным Вьетнамом.

Недавно в «Стране юга» — как вьетнамцы называют свою родину — побывала группа деятелей советской культуры. Участник этой поездки лауреат Всесоюзного конкурса артистов эстрады Р. Славский вёл путевой дневник. Мы публикуем его маленькие рассказы о детях Вьетнама.



ПЕРЕВОЗЧИК

Едва рассветёт, тринадцатилетний Нгуен Ван Лай с вёслами на плече спешит к реке. Начинается рабочий день лодочника-перевозчика.

Лай проворнее других перевозчиков. Они ожидают у берега, пока подойдёт желающий переправиться на другую сторону, а Лай — хитрый, он держится середины реки: отсюда быстрее доберёшься к тому и другому берегу. Только пассажир спустится к реке, Лай уже тут как тут. Выскочит из лодки, проворно погрузит вещи и мигом доставит, куда надо.

Есть у Лая постоянные пассажиры: двое крестьян-зеленщиков, неразговорчивый фининспектор с брезентовой сумкой, полной бумаг, работницы — пожилая и трое молодых девушек — все четверо с цементного завода. От них Лай узнал, что завод при помощи советских специалистов только что восстановлен и начал выдавать первую продукцию.

Ещё каждый день перевозит он мальчишку-школьника, сына хозяина слесарной мастерской. Кому-кому, но этому пассажиру Лай просто-напросто завидует. Как бы и ему, Лаю, хотелось по утрам ходить в школу, играть до начала уроков со сверстниками в «резинку»! В свои тринадцать лет он посещал школу всего два года. Война унесла отца Лая и обоих братьев. Мальчик остался кормильцем семьи. Вот почему он не может пока ходить в школу. Но дело-то идёт к лучшему, даже слепому это видно. Придёт день, и Лай утром побежит не к реке, а, как все дети, в класс...

Часам к двенадцати, в пору самого пекла, когда жизнь в городе на дорогах и по берегам замирает, Лай ложится

на дно лодки, закрывает лицо широкополой шляпой и, ухватив ступнями ног вёсла, таким образом не спеша гребёт вверх по течению.

Недавно в такой знойный час его неожиданно окликнули с берега. Человек в кителе защитного цвета с тропическим шлемом на голове спросил:

— Будешь возить уголь из Хон Гая?

— Куда возить? — солидно спросил Лай.

— На цементный.

Так у Лая появилась постоянная работа. И выполняет он её со всей добросовестностью, хоть и нелегко вести лодку, полную угля, против течения, да ещё в такую жару, когда мокрая рубаха липнет к телу, а сухие губы трескаются. Но почему Лай всё-таки не бросит эту тяжёлую работу? А какой вьетнамец, будь он хоть тринадцатилетним мальчишкой, не знает, как нужен сейчас их разорённой войной стране цемент: возводить мосты, здания, восстанавливать вокзалы, и какой вьетнамец не сделает для этого всего, на что он способен?!

ГОЛУБАЯ РУЧКА

Каждый день, в час самых коротких теней, Лэ Нгок выходит из дома. В руках у девочки узелок. Она проходит по мосту через реку Красную, сворачивает за угол и подходит к зданию конторы. Здесь работает её отец.

Когда в городе хозяйничали французские оккупанты, отец Лэ Нгок никак не мог найти работу.

За что только не брался он, чтобы семья не умерла от голода! Теперь, когда власть в Хайфоне перешла в руки самого народа, нашлось дело и её отцу, и каждому безработному.

Под потолком большой комнаты вращаются два пропеллера. Если встать под ними, обдаёт свежим бодрящим ветром — после зноя улицы это так приятно. В комнате много столов и за каждым человек.

По обычаю, девочка желает всем «вечно быть молодыми и весёлыми». Все приветливо улыбаются ей, все знают, как славно поёт маленькая Лэ Нгок.

— Слышали, слышали, как ты вчера выступала по радио,— говорит пожилой бухгалтер, а его сосед, весельчак дядя Ан, добавляет, обращаясь к отцу Лэ Нгок:

— Дочка-то у вас и в самом деле скоро самое Хоа Там заменит...

От таких слов Лэ Нгок смущённо опускает глаза и начинает усердно копаться в узле, вынимая обед.

— Как сегодня? Какие отметки? — тихо спрашивает отец.

— Девять и семь... (Во вьетнамских школах десятибалльные отметки: от ноля до десяти.)

Отец хвалит её. И хотя девочка рада похвале, ей кажется, что сегодня отец слишком медлителен. А у неё совсем нет времени: нужно скорее выучить уроки и поторопиться на репетицию. Опаздывать нельзя, она же староста хора. А главное,— новая песня. Мысли об этой песне всё время не выходят из её головы, и, придя под вечер в отряд, Лэ Нгок с тревогой говорит своему другу Дыку:— А вдруг я забуду слова!..

— Ну, что ты,— спокойно и шутливо отвечает Дык,— споёшь, как соловей. Пока не все собрались, давай повторим.

Дык достаёт из футляра гитару и берёт первые аккорды. Лэ Нгок вступает: «Друзья, люблю я Ленинские горы...» Эту песню привёз Дык. Он был делегатом Всемирного фестиваля молодёжи. Напевная и раздольная песня сразу же захватила Лэ Нгок своей необычайной мелодией. Вот только русские слова ей долго не давались.

Всё больше и больше ребят подходят послушать Лэ Нгок, даже самые озорные тихо садятся в сторонке.

Пришла вожатая и сказала:

— В наш город прибыли советские моряки. Они привезли специальные машины, чтобы очистить устье от ила...

Даже самый маленький житель Хайфона знает, как много красноватого ила наносит с верховьев река Красная. Колонизаторы годами не чистили устье, и оно совсем обмелело. И вот теперь пришла помощь от советских людей. Большие пароходы снова смогут заходить в их город.

— Завтра наш хор будет выступать перед советскими друзьями,— сказала вожатая,— готова ли твоя песня, Лэ Нгок?

Сейчас, накануне такого ответственного выступления, девочкой овладела неуверенность: а вдруг она забудет слова, провалится, опозорит отряд, который носит имя героини Народной армии Нгуэн Тхи Тьен? Это волнение

не покидало её и когда автобус с юными артистами въехал в порт, и когда она вышла на залитую светом сцену.

— Всё будет хорошо,— еле слышно подбодрил её Дык и заиграл вступление.

Вначале она спела песню «Дети южного Вьетнама».

Мы, как птицы, летающие над золотым рисом.
Когда объединятся Юг и Север, мы пригласим
«Дядю Хо» и будем все вместе веселиться...

Слушателям понравилась трогательная мелодия и проникновенное пение пионерки. Ей дружно аплодировали. Это очень подбодрило Лэ Нгок. Смуглые щёки её разрумянились, в глазах засверкали искорки. Она даже не заметила, как объявили «Ленинские горы», и, спохватившись в последнюю минуту, чуть-чуть не пропустила вступление.

Нет, она ни разу не сбилась. Голос лился легко и переливчато. Может быть, только трудные русские слова она не очень хорошо произносила. Но гости всё поняли. Они так сильно принялись хлопать в ладоши, что Лэ Нгок растерялась. Надо бы уйти, но она неумело кланялась и теребила кончики галстука.

— Спой ещё раз,— тихо сказал Дык.

Она повторила песню, а потом, когда объявили окончание концерта, забилась в дальний угол. Там её и отыскали подруги.

— Иди скорей, тебя все ищут.

Широко улыбаясь, навстречу ей шли трое советских моряков. Самый высокий, в кителе, поднял девочку над головой. Спросил, как её имя.

— Лэ Нгок, а по-русски — Драгоценный камень,— ответил переводчик.

Моряк сказал, что далеко-далеко отсюда, в советском городе Одессе, у него есть такая же девочка, его дочь, и она тоже любит петь «Ленинские горы». Есть ли у Лэ Нгок братья и сёстры?

— Да, есть семеро младших сестёр.

— И все они, наверное, поют хором?

— Нет, хором они только плачут,— ответила Лэ Нгок, и моряки расхохотались. А тот, кто держал её на руках, стал искать у себя в карманах: он хотел подарить что-нибудь девочке. Но ничего подходящего у него не оказалось. И тогда он подал ей ручку, голубую ручку «вечное перо» с тремя золотыми ободками. Лэ Нгок растерялась и не

брала её, а он зажал ей в кулачок и сказал:— Возьми на память, напишешь письмо моей дочурке в Одессу.

Тогда Лэ Нгок сняла галстук и повязала его на шею советскому моряку, и все, кто там был, начали улыбаться и аплодировать.

ПОЕЗДКА В ДЖУНГЛИ

Как-то за обедом наши вьетнамские друзья сказали: «Завтра во Вьетбаке вы встретитесь с джунглями».

О Вьетбаке — крае непроходимых джунглей — мы слышали давно. Вьетнамцы говорят о нём: «Наша революционная база». В дни, когда пламя сопротивления охватило вьетнамскую землю, там скапливались отряды патриотов-мстителей. Со всех сторон стекались люди к горам Вьетбака. На плечах они несли части машин и станков, чтобы там, в недоступных для врага местах — в пещерах и землянках, создать «кузницу обороны». Вырубая секирами в диких зарослях проходы, шаг за шагом продвигались вглубь целые семьи патриотов. Путь их прикрывали «летучие группы» охотников, вооружённых луками с отравленными ядом стрелами. Настал час, и солдаты революции хлынули в долины, словно могучая горная река, усиленная тысячью притоков. Ничто не смогло остановить эту сокрушительную лавину.

И вот теперь предстояла встреча с этим легендарным краем.

Я спросил у переводчика Суэна, что значит слово «Вьетбак»?

Он ответил:

— Вьет — это и земля, и край, и можно также сказать — страна, а бак, по-нашему,— север.

Я тут же вспомнил, что Вьетнам переводят как «Страна юга», значит, Вьетбак — земля севера, а ещё лучше — северный край.

Наша машина катила по шоссе к Вьетбаку. Всюду, куда ни взглянешь,— вода, вода, словно сверкающие на солнце осколки зеркал, мозаичные края которых окантованы бурыми глинистыми валиками. Вдали — зелёные островки деревень.

По взмутнённой воде продвигаются фигуры косцов. Головы повязаны тёмными косынками; лоснятся обнажённые мускулистые спины. В левой руке — палка. Ею пригибают колосья, а правой, сжимающей острую «зау

фат», похожую на саблю, энергичными взмахами с плеча подсекают рисовые стебли.

Чем дальше на север, тем всё жарче и жарче. К раскалённому кузову машины уже не притронуться. Сидим разморённые, взмокшие, а весельчаку Хау — нашему водителю, бывшему фронтовику — хоть бы что: поёт, легонько покачиваясь.

Пошли заброшенные поля, безводные, изборождённые густой сетью трещин. Набежала железнодорожная насыпь, потом исчезла и снова вынырнула из-за гряды холмов.

— Ханой — Лао Кай,— обернувшись, говорит Хау и многозначительно подмигивает.

О строительстве этой дороги, которая свяжет столицу с городом Лао Кай, что граничит с Китайской Народной Республикой, я слышал от Хоань Мин Чина — генерального секретаря Вьетнамского союза трудящейся молодёжи. Он назвал её молодёжной стройкой. С огромным подъёмом прокладывают «дорогу дружбы» молодые путейцы. Нет деревни или города, которые не выделили бы молодёжной стройке своих посланцев. Товарищ Чин вспомнил, как империалисты двадцать лет строили ветку к Нам Куано, протяжённостью менее двухсот километров, а «дороге дружбы» — всего год, и длиннее она раза в два с половиной.

Дорога круто сворачивает влево, и вдруг открывается широкая панорама: всё пространство кишит несчётной армией тружеников. Юноши, девушки, все с коромыслами и все под широкополыми шляпами вереницами снуют по долине. Где-то далеко у бугра наполняют они землёй свои корзины на длинных пружинистых стропах и торопливо, мелкими шажками бегут к насыпи, ритмично взмахивая рукой. Длинные цепочки тёмных фигур с коромыслами текут в обратном направлении. Удивительное зрелище!

Пейзаж стал меняться: всё больше на горизонте холмов. И вот уже в отдалении потянулись сизые горные цепи. Слева и справа от дороги возникли среди буйной травы склепы дотов — приземистые серые бетонные черепа с мёртвыми глазницами. Они идут поясами, по строго разработанной системе. Сосчитать их невозможно: серый пунктир теряется где-то в горах. И эти пристрелянные неприступные пояса преодолели отвага, гнев и беззаветная любовь к родине вьетнамских солдат!

На привале переводчик, указав на высокую гору, объяснил:

— Кон Вой — гора Слон. Ворота Вьетбака. Объедем эту гору, считайте, что вы во Вьетбаке.

Солнце стало опускаться за гору. Крошечные силуэты деревьев на вершине слоновьей спины показались нам вздыбленной шерстью сказочного животного.

Вьетбак! Край могучих горных кряжей, поросших непроходимыми чащобами, край одиннадцати национальностей, густонаселённых провинций с их долинными городами.

Это сельскохозяйственный район. Здесь сеют маис, специальный сорт горного риса — лус мо, а также маниоки — этот «картофель бедных», кстати, очень урожайный. В годы войны, когда на рисовых полях из-за обстрела работать было невозможно, а те поля, на которых удавалось всё-таки вырастить злаки, сжигались напалмом, плодовитый маниок заменял рис и хлеб. Длинные, с детскую руку клубневидные корни маниока, отваренного с солью, напоминают вкусом печёный картофель.

Нас угостили клубнем какого-то растения, очень похожего на чесночную головку, но втрое крупнее. Это — куа дау. Кожура с куа дау отдиралась очень легко. Белая, сочная мякоть на вкус удивительно напоминает молодую фасоль. Постоянно видишь ребятишек, да и взрослых, аппетитно грызущих куа дау. Этот плод вместе с маниокой в тяжёлые времена спасли народ от голодной смерти.

Мы посетили несколько плантаций, в том числе и кофейную. Я впервые видел кофейное дерево. Его крупные листья своей овальной формой и глянцевитостью походят на домашний фикус. Среди густой кроны к узелкам веток пучком прилепились четыре-пять зелёных шариков.

По всему южному склону расположены ступенчатые террасы ананасных плантаций. Раскалённая, выжженная солнцем красноватая земля, а на ней — несчётные ряды белёсо-зелёных кустов. Их заострённые листья, как шпаги, пронзили сухую почву и вылезли на полметра, чтобы оберегать своими устрашающими лезвиями «царя плодов» — ананас. Чешуйчатый, бронзовотелый, один-единственный на всём кусте, на самой его вершине, он задорно вскинул зелёный хохолок. Если срезать эту верхушку и посадить в почву, то уже на второй год он станет белёсо-зелёным кустом, вершину которого украсит спелый ананас с таким же задорным хохолком. И кто бы подумал, что плод с таким тонким ароматом, такой сочный столь неприхотлив: он

может вызревать и наливаться соками без поливок,— ему хватает дождевой влаги.

Воздух наполнен свистом, переливчатыми трелями, гортанным щёлканьем, резкими выкриками попугаев.

Чем дальше мы поднимались в гору, тем гуще становился лес, причудливей растения и всё больше свисающих лиан преграждали путь. Как причудливо они переплелись, как заткали ветви и стволы сплошной паутиной! Суэн подтянул к себе толстую, как рукоять лопаты, лиановую плеть, опоясанную кольцами.

— Это кай сонг — самая прочная из лиан,— пояснил он.

Вьетнамцы находят много применения лианам: ими связывают плоты, плетут сети на зверей, крепят джонки к причалам. Не раз мы видели на реках, как по лиановому канату, протянутому от берега к берегу, передвигаются паромы.

Первым в цепочке с автоматом на груди шёл Хау — наш водитель, за ним — Суэн. Кто-то из нас дрогнувшим голосом упомянул о тиграх. Наш переводчик Суэн, сын охотника, обернулся и с мягкой улыбкой покачал головой. Жест этот мы поняли как: «Ничего опасного».

— Но, по возможности, не следует прикасаться к растениям,— предупредил он,— среди них встречаются ядовитые, есть и такие, что могут ранить своими неприметными лезвиями.

Я старался держаться поближе к Суэну. То и дело он сообщал что-нибудь любопытное о растениях и обитателях джунглей. Вот высоченное дерево кей гау. Весной оно покрывается крупными пунцовыми цветами, а к концу лета будет сплошь увешано коробочками с ватой.

— Мы зовём его — «народный хлопок». Мягкий, тёплый,— Суэн улыбнулся,— бесплатный. Делаем подушки, одеяла.

Но сорвать ватные коробочки, оказывается, не так-то просто. Чешуйчатый ствол кей гау весь унизан шипами.

— На юге,— рассказал Суэн,— вату собирают специально выдрессированные обезьяны.

— А если нет обученной обезьяны?

— Тогда нужно ждать осени. «Хлопок» сам упадёт в руки. Только будет он уже не такой хороший.

Захватывающе интересно рассказывал Суэн об охоте на тигра с лиановыми сетями. На такую охоту выходят целыми селениями. На бамбуковых подпорках растягива-

ется длинный сетчатый забор высотой в два человеческих роста — чтобы тигр не мог перепрыгнуть. У забора остаются самые опытные и хладнокровные охотники. Остальные с громкими криками, громыхая тазами, под неистовый собачий лай, сжимая кольцо, гонят зверей к сетям. И тут наступает самое ответственное — выдернуть подпорки, накрыть разъярённое кабанье стадо или тигра.

Тем временем частокол стволов несколько расступился. Через мелколесье мы вышли к зелёной, пышущей зноем поляне, покрытой высокой травой. Откуда здесь, среди непроходимой чащи, эта поляна? Может быть, разрыв бомбы, а может, баллон с напалмом выжег эту прогалину.

И вдруг, застыв от неожиданности, мы увидели, как через поляну, в каких-нибудь пятнадцати шагах от нас, летит не птица, а какое-то животное, каштановой окраски, величиной не больше кошки. Оно не взмахивало, как птица, крыльями, а скатывалось, наклонно скатывалось по воздуху. Но по бокам можно было заметить какое-то подобие крыльев. Полёт его был довольно долгим. Я успел разглядеть вытянутую крысиную морду странного животного, пока оно не скрылось в зарослях на другом конце поляны.

Вьетнамцы шумно засмеялись, увидев наш испуг. Потом заговорили все разом. На удивлённые вопросы Суэн ответил:

— Как сказать... это зверь такой, летающий. Здесь их много. Может летать так,— Суэн рукой прочертил в воздухе нисходящую линию,— больше ста метров. Бегает по деревьям быстро-быстро. Мы зовём хи бай; как будет по-вашему, потом посмотрю в словаре.

Хау с иронической улыбкой на губах что-то сказал Суэну, и это вызвало у вьетнамцев дружный смех.

— Хау говорит, что хи бай — жулик, очень любит таскать бананы.

«Летающий зверь» оказался шерстокрылым. Летать ему помогают перепончатые складки по бокам сигарообразного тела.

Уже при возвращении к машинам кто-то заметил среди почти выгоревшей под солнцем травы юркую змейку длиной с карандаш. Это было почти у самых моих ног. Вьетнамцы, увидев её, всполошились, встревоженно заговорили. Суэн кинулся искать камень. Хау ударил змею прикладом автомата, но не попал. Гибко извивающаяся змейка метнулась в сторону. Кто-то попытался раздавить её каблуком. Смельчака резко остановили. По возбуждённым

лицам наших друзей было видно, что извивающийся «карандаш» далеко не безобиден.

Но вот приклад рассек змею пополам. Вот она лежит на горячем крыле газика. Можно безопасно её рассмотреть. У головы и хвоста по две лапки с пятью хищно растопыренными «пальцами» — как острия игл. Тускло отливает серебром чешуйчатое брюшко; недаром она называется «серебряной змейкой». Нам объяснили, что укус зан-зун — серебряной змейки смертелен и что нет средств борьбы с её сильнейшим ядом.

— Ну, как джунгли? — спросили нас по возвращении.

— Страшновато,— простодушно сознались женщины.

Вьетнамцы деликатно улыбались.

САМЫЕ ЮНЫЕ АРТИСТЫ ВЬЕТНАМА

«Самые юные артисты Вьетнама» — называют их здесь. Одиннадцатилетний Туань замечательно танцует. Играет он и в спектаклях. Мальчик Там из пьесы «Разгорается огонь» — лучшая его роль.

Тхиэн, чьё имя означает—Доброта, больше всего любит петь. Девочка на редкость музыкальна. У неё светлый, покоряющей чистоты голос. Её часто приглашают в резиденцию Хо Ши Мина. Члены правительства любят слушать задушевное пение Тхиэн.

Она выступает в ансамбле вместе со взрослыми артистами, а днём занимается в школе.

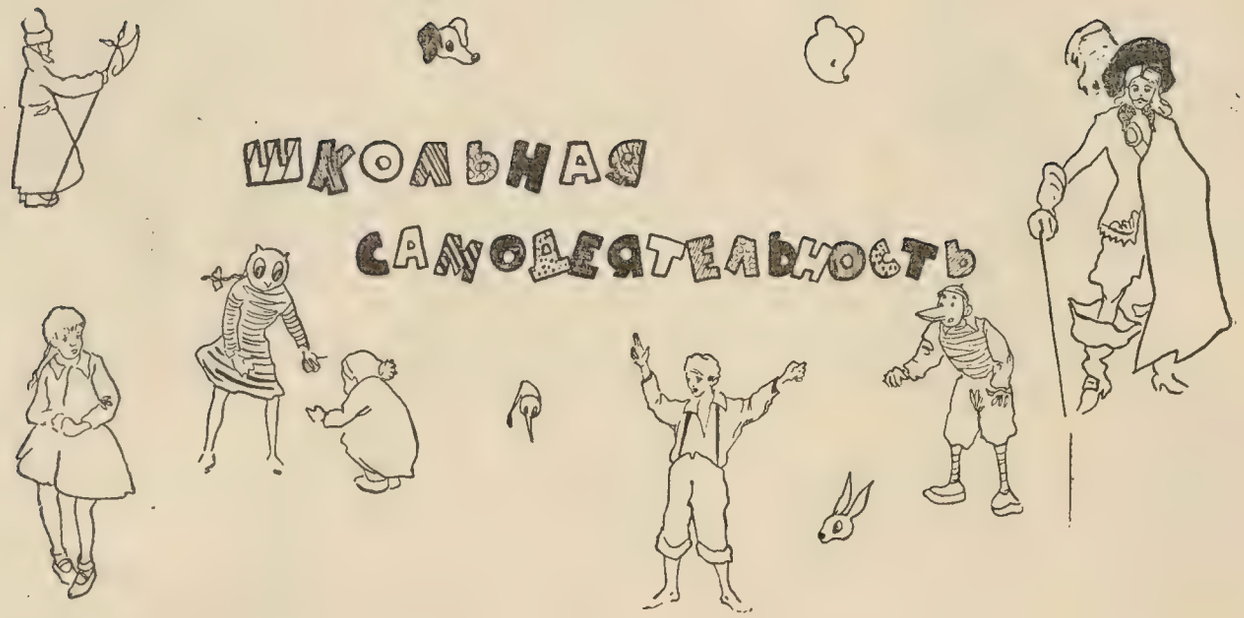
Через каждые пять-семь дней мы возвращались в Ханой из поездок по стране, и всякий раз Туань и Тхиэн поджидали нас на каменных ступеньках крыльца «нашего дома» — бывшего французского колледжа. Но прежде чем подойти поздороваться, оба лихо, как заправские солдаты, одёрнут свои военные кители, Туань бегло оглядит защитного цвета брюки, поправит воинскую фуражку с лаковым ремешком под подбородком, а Тхиэн притронется к зелёному берету, какие носят армейцы, отдадут, пристукнув каблуком, честь и тут же бросятся на шею.

При расставании на перроне Туань сунул что-то в мою руку. «Что-то» оказалось платком, искусно расшитым самим Туанем. Потом, жестикулируя, он пытался высказать какую-то мысль: сначала ткнул себя в грудь, затем стал сужать вытянутые вперёд ладошки и опускать их в мой

карман. Но я никак не мог его понять. У мальчугана вырвался возглас досады, он снял свой военный картузик, почесал макушку и стал искать глазами вокруг, потом, чтобы дальше видеть, взобрался на подножку вагона и внезапно ринулся в плотную толпу. Через какую-нибудь минуту он вытащил оттуда переводчика.

— Туань говорит,— расшифровал Суэн жесты мальчика,— что он маленький. Пусть его положат в карман и привезут в Москву. Это его самая большая мечта.

Я думаю, что эта мечта сбудется. Он увидит Москву, и москвичи увидят его, мы обязательно встретимся! Весь мир будет у нас в гостях на Всемирном фестивале молодёжи и среди них — желанные друзья из Вьетнама — страны палящего солнца, вечнозелёных деревьев и горячих сердец, страны, самоотверженно строящей новую свободную жизнь.



РЕПЕТИЦИЯ

Комедия в одном действии

ИВАН КЫЧАКОВ

Действующие лица:

Володя, Лен, Ваня, Зина — шестиклассники.

Олежка — восьмиклассник.

Комната драматического кружка. В углу — стол с гримом, париками, рупором и т. п. Зина стоит в раздумье, опустив голову, пальцы её нервно теребят фартук. Но вот она гордо вскинула голову, глаза ее засверкали...

З и н а. Нет! Больше я терпеть не буду! (*В комнату входит Володя.*) И я говорю тебе: вон! (*Зина резко поворачивается к двери.*) Вон!!

В о л о д я. Да ты что? Рехнулась?

З и н а (*смутившись*). Ой... Я ж репетирую, Володя. Эту сцену... ну, знаешь...из второго акта.

В о л о д я. А-а... Сильно получается. У меня, даже ноги — вот так... (*Показывает, что ноги у него затряслись, ходуном заходили*).

З и н а. А остальные где?

В о л о д я. Остальные совершают путешествие в тар-тарары. (*Зина не понимает.*) Провалились.

З и н а. А ты не можешь обойтись без своих непонятных шуточек?

В о л о д я. Могу. Вполне. Лен провалился по физкультуре. Двойка. (*Показывает на пальцах.*)

З и н а (*покачав головой*). Неприятно.

В о л о д я (*небрежно*). Пустяки. Это — только цветочек, после которого, по законам ботаники, появляется... что?

З и н а. Ну, ягодка. Ну, не тяни.

В о л о д я (*величественно и строго*). Лен в спектакле участвовать не будет.

З и н а. Почему?

В о л о д я (*в том же тоне*). Совет дружины принял решение (*растягивая слова*): всех, кто имеет двойки, из кружков — фью-юить! (*Выразительный жест: долой!*)

З и н а. Ты серьёзно?

В о л о д я (*просто, сердечно*). В том-то и дело, Зинок, что вполне серьёзно. Такая, понимаешь, неприятность!

Входит мрачный, злой Лен.

З и н а (*Лену*). Значит, двойка?

Л е н. Нет, значит, не двойка! (*На лице Зины радостное недоумение.*) Две единицы, соединенные знаком плюс. Одна — по прыжкам, другая — по бегу.

З и н а. Эх, ты!

В о л о д я. Выражаясь коротко,— растяпа.

З и н а. Тебе хоть немножечко-то стыдно?

Л е н. А что — «стыдно»? Я прыгаю, а рейка падает. Прикрепить толком не могут.

Володя. Ну, а бег?

Лен. А что — «бег»? Подумаешь, стометровка! Я к таким дистанциям не привык. Как дали старт, я сразу взял темп, так... километров на двадцать. Ну и вот...

Зина. Ты знаешь, что решил совет дружины?

Лен (*махнув рукой*). Знаю!.. (*Отходит, сумрачный, садится в стороне. Входит Олежка.*)

Олежка (*поправляя очки и близоруко щурясь*). Я, видимо, чуток опоздал? Давно ждёте? Ну, извините. Начнём? Если не ошибаюсь, на очереди у нас сцена в парке.

Володя (*трагически*). Увы, великий режиссёр, ты ошибаешься!

Олежка. То есть?

Володя. На очереди у нас сцена прощания.

Олежка. Какая сцена прощания? С кем? Кто её выдумал?

Володя. Её выдумал величайший трагик нашего времени Лен Помазкин, а прощаться мы будем...

Зина (*перебивая*). Вечно он скоморошничает! (*Олежке.*) Лен получил двойку по физкультуре. А у кого плохие оценки, тот не может участвовать в кружке.

Олежка. Лен, это правда? (*Лен подавленно молчит.*) Вот так оказия!.. Но что же делать? Кем мы его заменим?

В дверь стучат. Входит Ваня.

Ваня. Драматурги здесь занимаются?

Зина. Какие драматурги?

Олежка. Здесь занимается драматический кружок. А тебе кого нужно?

Володя. Комиков (*изображает комика*) или трагиков (*изображает*)?

Ваня. Мне проводку осмотреть. Я из электротехнического кружка.

Олежка. Ну, осматривай. Только тихо. (*Олежка подошёл к Лену, покачал головой, начал листать книгу. Ваня осматривает проводку, он ею недоволен; начинает выгружать из карманов на стол мотки и моточки провода и проволоки, отвёртку, шурупы, кусачки и другие вещи.*)

Володя (*Зине*). Знаешь, кто это? Это — Электро-Ван. Знаменитый мастер электротехники, пиротехники, светотехники и другой прочей чудо-техники.

Зина (*оглядываясь на Электро-Вана*). Ну-у?

Володя. Вот тебе и «ну»! Он нам, знаешь, как спектакль

может оформить! Только держись. В прошлом году в старой школе он однажды оформлял. Здорово! Даже пожарников пришлось вызвать...

З и н а. Ваня... Электро-Ван! (*Ваня повёртывается к ней.*) Спектакль у нас будешь оформлять ты?

В а н я. Угу-м.

З и н а. А как ты думаешь его... оформлять?

В а н я. По всем правилам. Прожектора всех цветов. Луна. Солнце. Звёзды. Фейерверк. Если надо — взрывы, выстрелы, что угодно. На полную катушку!

З и н а. А на полкатушки можешь?

В а н я. Неинтересно.

В о л о д я (*хлопая себя по лбу*). Идея! Послушайте... Олежка! Это же талантливая идея!

О л е ж к а. Что такое?

В о л о д я (*указывая на Ваню*). Рекомендую: на роль Сени вместо выбывшего в результате несчастного случая Лена.

О л е ж к а. Думаешь, он сможет?

З и н а. А верно, попробуем?

В о л о д я. Знаменитый мастер на все руки. Он — всё сможет.

О л е ж к а. Попробуем... Послушай, Ваня. Ты... У тебя с физкультурой как?

В а н я. С физкультурой у меня дружба. Пять!

В о л о д я. Я что говорил? На все руки и ноги мастер!

О л е ж к а. Ну и чудесно! Давай выручай нас. Вот, становись сюда (*Тянет Ваню за рукав.*) Представь: летний день, чудесная погода, светит солнце, птички чирикают...

В о л о д я (*изображает*). Вот так.

О л е ж к а. Ты только сдал экзамен по литературе...

В а н я (*удивлённо*). По литературе?

О л е ж к а. Ну да. И получил пятёрку...

В а н я (*ещё более удивлённо*). Да откуда ты это взял?

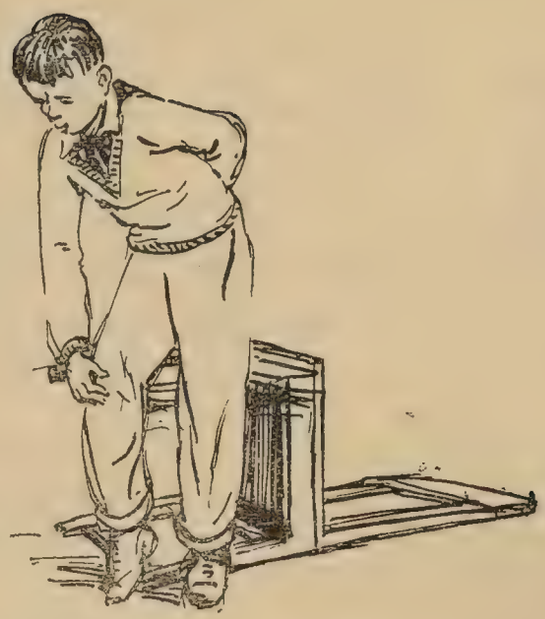
О л е ж к а. Ну, это по пьесе. Понятно?.. Ты вбегаешь на сцену, на душе у тебя радость, и ты произносишь... Зина, взгляни, какие там слова?

З и н а (*взяла текст пьесы*). «Эх, хорошо!», а потом, после паузы: «Красота!»

О л е ж к а. Видишь, какие славные слова. Значит, ты говоришь(*произносит с выражением, с подъёмом*): «Эх, хорошо!», потом — просто так, от радости — перепрыгиваешь через этот вот пень (*ставит посередине сцены стул*) и восклицаешь: «Красота!» Понял?

В а н я. Понятно. Только мне не суметь.

О л е ж к а. Ну-ну! Попробуем. *(Хлопает в ладоши.)* Начали!



В а н я *(отходит в сторону и говорит мрачным тоном, заикаясь)*. Эх, хорошо... *(Легко перепрыгивает стул.)* Эх, это... как его... красота..:

В о л о д я *(давясь от смеха)*. Красота!

О л е ж к а *(смущаясь, мягко)*. Нет, Ваня, немножко не так.

Л е н *(горячо)*. Да совсем не так!

О л е ж к а *(Лену)*. Ты не мешай. *(Володя в это время показывает Лену два пальца.)* Понимаешь, Ваня, у тебя душа должна... как бы это сказать... ликовать должна душа! Понимаешь? Ты с подъёмом говори, так: «Эх, хорошо-о!» Ну, давай ещё раз попробуем.

В а н я *(ещё более мрачно)*. Ну, и... красота.:. *(Перепрыгнув через стул.)* Ничего хорошего!

З и н а. Действительно, хорошего мало.

Л е н *(не вытерпев)*. Да разве так надо?! Вот смотри. Вот я вбегаю... Эх, хорошо! *(Пытаясь перепрыгнуть через стул, падает; говорит бодро и радостно.)* Красота!

В о л о д я. Пенёк — не рейка.

Л е н. Да ну вас! *(Потирает колено.)*

В а н я. Ну что, всё, что ли? Я... Мне надо провод изолировать.

О л ё ж к а. Ты подожди. Не унывай. Даже у настоящих актёров бывают неудачи. Попробуем другую сцену, с Маней. Зина, иди сюда.

В а н я. Никакой мне Зины-Мани не надо. Не буду я...

О л е ж к а. Да ты сознательный или несознательный? Ты понимаешь, какая на тебе ответственность, или не понимаешь?.. А ну, Володя, организуй декорации второй картины. *(Володя и Зина передвигают стол и стулья.)*

Л е н. Эх, уж этот совет дружины!..

З и н а. Не смог за тебя нормы по прыжкам сдать?

Л е н. Ты не издевайся. У меня и так сердце слабое.

В о л о д я. Ещё бы! Как выпьешь шесть стаканов газировки с сиропом, так и пыхтишь, как паровоз.

Л е н. А ну вас!..

В о л о д я. Готово, товарищ режиссёр!

О л е ж к а. Начинаем. Значит, так. Маня сидит за сто-

лом... Зина, садись. (*Зина усаживается за стол.*) И читает книгу... Так. А Сеня,— это, значит, ты, Ваня,— расхаживает по комнате и повторяет заданное на дом стихотворение «Зимний вечер».

В а н я. Это какой «Зимний вечер»?

О л е ж к а. Ну, «Буря мглою небо кроет...» Итак, изобразим. Зина, сосредоточься. (*Зина усаживается поудобнее, затыкает уши.*) Только, Ваня, с выражением. Начали.

В а н я (*шагает, высоко поднимая колени, и читает, подвывая*):

Бу-ря мгло-ою не-ебо кро-оет...

О л е ж к а. Минутку, Ваня, постой. Зачем ты завываешь?

В а н я. Так сам же ты сказал: с выражением. Вот я и выражаю... бурю.

Л е н. Ты не выражаешь! Ты воешь! Надо вот так:

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя.
То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя.

Понятно? А то (*передразнивает*): «Бу-уря мгло-ою...».

В а н я. Ну ладно... (*Олежке.*) Снова?

О л е ж к а. Давай. Только попроще. И не растягивай, не тяни.

З и н а (*убирая руки от ушей*). Скоро моя реплика?

О л е ж к а. Сосредоточься. Ваня, начинай.

В а н я (*мелко шагая, говорит скороговоркой*):

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя.
То, как зверь, она заплачет,
То завоет, как дитя.

О л е ж к а. Ва-аня! Разве можно так перевирать классиков?

В а н я. Я Лермонтова плохо знаю.

Л е н. Да это же Пушкин! Пуш-кин!!

В а н я. Ну, всё равно. У меня по литературе двойка.

Н е с т р о й н ы й х о р. Ого! Вот так на! Чудо техники!

З и н а (*отнимая руки от ушей*). Что такое, что?

В о л о д я (*Зине, указывая на Ваню и Лена*). Позвольте представить: родственники из вымирающего племени двоечников.

Л е н. По литературе — и двойка! (*Пожимает плечами.*) Не понимаю.

В а н я. А у тебя по физкультуре — и двойка. Тоже непонятно.

О л е ж к а. Но что же нам, братцы, делать?

З и н а. Спектакль срывается. Эх!..

О л е ж к а. Н-да, неприятность..:

Л е н (*мрачно*). Ладно. Если уж этот (*показывает на Ваню*) великий актёр так вам нужен, я берусь подтянуть его по литературе. Уж я за него возьмусь!..

В а н я. Какой я актёр..: Вот по физкультуре тебя подтянуть я могу. Всё-таки (*тычет себя в грудь*) пятёрка!..

О л е ж к а (*соображая что-то*). Обождите-ка..:

В о л о д я. Это же талантливая идея! Чудесное дело! Называется: вза-и-мо-помощь. А?

З и н а. И верно, ребята!

Л е н (*со смехом изображая угрозу*). Уж я тебя подтяну!

В а н я (*в тон ему*). Ну, и я постараюсь!

О л е ж к а. И спектакль тогда всё-таки состоится!

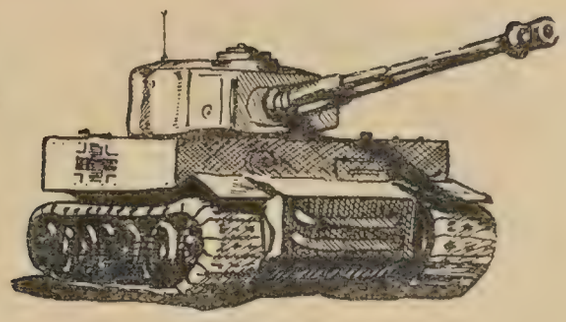
З и н а. А двоек не будет.

В о л о д я. Я же говорю (*тычет указательным пальцем в собственный лоб*) — талант!

ЗАНАВЕС

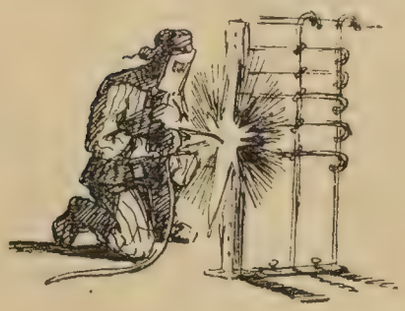
СЛОВА-ТЁЗКИ

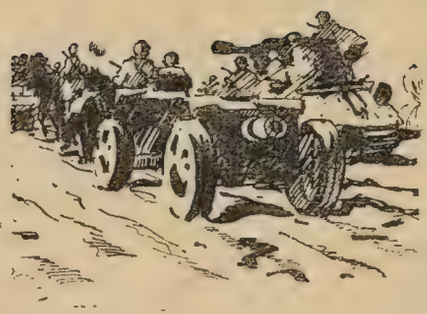
НИКОЛАЙ МЯЧИН



Однажды в редакцию поступило любопытное письмо. В нём говорилось:

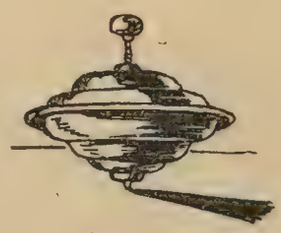
«Дорогая редакция! Недавно я читал одну книгу и встретил в ней такие выражения: «бить челом», «пожертвовать животом своим», «калину с малиной вода поняла».





Прошу объяснить мне, что эти выражения обозначают.

Как может вода «понимать» калину с малиной? Разве у калины с малиной язык есть, а у воды ум? Или как можно пожертвовать животом, то есть подарить живот? Кому такой подарок нужен? Нельзя, мне кажется, и бить челом. Ведь чело — это отверстие у печи.

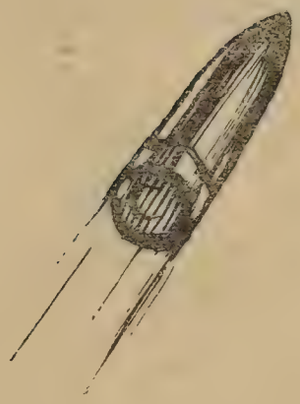


Я всегда обращался с такими вопросами к нашему учителю, но сейчас каникулы, его нет в школе. Поэтому прошу вас ответить мне.

Ученик 3-го класса *Петя Точкин*».

Пете по нашей просьбе отвечает учитель Николай Иванович Мячин.

«Дорогой Петя! Ты спрашиваешь, может ли вода «понимать» калину с малиной? Оказывается, может. В некоторых областях нашей страны слово «понимать» означает «за-



ливать». Вспомним-ка стихи Некрасова про дедушку Мазая и зайцев. Там есть такие слова:

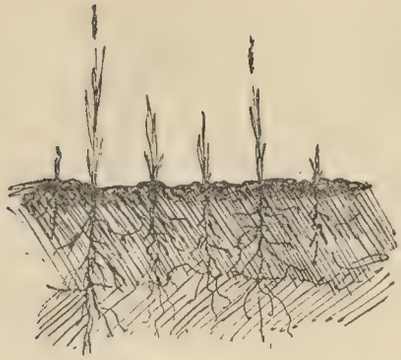
Всю эту местность вода понимает,
Так что деревня весною всплывает,
Словно Венеция.

Выходит, что и калину с малиной может вода понимать.

Несколько значений имеет и слово «живот». Одно значение слова ты знаешь, а раньше оно употреблялось ещё и в значении «жизнь». Отсюда и такие выражения, как «пожертвовать животом своим», «не щадить живота своего», «биться не на живот, а на смерть».

Слово «чело» означает не только отверстие печи, но и лоб. «Бить челом» — значит, униженно просить, кланяться так низко, что при этом лоб о землю ударяется.

Таких слов, как «живот», «чело», имеющих не по одному, а по несколько значений, в нашем языке очень много. Например, слово «нос» первоначально обозначало только

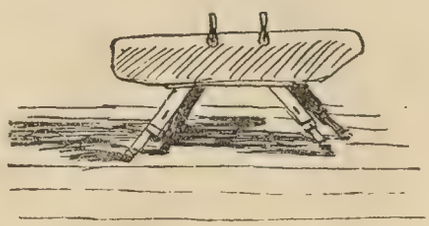


орган обоняния, а затем (по сходству с тем, что он «выдаётся» вперёд) этим же словом стали обозначать переднюю часть корабля, мыс, острым углом выдающийся в море. Металлическое перо, которым мы пишем сейчас, унаследовало своё название от гусиного пера, которым писали в старину.

Называются такие слова-тёзки, одинаково звучащие, но имеющие различные значения,—о м о н и м а м и.

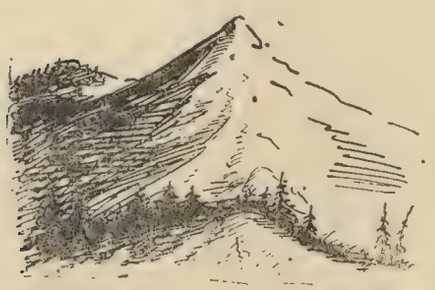
Наш язык очень богат омонимами. Тем, кто хочет лучше изучить родной язык, мы можем помочь упражнениями, вопросами, заданиями по языку.

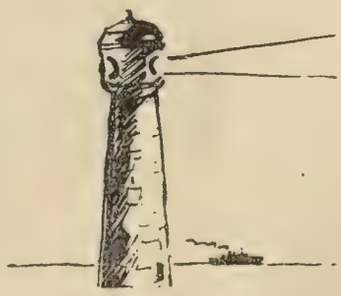
ПЕРВОЕ ЗАДАНИЕ



Начнём с имён существительных, среди которых особенно много «тёзок». Разумеется, познакомимся лишь с некоторыми из них, так как их и перечислить трудно.

1. Какие различные значения может иметь каждое из этих существительных: дисциплина, лук, марш, побег, порода, секрет, снаряд?





2. Какие одинаково звучащие существительные здесь употребляются в своём основном значении, а какие — в переносном: вершина горы и вершина славы? электрическая искра и искра надежды? свет солнца и свет знания? сноп лучей и сноп пшеницы?

3. Придумайте предложения, в которых существительные в одном случае означали бы одушевлённые предметы, а в другом — неодушевлённые. Вот эти существительные: нырок, тигр, лев, бобр, юла, петрушка.

ВЕСЁЛЫЕ СТРАНИЧКИ

РАДИО ПРОСТУДИЛОСЬ

ЛЕВ ФОЛЬВАРКОВ

Бедный дедушка хрипит.
Мама деду говорит:
— Вот, сидели у окошка—
И продуло Вас немножко.
Следует теперь Вам шею
Кутать шарфом потеплее.

Что-то радио хрипит,
Слышен голос еле-еле.
— Что случилось, в самом деле?—
Папа маме говорит.
Смотрят — дочкина работа,
Смотрят — дочкина забота:
Ящик радио она
В одеяло завернула.
— Папа! Радио продуло,
Убери его с окна.

ЗУБКИ ВЫДАЛИ

Раз приносит маме Зина
Пряники из магазина.
Подаёт — а смотрит вниз.
— Кто же пряники погрыз?

Вид смущённый у малышки:
— В магазине, верно, мышки!
— Полно, мышки ль виноваты?
Что-то зубки крупноваты!

За мною в школу

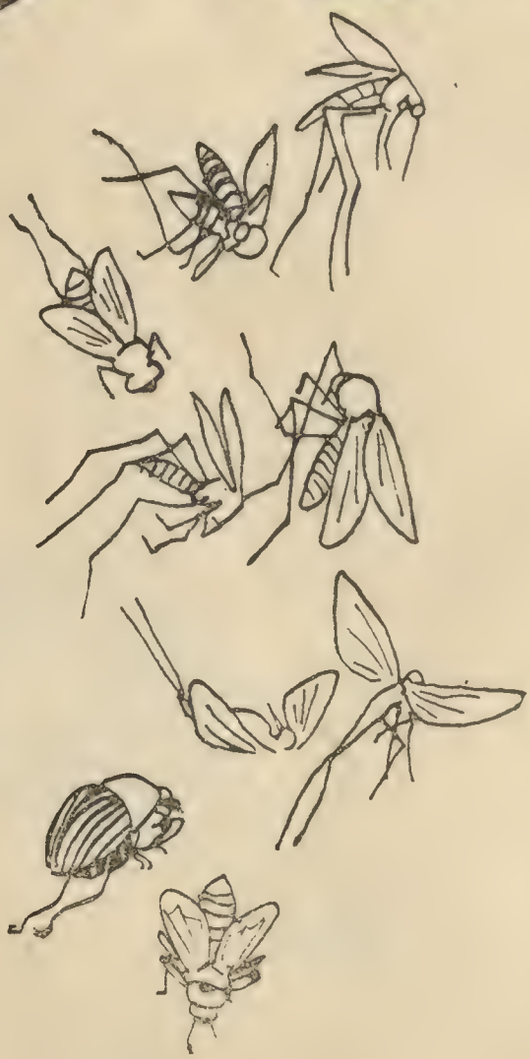
ВАЛЕНТИН БЫЧКО

Пошёл я в школу
в первый раз,
Пошёл я в школу
в первый класс.
За мной летели воробьи:
— Чу-винь, чу-вьи!..
Чу-винь, чу-вьи!..
За мною,
не жалея ног,
Бежал мой маленький щенок.
И рядом
всю дорогу вскачь
Катился
новенький мой мяч.
Я в класс вошёл
и всех забыл,—

Передо мной учитель был.
Он книжку подал мне,
а в ней,
Гляжу:
такой же воробей,
И так же,
не жалея ног,
Бежит мой маленький щенок,
А на страничке на второй
Я вижу:
скачет
мячик
мой!..

Перевёл с украинского Е. Ружанский

Замечательный улов



ЕВГЕНИЙ ФЕЙЕРАБЕНД

Кто в кустах раскинул сеть?
Для чего ей здесь висеть?
— Эй вы, горе-рыбаки!
Здесь ни лужи, ни реки!
— Мы лесные пауки.
Наши сети на суку,
Мы не лазаем в реку,
Мы не пачкаемся в тине.
В нашей сети — в паутине
Замечательный улов:
Девятнадцать комаров,
Десять мошек,
Восемь мух.
Да жуков поймали двух!

Должно это так?

НИНА СТРАХОВА

Во время перемены
Узнала я от Лены:
«Скушай сахару кусок,
Легче выполнишь урок.
Знаешь, сахар чем силён?
Укрепляет память он!»
Я сахар проглотила
И вмиг пример решила.
Быстро выполнен урок.
Вот как сахар мне помог!
Но только вспомнить больно,
Что было на контрольной.
Сахар, что ли, не такой?
Ем кусочек, ем другой —
Не решаются задачи,
Вот какая неудача!
Зазвенел уже звонок.
Сахар так и не помог...

Две подружки

АЛЕКСАНДР МИТИН

В нашем доме есть подружки.
Их боятся все игрушки.

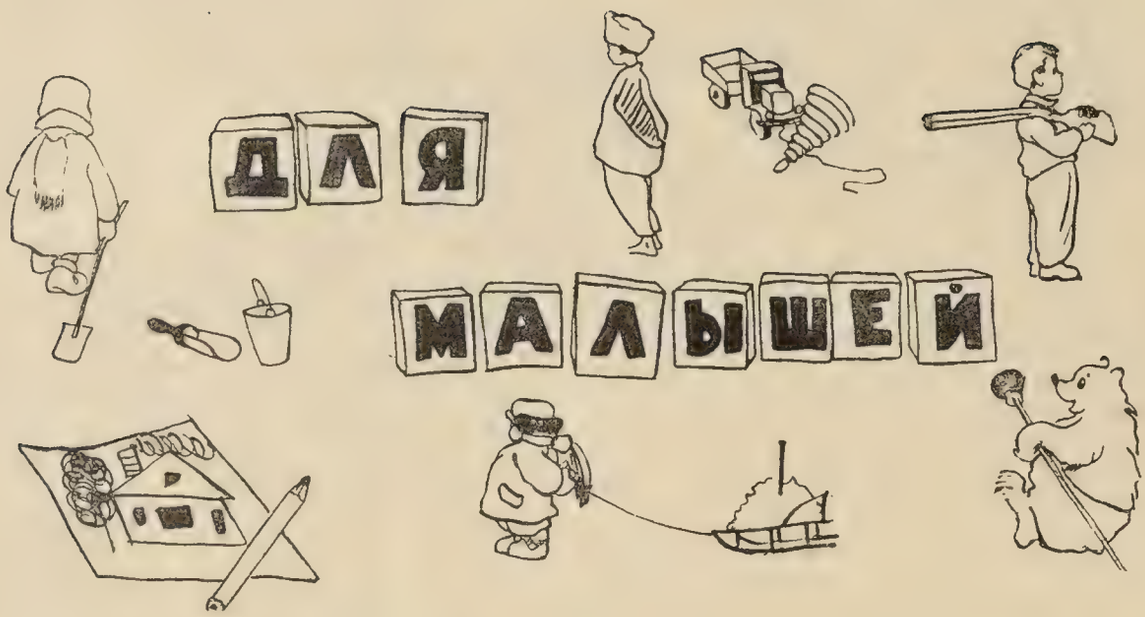
Попадёт к ним слон иль мишка,
Кукла, заяц или книжка —
Всё разделят пополам,
Потихонечку от мам.

Подарили старшей книжку,
Младшей — плюшевого мишку.

Сели обе у окошка,
Начинается делёжка:
Разделили все картинки,
Переплёт — по половинке...

Разорвали быстро книжку,
Принимаются за мишку.

Так две девочки-подружки,
Делят книжки и игрушки.
Ну, а вы, ребята, как?
Вы не делаете так?


ДЛЯ
МАЛЫШЕЙ

КАЖДОМУ — СВОЁ

СКАЗКА

ЛИДИЯ ПРЕОБРАЖЕНСКАЯ

Маленького Андрейку все в семье любили, но больше всех любила его Танюша. И Андрейка тоже любил старшую сестру. Куда, бывало, Танюша, туда и Андрейка.

Вот однажды пошла Таня с подругами в лес по грибы. Андрейка отстать от неё не хочет, со слезами просит:

— Возьми меня с собой, Танюша.

Сколько она его уговаривала:

— Потеряешься в лесу, посиди лучше дома. Я тебе ёжика поймаю, только не ходи с нами.

А он всё своё: возьми да возьми. Пожалела Таня брата, взяла с собой.

Хорошо в лесу. Берёзки перешёптываются. Травы и цветы кланяются ребятам. Грибы сидят под кустами, шляпками красуются: боровики — коричневыми, подосиновики — красными, сыроежки — го-

лубыми, розовыми, жёлтыми. А в ельнике рыжики да волнушки, будто тарелочки узорчатые разбросаны.

Ходят девочки, перекликаются, срезают грибы, укладывают их в корзинки. Андрейка за ними бродит, птичьи песни слушает. Вышел он на лесную поляну. На поляне колокольчики цветут, большие, синие.

— Колокольчики, позвените! —

просит Андрейка. Присел, ждёт. А колокольчики и впрямь тихонько позванивают:

— Динь-динь-динь! Динь-динь-динь!

Никто не слышит, только один Андрейка слышит, как они звенят. Вдруг из одного цветка вылезает толстый-претолстый мохнатый шмель. Засмотрелся на него мальчик, обо всём забыл и не заметил, как отстал от Танюши с подругами. Когда вспомнил, оглянулся — нет никого. Испугался, побежал в одну сторону, в другую — не видно девочек. Закричал,— в ответ только птицы поют. Горько заплакал он от страха и побрёл по лесу куда глаза глядят.

Долго шёл Андрейка, устал, а выйти из лесу не может. Сел на мшистую кочку у самого болота и ещё сильнее заплакал.

Болтунья-сорока, которая всегда раньше всех узнаёт новости, прилетела, покачалась на ветке над Андрейкиной головой, затрещала бойко:

— О чём плачешь, мальчик?

— Заблудился, устал и есть хочу, — ответил Андрейка сквозь слёзы.

Болтунья-сорока полетела по лесу, рассказала всем-всем про Андрейкино горе. И всем захотелось утешить мальчика, помочь ему.

Первая прибежала мышка-малышка.

— Пик-пик! Ты не будешь наступать на мой хвостик? — робко пропищала она.

— Что ты, мышка, зачем же я буду это делать? — удивился Андрейка.

— Меня всегда и все стараются обидеть,— сказала мышка-малышка.— Если не будешь, то пойдём ко мне. Я здесь вот, совсем рядом, на хлебном поле живу. У меня сухо, уютно, вволю можешь хлебных зёрен поесть.

Сказала и побежала. Андрейка — за ней. Вдруг смотрит он: где же мышка? Нет нигде. Только слышно, пищит где-то. Едва рассмотрел Андрейка норку и засмеялся:

— Как же я в норку залезу? Она у тебя маленькая. Да и не привык я зерно есть. Нет ли у тебя лучше хлеба или молока?

— Фу, какой капризный! — рассердилась мышка,— мои мышата так любят хлебные зёрнышки, а он отказывается. Ну и умирай с голоду, если капризничаешь.

Она сердито сверкнула чёрными глазками и убежала.

— Ква-ква! Иди, мальчик, ложись. Здесь, в тине, так мягко, прохладно и хорошо. А я пока тебе мошек поймаю на обед,— сказал чей-то голос.

Андрейка оглянулся. На соседней кочке сидела зелёная лягушка и смотрела на него большими выпученными глазами.

— Нет, милая квакушка, я не ем мошек, а спать в тине грязно, сыро и холодно,— сказал Андрейка.

— Значит, ты не хочешь есть. Разве может быть на свете что-нибудь лучше мошек? — заквакала лягушка и сразмаху плюхнулась в зелёную болотную воду.

Зашелестело что-то в траве у Андрейкиных ног. Посмотрел он, а там—ёжик.

— Иди за мной, — говорит ёжик,— у меня ты хорошо отдохнёшь. Я уже на зиму постель из листьев начал приготавливать, а на обед я тебе самых жирных червей накопаю, жуков наловлю, а то и мышку принесу.

Андрейка даже руками замахал:

— Что ты, что ты, ёжик. Кто же ест червей?

— Ты ничего не понимаешь,— фыркнул ёжик и сердито поднял все свои иголки.

Тут сверху шишка свалилась. Посмотрел Андрейка, а на ветке белка сидит, усмехается.

— Иди,— говорит она,— залезай ко мне сюда. В дупле у меня мягко, уютно, есть орехи и грибы сушёные.

— Нет, белочка, высоко ты живёшь, не залезть мне туда, да и не наемся я одними орехами. Если бы ты хлеба, молока или мяса варёного могла мне дать.

— Я не знаю, что такое мясо и хлеб. А капризных детей не люблю. Вот тебе, капризный мальчишка! — крикнула белка и запустила в Андрейку огромной шишкой.

Из-за куста зайчонок выскочил. Длинными ушами поводил, косые глаза ещё больше скосил и сказал:

— Нет у меня норки, чтоб ты отдохнуть мог. Если хочешь, ложись в ямку, тут вот, в кустиках. Я же поесть тебе принесу, сейчас побегу, травки принесу, корешков накопаю, коры надеру.

— Спасибо, заинька, только я не ем этого. Мне мама суп с хлебом на обед даёт,— печально сказал Андрейка.

— Как же можно сладкие корешки не есть? — обиделся зайчонок.— Ай! Ай! Она меня съест! — крикнул вдруг он испуганно, кувыркнулся через голову, да и пустился бежать во всю зайчиную прыть.

Смотрит Андрейка, кого зайчонок испугался, а это лиса выступает, белым брюхом к земле припадает, рыжим хвостом след заметает.

— Удрал косоглазый и не догонишь. Пойдём в мою нору, маленький. Посидишь там с моими лисенятами, пока я другого зайца выслежу, на обед поймаю.

— Нет, я зайца не хочу! — закричал Андрейка.— И в нору не пойду, там темно и тесно.

— Не хочешь зайца, я до деревни сбегаю, курочку для тебя из курятника утащу,— ласково сказала лиса.

Обрадовался Андрейка:

— А она будет вкусная, жареная?

— Ах, значит, ты ничего не понимаешь, мальчик. Кто же ест жареную курицу? Если не хочешь, то прощай, больше мне с тобой и разговаривать не о чём.

Зашумели кусты. Глядь, выходит из кустов волк, большой, серый, точь-в-точь такой же, как тот, что Красную Шапочку проглотил.

— Здравствуй, волчок! Здравствуй, серый бочок! — заюлила лиса.— Накажи-ка этого капризного мальчишку. Подумай, все лесные жители его угощают, к себе приглашают, а он капризничает: «Того не хочу, этого не ем, в нору не пойду, в норе темно и тесно...»

— Что? — зарычал волк.— Ка-

призничает? Я шутить не люблю. Живо проглочу.

И он раскрыл огромную пасть. Страшно стало Андрейке. Заплакал он пуще прежнего. А тут ещё страшный треск по лесу раздался, и вышёл из-за деревьев сам Михайло Потапович — большой мохнатый медведь. У бедного Андрейки совсем сердце упало.

Заворчал Михайло Потапович:

— В чём дело? Что случилось?

Волк рычит, лиса хвостом вертит,— объясняют они медведю всё подробно. Андрейка притих, в комочек сжался, боится и слово сказать.

— Капризничает, говорите,—заворчал медведь,— у меня сынок Мишук попробовал капризничать, так я его крепко нашлёпал. После этого он и о капризах забыл. Придётся и этого мальчишку нашлёпать.

Медведь протянул когтистую мохнатую лапу. Но в этот миг совсем близко раздалось:

— Ау, Андрейка! Где ты? Ау!

— Я здесь! — закричал сквозь слёзы Андрейка.

Выбежала из лесу Танюша, увидела зверей, закрыла братишку собой, закричала:

— Что вам надо? Уходите! Не смейте Андрейку трогать!

— А ты кто такая? Не вмешивайся не в своё дело. Мы хотим его наказать за капризы,— зарычал волк.

— За капризы? Да что вы, что вы, Андрейка никогда не капризничает.

— Как не капризничает? — пропищала мышка-малышка: — Я его хотела хлебными зёрнышками угостить, а он хлеба просит.

— А я ему мошек предлагала,— заквакала лягушка,— тоже отказался.

Ёжик сердито зафыркал:

— Что ваши мошки да хлебные зёрна! Он даже от червей отказался, а разве есть на свете что-нибудь вкуснее червей?

— Фу, какая гадость — черви! — закричал зайчонок, выглядывая из-за куста,— попробовал бы он заячьей капустки или молодых корешков, всегда бы их ел, да глуп он, не захотел попробовать.

— Ха-ха-ха! — засмеялась лиса.— Ну и смешной же ты, косой: какой же вкус в траве, в корешках? Вот зайчатинкой я и сейчас не прочь закусить...

Облизнулась лиса, а зайчонка и след простыл, только куст, за которым он прятался, закачался, захлопал листочками.

Волк зарычал:

— Выдумали тоже: корешки, мошки, зёрнышки, зайчатина! Какая это еда? Вот барашек или телёнок — совсем другое дело.

— Нет, брат,— заворчал медведь,— я с тобой не согласен. Конечно, телёнка задрать и я не прочь, но и от корешков не откажусь. Очень они вкусные бывают, зайчишка правду сказал.

— Эх вы,—засмеялась Танюша,— заспорили о том, какая еда вкуснее, а Андрейку наказывать хотели за то, что от вашей отказывается. Каждому своё нравится. Вот, Андрейка, тебе хлеб и молоко. Кушай, проголодался, бедненький.

Подсела она к брату. С аппети-

том съел Андрейка всё, что принесла ему Танюша, даже крошки подобрал.

— Ишь ты, какое дело,— усмехнулся Михайло Потапович, — значит, права девчонка: каждому — своё. Расходитесь! Нечего здесь больше делать. Смотри, серый, не

вздумай их обижать,— пригрозил он волку.

— Вот ещё! Я летом людей не трогаю,— огрызнулся волк.

Махнул медведь лапой и побрёл восвояси. За ним и остальные ушли.

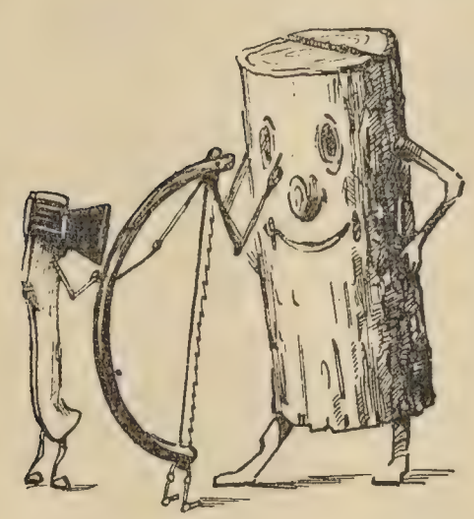
Взяла Танюша брата за руку, и скорее — домой. Дома уложила она его в постель. Уснул Андрейка крепко-крепко. И во сне ему приснились синие колокольчики, которые весело звенели:

— Динь-динь-динь! Динь-динь-динь!

А большой мохнатый шмель всё гудел и гудел басом и раскачивался на колокольчике, как на маленьких качелях.

Мои помощники

ЕВГЕНИЙ ФЕЙЕРАБЕНД



— Ко мне, мои помощники,—
Пилить, колоть дрова!..
А кто мои помощники?
Всего их только два.

Тонка пила лучковая,
Топор большеголов.
— Пилить дрова готова я!
— А я колоть готов!

Сказал пиле наточенной
Один большой чурбан:
— Кусайтесь вы не очень-то!
Я вам не по зубам.

Зазнайке не поверила
Проворная пила,
Пошла гулять по дереву —
Сквозь дерево прошла!

Топор стучит, не ленится,
Характером суров,
И выросла поленница —
Гора из свежих дров.

Горжусь я нашей силою:
Работа дружно шла!

— Все зубы притупила я!—
Сказала вдруг пила.

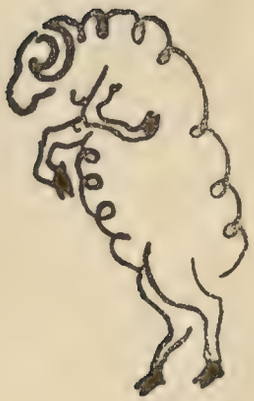
На отдых в пень втыкается
Размашистый топор,
И грустно откликается:
— И я не так остёр!

Приходится помощников
Немного полечить,
Приходится помощников
Напильником точить.

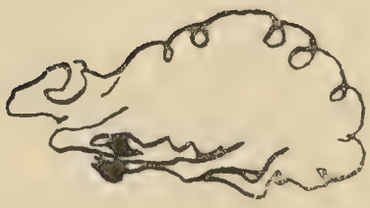
— Ну вот, опять здорова я!
— И я совсем здоров!
— Опять пилить готова я!
— А я колоть готов!

БАРАШЕК

ЕВГЕНИЙ ФЕЙЕРАБЕНД



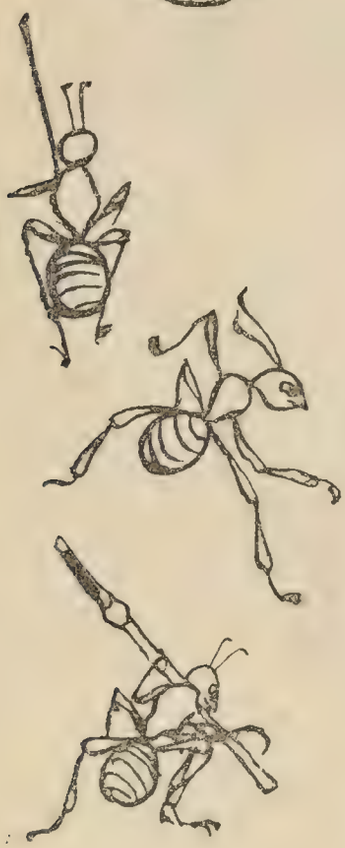
Вьётся шёрстка на барашке,
Завивается в кудряшки
На спине и на боках,
На хвосте и на ногах,
И на шее на крутой,
И на лбу, и на макушке.
И рога — как завитушки.
Весь барашек завитой!



Дружная семья

НИКОЛАЙ СЕЛИВАНОВ

У старого муравья
Преогромная семья.
Наступило лето,
Солнышком согрето.
С муравьиной кочки
Убраны листочки.
Пусть просохнет старый дом,
Пусть светлее будет в нём!
Дружно чинят муравьи
Дом и комнаты свои.
Моют четверо окно,
Тянут семеро бревно,
Волокут травинки
И несут личинки.



Вышел главный муравей:
— Эй, ребятушки, живей! —
Крикнул бородатый.
— В караул, солдаты!
И солдаты-силачи
Взяли ружья и мечи.
Всё большое дело
Делают умело.

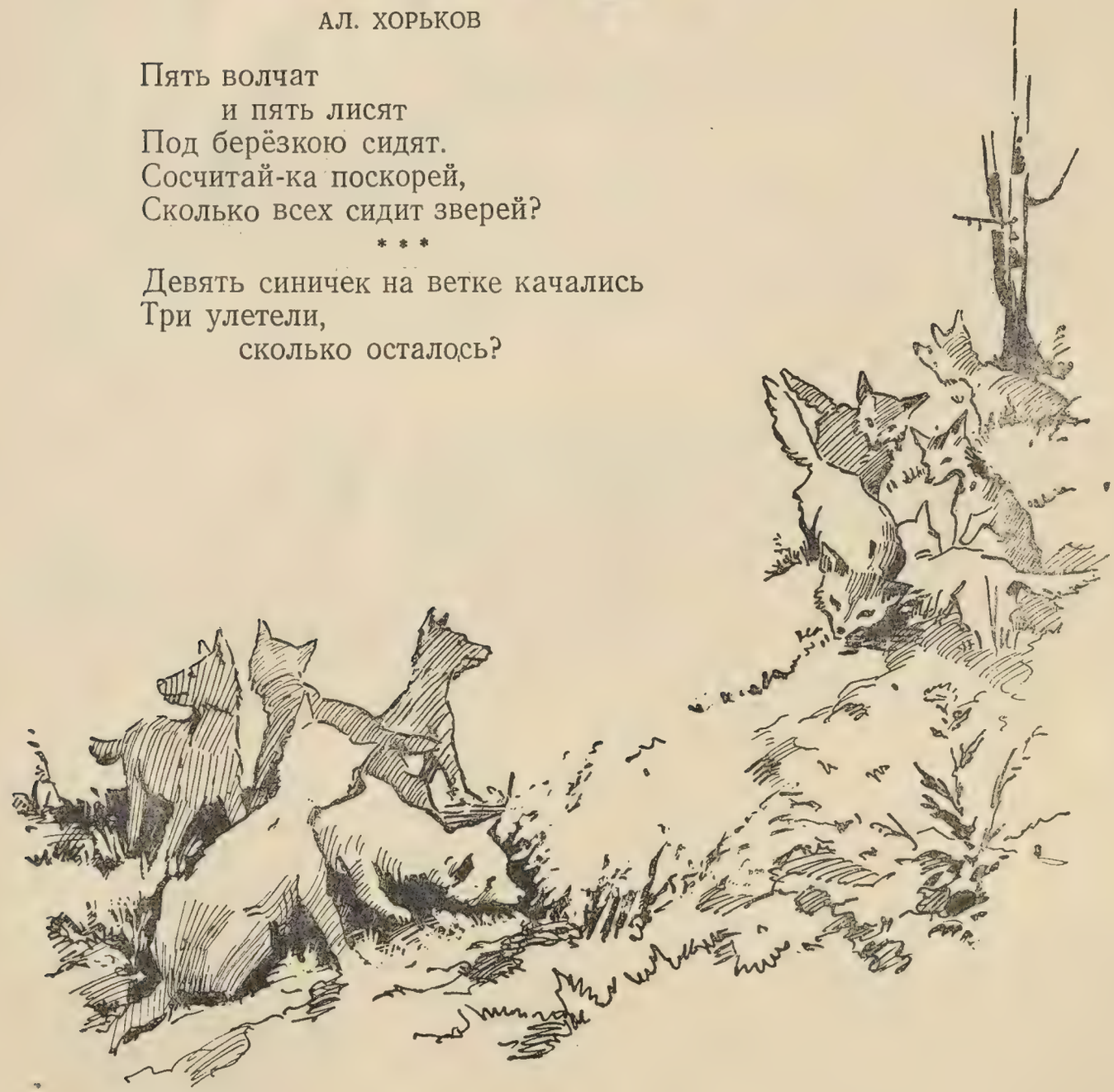
Что за дружная семья!
Позавидуешь, друзья!

АЛ. ХОРЬКОВ

Пять волчат
и пять лисят
Под берёзкою сидят.
Сосчитай-ка поскорей,
Сколько всех сидит зверей?

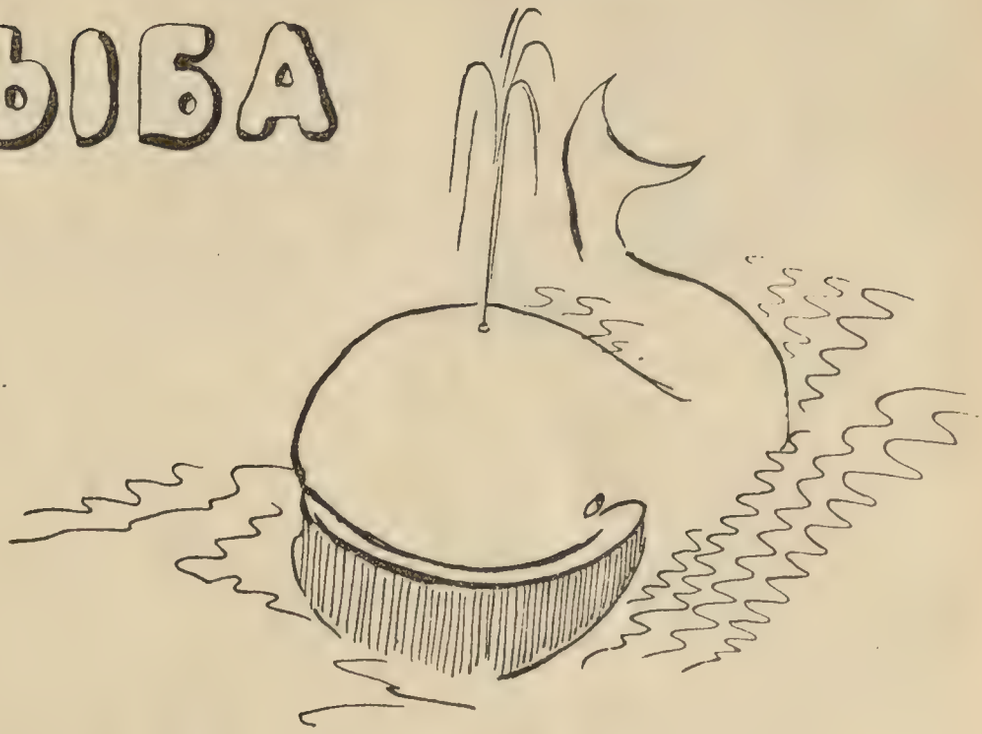
* * *

Девять синичек на ветке качались
Три улетели,
сколько осталось?



ЧУДО-РЫБА

ОЛЕГ АНАТОЛЬЕВ

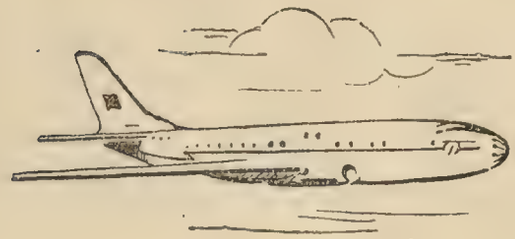


Что это за глыба
Сильно бьёт...
Из пловучей глыбы
На море, вон там,
Присмотрелся ты бы
На волнах торчит?
— Это чудо-рыба
Под названьем...

ЧТО ЗА ПТИЧКА?

Раньше был на ветке,
А теперь он в...
Разноцветные сапожки
Он надел себе на...
Почему же ты молчишь?
Ты ведь знаешь, это —...

В ЧАСЫ ДОСУГА



КРАЙ, В КОТОРОМ МЫ ЖИВЁМ

ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ВИКТОРИНА

СОСТАВИЛ Н. ФИНКЕЛЬШТЕЙН

1. Какие города на Урале носят имена прославленных лётчиков?
2. Какая уральская река называется так же, как шахматная фигура?
3. Какой уральский город называется красноречивым оратором?
4. Название какой уральской реки состоит из междометия, названия птицы и личного местоимения?
5. Какой уральский город носит название насекомого?

Логогриф

Из меня плетут корзины,
Виноград на мне растёт.
Если «Л» на «К» ты сменишь,
Заберусь я в огород.
Там полакомлюсь охотно
Я капустным кочешком.
Вместо «К» мне «Р» поставишь —
Сразу стану я цветком.

Метаграмма

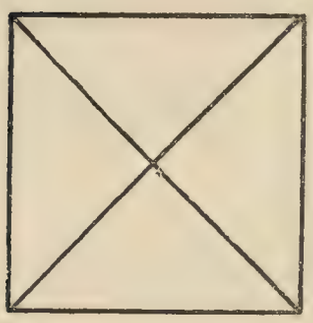
Парю я в синеве небес,
Скольжу над пеной моря белой...
Переменив же «Ч» на «С»,
Меня ты можешь кушать смело.

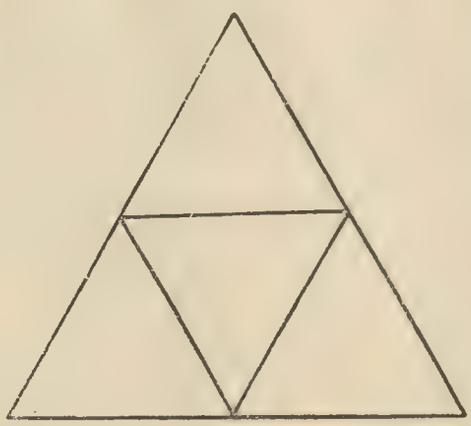
Шуточный вопрос

Идёт Кондрат в Ленинград,
Навстречу ему десять ребят
Несут по десять котят.
А у каждого котёнка —
По четыре мышонка.
И задумался старый Кондрат:
«Сколько же котят и мышат
Ребята несут в Ленинград?»

Глядя в зеркало

Очень легко нарисовать квадрат с двумя диагоналями. Но попробуйте сделать этот нехитрый чертёж, глядя на бумагу через зеркало!





Задача с треугольником

Как разделить равносторонний треугольник на четыре равные части, видно из рисунка.

Удалите верхнюю часть, оставив три нижних, составляющих трапецию, и попробуйте эту геометрическую фигуру разделить тоже на четыре равные части.

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Рассказы о прошлом

Сорок лет прошло с тех пор, как рабочие и крестьяне нашей страны с оружием в руках, в жестоких схватках с врагами революции взяли власть в свои руки. Сорок лет! За эти четыре десятилетия неузнаваемой стала наша Родина. Выросли новые города, фабрики и заводы, больницы, театры, просторные светлые школы, институты.

Какой была жизнь раньше, нам трудно представить. О ней помнят лишь наши дедушки и бабушки, о ней мы можем узнать из книг.

Уральский писатель Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк не дожил до Великой Октябрьской революции несколько лет. Он умер в 1912 году. Дмитрий Наркисович хорошо знал старый Урал, жизнь богачей и бедняков и рассказал о ней в своих произведениях.

В 1957 году Свердловское книжное издательство выпустило в свет его книгу рассказов «Для детей». Прочитайте её и вы увидите, каким безрадостным и страшным было детство до революции, детство тех, кто в 1917 году положил начало новому, социалистическому государству.

Маленький двенадцатилетний Прошка (рассказ «Кормилец») работает на фабрике. Он вечно голоден, хочет спать. Мать и сестра Федорка видят в нём кормильца, мечтают о том, как вырастет Прошка, и войдёт в их избу достаток. Федорка с нежностью отдаёт Прошке последнюю корку хлеба. Но жизнь неумолима и жестока к беднякам. И Федоркины мечты рушатся.

Все трудятся в семье Пимки (рассказ «В глуши»), промышляют лесной работой: рубят дрова, вывозят лес на Чусовую.

Пимка тоже знал, что будет работать в курене, и часто говорил отцу:

— Тятя, а когда ты возьмёшь меня в курень?

— Погоди, твоё время ещё впереди, Пимка... Успеешь и в курене наработаться, дай срок.

И Пимка ждал. Ему казалось, что как только он уедет в курень, так сейчас же и сделается большим.

Помощником в семье растёт и Михалко (рассказ «Под землей»). В ночь под Новый год, когда дети богатых веселились у ёлок, десятилетний Михалко вынужден опуститься в шахту и доставать золотоносную руду. Без слов идёт мальчишка работать, иначе нельзя, семья у них огромная, а дома даже куска хлеба нет.

Ребятам не суждено было учиться, и росли они неграмотными. Только немногим перепадало счастье. Случайно Кирюшкой заинтересовалась жена смотрителя (рассказ «Белое золото»). Она решила обучить его грамоте. Кирюшка начинает читать книги, и мир, доселе неведомый, открывается ему.

С любовью рассказывает писатель о детях и взрослых, о их радостях и печалях.

Повесть о дружбе

Хорошими ребятами были Никита Якишев и Лёнька Колычев, а вот не брала их дружба! Завидовал Лёнька всему и особенно успехам Никиты.

Летом, во время каникул, пионеры построили на горе Лысой лагерь.

Лёнька Колычев клянётся уничтожить лагерь. «Карфагена не будет!» — говорит он.

Однажды ночью Лёньке с дружками удаётся проникнуть на Лысую.

Они осторожно поползли по склону, держа курс на костёр.

Гоша Свиридов и Костя сидели у огня, пекли на углях картошку. От жара их лица раскраснелись. Аппетитно пахло печёной картошкой. Подбрасывая на огонь сухие ветки, дежурные вели мирную беседу. И вдруг что-то жёсткое и колючее опустилось на голову Кости. Чьи-то руки подняли его, оттащили от костра и бросили на траву.

Осуществил ли свой замысел Лёнька, вы узнаете, прочитав новую повесть свердловского писателя Владимира Николаевича Шустова «Карфагена не будет!»

«Мы с Севой в лесу»

Так назвал свою книжку писатель Василий Степанович Клёпов.

«...Пришёл однажды Сева к дяде Ване, садоводу, в гости. Дядя Ваня повёл Севу в сад. Тут откуда ни возьмись кошка в сад заскочила, а на неё собака с лаем бросилась.

— Гони её, разбойницу!— крикнул дядя Ваня.

— Почему разбойницу?— сразу заинтересовался Сева.

— За птичками охотится. Мы с Дамкой этих кошек за версту к дому не допускаем.

— А кто же ловит у вас мышей?— спросил Сева.

— Мышей у меня другие кошки ловят. Пострашнее. Хотите, покажу?

И дядя Ваня повёл Севу во двор.

— Видите ящик над дверью? Лезьте, посмотрите мою кошку.

Добрался Сева до ящика, заглянул в него, а на него как зашипит кто-то... Потом пригласил дядя Ваня гостей в дом и попросил Севу достать из-под кровати валенок. Сева полез под кровать, а там кто-то как зашипит опять. Сева выскочил оттуда да так на четвереньках и бежал до самой двери».

Кто же шипел на Севу, и кого он испугался? В ящике за дверью жила сова, а в валенке — ёжик.

Из книжки «Мы с Севой в лесу» вы узнаете о разных птицах и их повадках.

Весёлая книжка

Весёлую книжку для вас, ребята, написал учитель-пенсионер Александр Иванович Паненко — «Кукушкины подсказки». В ней говорится о том, как учился в лесной школе ленивый Миша Топтыгин, а Кукушка ему подсказывала и что из этого получилось; как Лиса училась собирать грибы; как хвастливая Муха поплатилась за своё хвастовство; как маленький глупый Мышонок напугал котёнка Шалунишку

и его хозяйку; и, наконец, о том, как Мышь и Ящерица хвалились своими хвостами. Книжка интересно иллюстрирована свердловским художником Германом Перебатовым.

Все эти книги выпустило в 1957 году Свердловское книжное издательство. Прочитайте их, ребята!

ОТВЕТЫ К РАЗДЕЛУ «В ЧАСЫ ДОСУГА»

Край, в котором мы живём

1. Серов, Чкалов.
2. Тура.
3. Златоуст.
4. Чу-сова-я.
5. Оса.

Логогриф

Лоза—Коза—Роза.

Метаграмма

Чайка — Сайка.

Шуточный вопрос

Ни одного: ребята идут из Ленинграда.

113322

Задача с треугольником

Рисунок показывает, какие три линии нужно провести внутри образовавшейся трапеции, чтобы разделить её на четыре равные части.

СОДЕРЖАНИЕ

Е. Ружанский. Торжественная дата. (Стихи). *Художник В. Жабский* 3
О. Коряков. Наш путь. (Очерк). *Художник В. Волович* . . 5
Л. Сорокин. Последняя ёлка. Валенки. Искры. (Стихи). *Художники В. Жабский* и *В. Моос* 9
А. Медведев. Имени героев. (Воспоминания). *Художник В. Волович* 12
А. Яковлев. Ровесник Октября. (Очерк). *Художник В. Яковлев* 16
Ю. Хазанович. Васька-Мазут. (Рассказ). *Художник М. Заводчиков* 19
С. Сухачевский. Цыганок. (Глава из повести). *Художник В. Моос* 33
Е. Хоринская. Русский мальчик. (Стихи). *Художник М. Заводчиков* 41
Б. Рябинин. Имя неизвестно. (Рассказ). *Художнцк В. Яковлев.* 44
А. Трофимов. Названый брат. (Рассказ). *Художник В. Бубенщиков.* 50
В. Еловских. Берёзка. (Рассказ). *Художник М. Заводчиков* 58
Н. Семин. Спор. (Стихи). *Художник П. Истомин* 61
С. Наумов. В пургу. (Рассказ). *Художник В. Моос* 62
М. Гроссман. Ты будешь здоровым, малыш! (Рассказ). *Художник С. Киприн.* 68
С. Гершуни. Змей. (Стихи). *Художник П. Истомин.* . . . 79
О. Маркова. На посту. (Рассказ). *Художник С. Киприн.* . . 80
О. Загарская. Саня и Шура. (Рассказ). *Художник П. Никулин* 87
А. Пудваль. Почтальон. (Стихи). *Художник Б. Жутовский.* . 93
И. Пешкова. Первое задание. (Рассказ). *Художник В. Жабский.* 94

ОЧЕРКИ

Е. Медякова. Певец родного края. *Художник В. Волович.* . . 99
Б. Цывьян. Металл будущего. *Художник В. Яковлев* 109
Б. Дижур. Необыкновенный экзамен. *Художник К. Карпенко* . 112

У НАШИХ ДРУЗЕЙ

Р. Славский. Дети «Страны юга». *Художник С. Киприн.* . 115

ШКОЛЬНАЯ САМОДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

И. Кычаков. Репетиция. (Комедия). *Художник Е. Гилева* . . 127

ИЗУЧАЙ РОДНОЙ ЯЗЫК

Н. Мячин. Слова-тёзки. *Художник П. Истомин* 134

ВЕСЕЛЫЕ СТРАНИЧКИ

Л. Фольварков. Радио простудилось. Зубки выдали. (Стихи). *Художник Е. Гилева* 141

В. Бычко. За мною в школу. (Стихи). *Художник Н. Уласевич* . 142
Е. Фейерабенд. Замечательный улов. (Стихи). *Художник Б. Жутовский* 144
Н. Страхова. Почему это так? (Стихи). *Художник Б. Жутовский* 145
А. Митин. Две подружки. (Стихи). *Художник Б. Жутовский* . 146

ДЛЯ МАЛЫШЕЙ

Л. Преображенская. Каждому — своё. (Сказка). *Художник В. Яковлев* 149
Е. Фейерабенд. Мои помощники. Барашек. (Стихи). *Художники Мишин* и *Б. Жутовский* 156
Н. Селиванов. Дружная семья. (Стихи). *Художник Б. Жутовский* 158
А. Хорьков. Сосчитай-ка! *Художник В. Кашкин* 159
О. Анатольев. Придумай рифмы! *Художник Б. Жутовский.* . 160
В ЧАСЫ ДОСУГА. *Художник Н. Шимилис* 161
КНИЖНАЯ ПОЛКА 163
ОТВЕТЫ К РАЗДЕЛУ „В ЧАСЫ ДОСУГА“ 166

Обложка художника С. Киприна.

Шмуцтитул «Весёлые странички» художника В. Кашкина.

Шмуцтитул «Для малышей» художника Б. Жутовского.

5 р. 20 к.

СВЕРДЛОВСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО 1958